

Учредитель
ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет»

ВЕСТНИК
БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Издается с 1998 г.

Выходит 15 раз в год

Выпуск РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
11 / 2014

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-36152 от 06 мая
2009 г. Федеральная служба
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Адрес редакции, издателя
670000, г. Улан-Удэ,
ул. Смолина, 24 а
E-mail: riobsu@gmail.com

Редактор *Я.С. Суворова*
Компьютерная верстка
Т.А. Олоевой

Подписано в печать 25.09.2014.
Формат 60 x 84 1/8.
Уч.-изд. л. 8,74. Усл. печ. л. 10,30.
Тираж 1000. Заказ 203.
Цена договорная.

Отпечатано в типографии
Издательства БГУ
670000, г. Улан-Удэ,
ул. Сухэ-Батора, 3а

Редакционный совет «Вестника БГУ»

С.В. Калмыков, чл.-кор. РАО, д-р пед. наук, проф. (председатель);
В.Е. Архинчеев, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя); *Н.Н. Татарникова* (зам. председателя, директор Издательства БГУ);
Н.И. Атанов, д-р экон. наук, проф.; *Т.С. Базарова*, д-р пед. наук, доц.; *А.С. Булдаев*, д-р физ.-мат. наук, проф.; *Д.И. Бураев*, д-р ист. наук, проф.; *А.В. Гаськов*, д-р пед. наук, проф.; *Н.Ж. Дагбаева*, д-р пед. наук, проф.; *Ц.З. Доржиев*, д-р биол. наук, проф.;
С.С. Имхелова, д-р филол. наук, проф.; *Л.П. Ковалева*, канд. филол. наук, проф.; *К.Б.-М. Митупов*, д-р ист. наук, проф.;
И.И. Осинский, д-р филос. наук, проф.; *М.Н. Очиров*, д-р пед. наук, проф.; *В.В. Хахинов*, д-р хим. наук, проф.; *В.Е. Хитрихеев*, д-р мед. наук, проф.

Редакционная коллегия выпуска

Л.П. Ковалева, канд. филол. наук, проф. (отв. редактор); *Е.О. Хундаева*, д-р филол. наук, проф.; *Л.Д. Раднаева*, д-р филол. наук, проф.; *С.В. Будажапова*, канд. филол. наук, доц.; *Т.В. Паликова*, д-р ист. наук, доц.

Перцептивно-аудиторский анализ просодии американского варианта английского языка

Статья посвящена описанию результатов экспериментального исследования речи носителей американских региональных диалектов, нацеленного на распознавание принадлежности говорящего к одному из произносительных ареалов путем проведения перцептивно-аудиторского анализа. В центре нашего внимания находились просодические характеристики английской звучащей речи, такие как диапазон голоса, темп, паузация, послужившие признаковыми параметрами идентификации произношения.

Ключевые слова: произносительный тип, просодические характеристики, аудиторский анализ, диапазон голоса, темп речи.

E.A. Babushkina

Perceptual-auditory analysis of American English speech prosody

The article presents a perceptual-auditory analysis of American English pronunciation types, aimed at identification of personal and linguistic backgrounds of their speakers. It focuses on some prosodic features of English, such as pitch range, tempo, pauses, which turn out to be relevant parameters of speech recognition.

Keywords: pronunciation type, prosodic features, auditory analysis, pitch range, tempo of speech.

Среди основных этапов экспериментально-фонетического исследования звучащей речи традиционно выделяют как инструментальный акустический анализ звуковых явлений, так и аудиторский анализ, нацеленный на выявление характера восприятия речевого сигнала на уровне перцепции, что способствует повышению уровня достоверности полученных результатов исследования. Тем важнее использование перцептивно-аудиторского анализа для выявления речевого портрета говорящего, включающего в себя фонационные, артикуляционные и просодические корреляты речи [1]. Отмечая сложность природы распознавания просодических явлений в потоке речи, Р.К. Потапова считает, что «просодические и звуковые аспекты речи настолько тесно переплетены, что их трудно разделить на две отдельные области. Восприятие является активным процессом, который пытается использовать любую информацию, поддающуюся определению и надежной интерпретации» [2, с. 2].

В настоящей статье мы обращаемся к результатам аудиторского анализа звучащей речи носителей региональных типов произношения США, нацеленного на выявление фонетических параметров идентификации региональной речи в США.

На первом этапе аудиторского анализа группе из 8 аудиторов из штата Северная Каролина, являющихся носителями южного регионального произносительного типа, были представлены образцы речи представителей четырех диалектных ареалов США, рассматриваемых в нашем исследовании, – Севера, Северного и Южного Мидленда, Юга.

Материал, предложенный аудиторам, представлял собой образцы реализаций двух видов речевой деятельности – чтения идентичного текста и спонтанной монологической речи. При этом ожидалось, что именно в чтении в наибольшей степени могли проявиться различные особенности произнесения гласных и согласных звуков, а также некоторые просодические характеристики, свойственные определенному социально-территориальному типу произношения. Аудиторы входилодолжны были определить степень соответствия произношения информантов стандартному произношению по трехбалльной шкале, по которой максимально приближенная к стандарту речь оценивалась в 1 балл, речь, приближающаяся к стандарту, – в 2, а наименее соответствующая стандарту, – в 3. В зависимости от принадлежности к определенному лингвистическому ареалу дикторы были разделены на четыре группы: северную, северомидлендскую, южномидлендскую и южную.

Аудиторский анализ образцов чтения стандартного текста выявил следующее. По оценкам аудиторов, наиболее приближенной к стандарту признана речь представителей северомидлендской группы дикторов (1,2 балла). Далее следуют северная группа (1,4 балла) и южная группа (1,5 балла). Наименее соответствующей стандарту оказалась речь дикторов из Южного Мидленда, получившая оценку аудиторов в 1,6 балла.

Полученные результаты свидетельствуют, во-первых, о превалировании стереотипа о стандартности речи представителей северных произносительных типов в сознании аудиторов, несмотря на то что все они являются жителями

юга США, и, во-вторых, о состоянии лингвистической неуверенности самих южан, которые поставили представителей своего территориального сообщества только лишь на третье место по степени приближенности к стандарту. В связи с этим примечателен тот факт, что аудиторы-южане оценили речь своих ближайших соседей по лингвистическому ареалу – дикторов из Южного Мидленда – как наименее соответствующую стандарту, то есть ниже собственно южной речи, проявив тем самым местный патриотизм.

Результаты рассмотрения образцов спонтанной монологической речи в реализации носителей региональных типов американского произношения выявили особенности характера восприятия этого вида речевой деятельности аудиторами-американцами. Если при оценке чтения разброс в баллах между максимально и минимально приближенной к стандарту региональной речью составил всего 0,4 балла, то есть довольно незначительное расхождение, то анализ восприятия спонтанной речи показывает некоторую контрастность оценок аудиторов. Так, наивысшую оценку по степени близости к стандарту получила речь дикторов из групп Северного и Южного Мидленда (1,2 балла). Далее группы расположились в следующем порядке: Юг (1,5 балла), Север (1,8 балла).

Очевидно, что различия в оценке чтения и говорения, то есть расхождение фоностилистического плана, связаны с тем фактом, что спонтанный монолог демонстрирует большую степень проявления территориальных характеристик речи и, таким образом, большую степень отклонения от стандартной речи в отличие от чтения, являющегося разновидностью официальной речи. Именно в чтении, вероятно, проявился довлеющий характер северного произносительного стандарта, что следует из результатов проведенного нами аудиторского анализа.

Таким образом, полученные данные подтверждают существование статуса неофициального произносительного стандарта, приписываемого северному и северомидлендскому произносительным типам, что признается даже жителями юга, чье произношение традиционно противопоставляется норме, как это было также доказано предыдущими экспериментами, посвященными исследованию восприятия американской региональной речи.

На втором этапе в роли аудиторов выступали преподаватели-фонетисты, имеющие опыт слухового анализа английской речи. Оценке подвергались образцы чтения стандартного текста, представленного в корпусе нашего исследования. Аудиторам было предложено отметить гра-

ницы синтагм и определить местонахождение пауз в синтагмах и между ними; установить характер мелодического диапазона, направление движения тона в синтагме, тип терминального тона; установить способ достижения выделенности слога и локализацию наиболее выделенных слогов в синтагме; определить темп речи информантов.

Результаты анализа выявили вариативность некоторых просодических характеристик речи в зависимости от территориальной принадлежности говорящего. Это, в первую очередь, относится к характеру мелодического диапазона в синтагме, который оценивался аудиторами как широкий, средний и узкий. В мужских региональных группах средний мелодический диапазон по среднегрупповым показателям отмечен в северной и северомидлендской группах. В южномидлендской и южной группах наряду со средним диапазоном отмечен узкий диапазон голоса. В отличие от мужчин женщины демонстрируют более широкий диапазон мелодики в большинстве из рассматриваемых нами групп. Самым широким диапазоном отличилась группа дикторов из Южного Мидленда; в остальных преобладает средний мелодический диапазон.

Анализ направления движения тона в синтагме выявил схожесть в характере реализации этой просодической характеристики в мужских и женских региональных группах. Наиболее частотным направлением движения тона в синтагме аудиторами выделяется: ровное – в группе дикторов из Северного и Южного Мидленда (62%); нисходящее – в южной группе (58%); ровное и нисходящее движение тона, представленное в равных пропорциях, – в северной группе.

Следующей просодической характеристикой, рассмотренной в ходе аудиторского анализа, стал темп речи, оцениваемый как быстрый, средний и замедленный. В большинстве женских региональных групп отмечено убыстрение темпа речи относительно мужской речи. Так, например, в северной группе мужчины демонстрируют средний темп речи, в то время как у женщин-северянок отмечен быстрый темп. Среднегрупповые характеристики темпа в региональных группах следующие:

- Север – средний/ускоренный;
- Северный Мидленд – средний;
- Южный Мидленд – замедленный/средний;
- Юг – замедленный.

По оценке аудиторов, одним из заметных параметров идентификации региональной речи стала частотность употребления и номенклатура терминальных тонов. Южная группа дикторов

выделяется по номенклатуре употребляемых терминальных тонов, используя на каждого диктора 7 типов тонов, среди которых наиболее частотными являются ровный (32%), высокий нисходящий (25%), низкий нисходящий (18%). В группах Севера и Северного Мидленда отмечено по 5 типов тонов, причем преобладающим из них является ровный тон: 38% – в северомидлендской группе и 37% – в северной региональ-

ной группе. В группе Южного Мидленда репертуар употребляемых тонов на диктора не превышает, в среднем, 6 типов, а наиболее частотным является высокий нисходящий тон (29%). В отличие от других групп южномидлендские дикторы употребляют большее количество тонов сложной конфигурации (табл. 1).

Таблица 1

Частотность употребления терминальных тонов в региональных группах (в %)

Регион	Терминальные тоны						
	нн	вн	Вн	нв	вв	Нв	Р
Север	26	19	4	14	-	-	37
Сев. Мидленд	34	12	-	12	-	4	38
Южн. Мидленд	20	29	8	-	7	8	28
Юг	18	25	6	8	6	5	32

Примечание. нн – низкий нисходящий ; вн – высокий нисходящий; Вн – восходяще-нисходящий; нв – низкий восходящий; вв – высокий восходящий; Нв – нисходяще-восходящий; Р – ровный.

Таким образом, наиболее употребляемым терминальным тоном в большинстве региональных групп в реализации чтения стандартного текста отмечен ровный тон, далее следуют низкий и высокий нисходящие тоны, низкий восходящий терминальный тон.

Аудиторский анализ выявил сходный характер употребления терминальных тонов в группах Севера и Северного Мидленда, касающийся большей частотности употребления низкого нисходящего тона по сравнению с высоким нисходящим тоном, а также предпочтительное употребление низкого восходящего тона большинством представителей северных типов произношения. Примечательно, что в группах Южного Мидленда и Юга отмечена противоположная картина: более высокая частотность употребления высокого нисходящего и высокого восходящего тонов, что позволяет считать эту просодическую характеристику параметром идентификации южной речи в отличие от речи северной.

Результаты третьего этапа аудиторского анализа, проведенного на материале спонтанной монологической речи, свидетельствуют о сохранении наметившейся тенденции контрастного противопоставления северных и южных типов произношения по большинству из рассмотренных просодических характеристик. В связи с этим наиболее информативными из них оказались характер мелодического диапазона, характер выделенности слога и локализация наиболее

выделенных слогов в синтагме, а также частотность встречаемости в речи пауз различной длительности. Рассмотрим подробнее каждую из указанных характеристик.

Анализ среднегрупповых данных характера мелодического диапазона в региональных группах выявил различия между мужскими и женскими группами в реализации этого параметра. Женские реализации отличаются от мужских более широким диапазоном голоса не только в чтении, но и в спонтанной монологической речи, что отмечено во всех региональных группах. По оценкам auditors, самый широкий мелодический диапазон проявили представители южного типа произношения. Дикторы из Северного и Южного Мидленда продемонстрировали средний диапазон голоса; в северной группе преобладает зауженный мелодический диапазон.

По характеру выделенности слога и локализации наиболее выделенных слогов в синтагме различия между региональными группами состоят в следующем. В северной и северомидлендской группах самым частотным является сильноначальный контур, в котором выделение первого ударного слога достигается при помощи громкости. Далее следует контур с равновыделенным началом и концом, в котором выделение первого ударного слога происходит как за счет громкости, так и с помощью высоты тона, а выделение последнего ударного слога достигается за счет высоты тона и длительности. В региональных группах Южного Мидленда и Юга от-

мечен иной характер оформления начала и конца синтагмы: наиболее частотным назван сильноконечный контур, в котором последний ударный слог выделен при помощи высоты тона, громкости и длительности.

Аудиторский анализ спонтанной монологической речи выявил большую степень выраженности контрастного противопоставления северного и южного типов произношения, касающихся темпа речи и паузации, чем это наблюдалось в чтении. В группе северных дикторов отмечен быстрый темп речи. Речь жителей Мидленда – Северного и Южного – отличилась разбросом характеристик: от медленной до быстрой. Аудиторы были единодушны в оценке речи представителей южного типа произношения, назвав ее медленной и в мужских, и в женских реализациях. В целом речь женских групп отмечалась как более быстрая по сравнению с мужской во всех региональных группах.

Как известно, восприятие темпа речи как быстрого, среднего или медленного тесно связано с объемом паузации, включающей в себя пау-

зы различной длительности. В ходе аудиторского анализа были рассмотрены паузы следующих типов: сверхкраткая, краткая, средняя, длительная, сверхдлительная с целью выявления частотности встречаемости в речи информантов пауз различной длительности.

Исследование этого просодического параметра выявило совпадение данных по частотности разных типов пауз в группах Севера и Северного Мидленда, в которых отмечено превалирование сверхкратких и кратких пауз при незначительной встречаемости в речи длительных и сверхдлительных типов пауз. В речи южно-мидлендских дикторов сверхкраткие, краткие и средние паузы представлены приблизительно в равных пропорциях; здесь же происходит нарастание доли длительных и сверхдлительных пауз. Этой тенденции следуют также и представители южно-мидлендского произносительного типа, в речи которых отмечено дальнейшее нарастание доли длительных и сверхдлительных пауз (табл. 2).

Таблица 2

Частотность пауз различной длительности в региональной речи (в %)

Регион	Паузы				
	сверхкр.	кратк.	средн.	длит.	сверхдл.
Север	36	32	24	4	4
Сев.Мидленд	41	33	18	8	-
Южн.Мидленд	31	26	27	10	6
Юг	22	24	29	17	8

Становится очевидным, что впечатление замедленности южной речи отчасти создается за счет большего объема паузации, а также большей частотности длительных и сверхдлительных пауз, как это следует из представленных здесь результатов аудиторского анализа.

В целом аудиторский анализ образцов чтения и монологической речи в реализациях дикторов из различных лингвистических ареалов США дает основание высказать предположение о существовании контрастного противопоставления северного и южного типов произношения по большинству из рассмотренных здесь просодических характеристик. Полученные в ходе дальнейшего инструментального анализа данные позволят нам точнее определить просодиче-

ские параметры идентификации речи американцев, проживающих в различных диалектных регионах страны.

Литература

1. Потапова Р.К. Сегментно-структурная организация речи (экспериментально-фонетическое исследование): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1981. – 50 с.
2. Потапова Р.К., Потапов В.В. Некоторые прикладные аспекты исследования звучащей речи // Вестник МГЛУ. Вып. 1 (607). – С.145–164.
3. Шевченко Т.И. Социальная дифференциация английского произношения. – М.: Высшая школа, 1990. – 142 с.

Бабушкина Елена Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка БГУ. E-mail: babelena@rambler.ru

Babushkina Yelena Alekseyevna – cand. of philology, assistant professor of English language department of BSU. E-mail: babelena@rambler.ru

**Места памяти и культурная непрерывность
(на примере топонимии Бурятии)**

В статье рассматриваются исторические связи топонимов Бурятии с именами иностранцев, жизнь и деятельность которых проходила в Бурятии.

Ключевые слова: *ономастика, топонимика, межкультурная коммуникация.*

G.S. Dorzhieva

**Places of Memory and Cultural Continuity
(on the Example of Toponymy of Buryatia)**

The article considers the historical links of toponymy of Buryatia to the names of foreigners, who lived and worked in Buryatia.

Keywords: *onomastics, toponymy, crosscultural communication.*

Для историков, этнографов и лингвокультурологов огромный интерес представляют публикации иностранных путешественников и исследователей XVII – начала XX веков, включая участников академических экспедиций, побывавших на территории этнической Бурятии. Изданные в России и за рубежом путевые записи, дневники и личные наблюдения придают им характер первоисточника.

Цель статьи – исследование мотива номинации топонимов Бурятии, связанных с именами иностранцев, жизнь и деятельность которых проходила в Бурятии.

М. Хальбвакс, известный французский философ, социолог и социальный психолог, отмечал, что фактор пространства наглядно связан с коммеморацией, описывая ее атрибуты через понятия образа и места. Как и мнемотехники древности, Хальбвакс полагает, что память является проблемой ментальной географии, где прошлое, его незабываемые места наносятся на карту нашего сознания. Кроме того, в самом проекте коммеморации присутствует целенаправленное структурирование времени и пространства, которое углубляет и подчеркивает естественную тенденцию коллективной памяти – избирать ограниченное число запоминаемых мест и событий [4, с. 203]. В Бурятии к таким коммеморативным географическим названиям относятся места пребывания английских миссионеров и француза Жана-Пьера Алибера, владельца графитовых рудников в Восточных Саянах.

Джон Кохрэн, капитан английского флота, ставший известным своими пешими походами по Европе, в 1820 г. путешествовал по Сибири. Своими впечатлениями он поделился в «Повествовании о пешеходном путешествии по Сибирской Татарии», изданной позже в Лондоне. Од-

нако, судя по записям и срокам, путешествовал Кохрэн по бурятским степям на лошади, а не пешком. В ходе поездки в Селенгинск капитан посетил живших там своих соотечественников – миссионеров. Англичане занимались изучением бурятского языка и переводом на бурятский «Священного писания», хотя так и не смогли обратить в свою веру местных бурят, принявших ранее буддизм. А. Эрман, описывая английскую духовную миссию в Селенгинске, отмечал: «Г. Юль сообщил нам, что до сего времени ни он, ни кто-либо из его коллег не обратил в христианство ни единого бурята». Но Юль не терял надежды и «обучал нескольких бурят ...латинскому языку» [8, р. 280].

В наши дни скромный обелиск на могиле миссионеров находится на пристани, недалеко от скалы Англичанка, по одной из легенд – любимое место прогулок одной из англичанок и место ее гибели. Мемориальная доска на памятнике содержит надпись: «В память о Марте Кови, верной жене Роберта Юиля и верной служительнице Лондонского миссионерского общества, уроженке Шотландии, г. Глазго. Умерла в г. Селенгинске, в год Господа 1827. *Блаженны мертвые, умирающие в Господе*» [11].

Среди зарубежных исследователей, путешественников, деловых людей и просто искателей приключений особое место принадлежит французскому Жану-Пьеру¹ Алиберу, с именем которого связана разработка графитовых и нефритовых рудников в Восточных Саянах в первой половине XIX века. Ж.-П. Алибер, Кавалер ордена Почетного легиона (23 февраля 1864 г.), родился 23 марта 1820 г. в г. Монтобан, во французском департаменте Тарн-и-Гаронна. Он был восьмым ребенком в скромной семье торговца сукном. После успешной учебы в богословской школе

Алибер занялся коммерческим делом. Уже в 14 лет он познает азы торговли у «джентльменов из кофейни Ллойда, а в 17 лет приехал с коммерческими целями в г. Санкт-Петербург, где организовал меховое дело» [1]. К купеческому сословию он был ранее причислен в финском городке Тавастгус и с этого времени именовал себя «тавозгустским первостатейным купцом». В России был известен как Иван Петрович Алибер.

По всей вероятности, именно занятие мехоторговлей привело его в Восточную Сибирь, богатую разнообразной ценной пушниной и золотом. Алибер давно интересовался графитовой промышленностью, изучал её в течение ряда лет в странах Западной Европы. Английские предприниматели в 1565 г. открыли в графстве Камберленд месторождение Борроудельского графита, качество которого оказалось лучшим в Европе. Благодаря этому Англия на несколько столетий стала монопольным поставщиком карандашей высочайшего качества. Изготавливавшая их фирма Брокмана приобрела всемирную известность, не имея равных себе конкурентов. Вывоз графита из Англии в его естественном виде был строжайше запрещен.

С 1840 года истощение Борроудельского месторождения, являвшегося, по существу, монопольным поставщиком высокосортного карандашного графита, значительно повысило его цену на мировом рынке. Подходили к концу и запасы второсортного графита, цена на который успела подняться до 400 франков за килограмм. Химическая очистка низкосортных пород, пресовка и добавка масел резко снижали качество карандашей. Других месторождений на тот момент в мире не было, и британское правительство назначило премию за ввоз в Англию большого количества графита. О его ценности можно судить по стоимости ввоза: за фунт чистого минерала платили по 40 коп. серебром.

Ботогольское месторождение графита находится в центральной части Восточного Саяна ($52^{\circ}20'$ с.ш. и $100^{\circ}45'$ в.д.) на вершине Ботогольского² гольца (2300 м). Месторождение имеет свою длительную и увлекательную историю, наиболее яркие страницы которой связаны с именем Ж.-П. Алибера, одного из успешных предпринимателей своего времени, умело сочетавшего активную коммерческую деятельность с культурно-просветительской, а также с важными для своего времени научными изысканиями. По свидетельству биографа, Алибер приобрел права на разработку графита с целью отыскать здесь месторождения алмазов и изумрудов. Учитывая, насколько важно было после 1840 года открытие графитового месторожде-

ния, Алибер решил досконально изучить технологию изготовления карандашей. Для знакомства с карандашным производством и приобретения необходимых знаний он в 1844 и 1846 гг. посетил Францию, побывал в Германии, Швейцарии и Англии (Камберлендское графство и Борроудельские графитовые рудники) [5, с. 50].

Алибер приступил к разведке саянского графита в 1847 г. Именно Алибера с полным правом можно отнести к первооткрывателям месторождения, т.к. вначале разведка и эксплуатация графитовых тел не оправдала его надежд и только после «восьмилетних неустанных тяжких трудов и лишений всякого рода, – как писал он в Вестнике Географического общества, – судьбе угодно было осчастливить меня своими благами дарами и терпение моё было вознаграждено полным успехом, открытием 3 числа февраля сего 1854 года, в боковой разведке, называемой Мариинской, действительно превосходнейшего качества графита того самого достоинства, которого я желал» [3, с. 54-55]. По сведениям С.В. Снопкова, кандидата геолого-минералогических наук, доцента Иркутского госуниверситета, супругу Ж.-П. Алибера, иркутянку, звали Марией. Поскольку одной из топонимических универсалий являются имена-посвящения, возможно, таким образом Алибер сохранил для истории память об этой русской женщине, о которой в архивных документах пока не найдены сведения.

В 1856 г. Алибер заключил в Париже договор с Лотарем³ фон Фабером (1817–1896) о поставке ему графитовой руды первого и второго сортов. Фабрика находилась в г. Штайн (Stein), близ г. Нюрнберга (земля Бавария). Договор был подписан в присутствии генерал-губернатора Восточной Сибири, графа Н. Муравьева-Амурского. При виде суммы контракта, генерал-губернатор воскликнул: «Неужели господин Алибер открыл золотой рудник?» На что Фабер ответил: «Да, господин граф, это действительно золотой рудник, т.к. за этот графит нам будут платить золотом» [7, с. 47].

Лотарь фон Фабер – правнук барона Каспара Фабера (1730–1784), основателя одного из самых старинных производств карандашей в мире – фабрики Фабер-Кастелл. Именно Лотарь фон Фабер заложил фундамент будущей империи: появление шестигранного карандаша и установление первых немецких стандартов твердости грифеля, выпуск первого в мире «брендового» карандаша под именем «A.W. Faber», открытие зарубежных представительств компании в Нью-Йорке, Париже, Лондоне, Вене и Санкт-Петербурге. За все это и многое другое Лотарь фон Фабер удостоен многочисленных почестей:

титула пэра (1861), титула барона с правом его перехода по наследству (1881), назначение пожизненным Верховным Советником Баварской Короны (1865), право перехода данного титула по наследству (1891).

Внучка Лотаря фон Фабера, выйдя замуж за графа Александра Кастелль-Рюденаузену, потомка одного из самых знатных немецких родов, принесла своей семье графский титул и приставку к известному имени своих предков и теперь компания именуется FABER-CASTELL. 1945 год – еще одна страница в истории г. Штайна и замка Фабер-Кастель, который на несколько месяцев стал мировым пресс-центром, освещавшим ход Нюрнбергского процесса. Этот замок до сих пор жилой, но часть замка и старая фабрика являются музеем. В наши дни в городе расположена штаб-квартира известного производителя карандашей и иных канцелярских товаров компании Фабер-Кастель [9].

Во второй половине XIX века Россия владела единственным в мире месторождением графита и полученные из Германии карандаши, сделанные из саянского графита, реализовывались по очень высокой цене – 20-25 коп. за штуку. Качество ботогольского графита было настолько высоко, что на изготовленных из него карандашах делалась специальная надпись: «Сибирский графит Алибера». Фирма Фабера ценила ботогольский графит примерно в 5 раз выше, чем цейлонский, и в 25 раз выше австрийского. С 1856 по 1860 г. Алибер отправил Фаберу отборного графита 41 454 тонн или 2530 пудов 26 фунтов. По договору фирме Фабера принадлежали исключительные права на графит Алибера, который был согласен на любые условия – поставлять сырье в кредит и получать свою часть прибыли по мере реализации карандашей. Фабер отказал ему в предоставлении аванса и Алибер в течение пяти лет брал разорительные кредиты для разработки рудника и транспортировки графита в Германию. По условиям договора Фабер должен был построить карандашный завод в Москве на сумму в 150 тысяч франков, но свое обязательство он не выполнил.

В 1875 году Алибер судился с Фабером, которому были предъявлены три вызова в Парижский коммерческий суд. 2 марта 1876 года Алибер выиграл дело, и только в 1878 году ему удалось получить от Фабера компенсацию в сумме 832 000 франков за вычетом 75 000 франков в счет оплаты его долгов в Сибири и скромную пожизненную ренту в 10 000 франков. 12 июня 1899 г. Ж.-П. Алибер приехал в г. Нюрнберг на церемонию открытия памятника в честь барона Лотаря фон Фабера, наследники которого реши-

ли увековечить для истории его имя. Алибер привез с собой книгу, в которой изложил свою точку зрения на то, как складывались их торговые взаимоотношения в ходе поставки сибирского графита фирме Фабера, разоблачив бесчестные махинации барона и обвинив его в нанесении автору невосполнимого морального и материального ущерба [6]. Возможно, именно по этой причине в источниках о фабрике Фабера нет ни слова об этом периоде ее деятельности, связанной с именем Алибера. Образец карандаша Фабера ранее хранился в Кяхтинском музее им. В.А. Обручева в Бурятии. В январе 2014 г. мы навели справки у сотрудников музея, но в фондах и экспозиции музея его не обнаружили.

Для вывоза графита с вершины гольца, где были шахта, вилла хозяина и рудничный поселок, Алибер провел дорогу длиной более двух километров и шириной до шести метров, сооружение которой продолжалось 12 лет и стоимость её оценивалась в 2 рубля за вершок. Далее дорога шла от Ботогольского гольца до станции Голуметь. Графит вывозили только в зимний период на санях, затем доставка осуществлялась в Европу на пароходах через Дальний Восток (Николаевск-на-Амуре), другой путь лежал через Санкт-Петербург. Следы дороги, несмотря на разрушительную деятельность рек Хончена и Урика и других природных явлений, сохранились до настоящего времени. О прежней деятельности местным жителям напоминают названия дорожки Алибера, тропа Алибера, рудник Алибера, Алиберовский шток.

Со второй половины XIX века карандашное производство модернизируется и уже не требует применения особо чистых и дорогих (затратных) сортов графита, – внедрены технологии изготовления карандашных стержней из графитового порошка в смеси с глиной. В 1859 г. Алибер возвращается во Францию и остаток своей еще долгой жизни ведет жизнь богатого рантье. Во Франции Алибер практически отошел от горных дел, но до конца своих дней оставался ярким пропагандистом минерального богатства огромного Сибирского края. Он экспонировал образцы графита и изделия из него на выставках в Лондоне, Париже, Вене, Гавре и некоторых других городах Западной Европы, тем самым закрепив мировую славу ботогольского графита. На Всемирных выставках в Лондоне (1862) Алиберу были вручены золотая и серебряная медали, в Париже (1889) – серебряная медаль [10].

Усадьба Алибера и хозяйственные постройки располагались на восточном склоне Ботогола, который соединялся с массивной горой, увенчанной конической вершиной, где Алибер уста-

новил крест. Горный инженер Л.А. Ячевский после посещения рудника предложил назвать эту гору «Крестовой» [5, с. 53]. На вершине Ботогольского гольца в 177 метрах от шахты Алибер построил небольшую, богато убранную внутри часовню. Он был здесь единственным католиком. В часовне имелся алтарь с образами святых мучеников, евангелие и несколько картин на библейские сюжеты. Здесь он уединялся, чтобы найти в себе силы и укрепить дух, как человек, верующий в свое предназначение, часто сопряженное с испытанием. По данным французских исследователей, перед отъездом Алибер подарил икону Святой Девы Надежды католическому храму г. Иркутска.

По возвращении во Францию Алибер лечился на водах термальных источников Шатонёфле-Бэн в департаменте Овернь от ревматизма, недуга, приобретенного за долгие годы, проведенные в Сибири. На полуострове Сен-Сир недалеко от источников есть возвышенность, где в 1892 г. по его просьбе была установлена бронзовая статуя Святой Девы, именованная Святой Девой Надежды. С этого времени возвышенность носит название *Пик Алибера* [10]. На постаменте статуи выгравировано: «*La Viergedel'Espérance. Pendant les 20 années que j'ai passées au fond de la Sibérie seul parfois en face de la mort et constamment en proie à d'indicibles alternatives d'espoir et de découragement, j'ai sans cesse invoqué la Sainte Vierge. Elleatoujoursdaigné mevenirenaide (1893. N.P. Alibert). – В течение 20 лет, что я провел в далекой Сибири, один, лицом к лицу со смертью, постоянно терзаемый то надеждой, то отчаянием, я всякий раз взывал о помощи к Святой Деве. Она всегда была ко мне милостива (1893. И.П. Алибер).*» – Пер. автора». Интересно, что на памятнике Алибер запечатлел инициалы своего русского имени «Иван Петрович» (в первом инициале *N*, вероятно, допущена ошибка французским гравёром, незнакомым с кириллической письменностью). Согласно канонам католической церкви, Святая Дева Надежды – это символ трех добродетелей (Вера, Надежда, Милосердие), вдохновляющий и защищающий от уныния, очищающий душу в ожидании вечного блаженства в Царствие небесном. Тоскуя по своей деятельной молодости, во время пребывания в Риоме (регион Овернь) Алибер потратил немало средств, чтобы на одной из окрестных

гор выстроить маленький Ботогол, чьи чары не покидали его до конца жизни.

В наши дни скала Англичанка, дорога Алибера, гора Крестовая в Бурятии, пик Алибера во Франции и замок Фабер-Кастель в Германии – это те места памяти, как пишет П. Нора, где память кристаллизуется и находит свое убежище, будучи связанной с какими-то особыми моментами нашей истории [2, с. 17]. Это чувство культурной непрерывности – «времен связующая нить» – находит свое убежище в местах памяти современной Бурятии.

Примечания

¹ В некоторых российских и французских источниках неправильно указывается имя Жан-Поль.

² В отчетах Ж.-П. Алибера Императорскому Русскому Географическому обществу соблюдается написание *Ботугольский гольц*; во французских источниках упоминаются *mines de Boutagol* 'рудники Бутагола'.

³ А. Хобта и С. Снопков ошибочно указывают Иоганна Фабера [5, 51].

Литература

1. Гусенков В.П. Чары твои, Ботогол // Сибирь. – 2002. – № 293/2. URL: irkipedia.ru/content/aliber_zhan...ivan_petrovich (дата обращения 12 мая 2014 г.)
2. Проблематика мест памяти // Франция-память / М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – С. 17-50.
3. Солоненко В.П., Кобеляцкий И.А. Восточные Саяны (научно-популярный очерк). – Иркутск: Иркутское областное издательство, 1947. – 99 с.
4. Хальбвакс Морис. Социальные рамки памяти. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.
5. Хобта А., Снопков С. В гостях у Алибера // Земля Иркутская. – 2007. – № 1(32).
6. Chronologie J.-P. Alibert à partir de l'ouvrage «un peu plus de lumière sur l'exploitation de graphite de Sibérie par la maison A.W. Faber. 1856–1906». BNF, 40Fn3, 6991, 385.
7. Description des trophées de graphite et de nephrite de Sibérie offertes à l'École impériale des mines au Conservatoire impérial des Arts et Métiers et au Museum d'histoire naturelle par M. Alibert. Paris: Imprimerie Poitevin; 1869.
8. Erman A. Travels in Siberia. London, 1840. Vol. II.
9. URL: gorodagermanii.nnm.me (дата обращения 28 июня 2014 г.)
10. François M. URL: <http://www.cths.fr/an/prosopo.php?id=101384> (дата обращения 3 марта 2014 г.)
11. URL: [kcmb.edge-baikal.ru/index.php /option/content...view](http://kcmb.edge-baikal.ru/index.php?option/content...view) (дата обращения 29 июня 2014 г.)

Доржиева Галина Сергеевна – доктор филологических наук, доцент кафедры немецкого и французского языков ИФМК БГУ. Тел. (8-3012) 220-757. E-mail: galdor@yandex.ru

Dorzhiyeva Galina Sergeevna – doctor of philology, associate professor, department of the German and French languages, IPhMC, BSU. Tel. (8-3012) 220-757. E-mail: galdor@yandex.ru

Функционально-семантическое поле как средство структуризации категории Blood

В статье приведены результаты анализа семантической категории Blood / Кровь. Рассматриваются различные взгляды на теорию функционально-семантического поля. Основой анализа ФСК Blood взят постулат о том, что средством её структуризации является функционально-семантическое поле. Приводятся основные выводы по результатам анализа англоязычных лексикографических источников, а также формируется область ближней периферии ФСК Blood.

Ключевые слова: функционально-семантическое поле, функционально-семантическая категория, ядро.

O.E. Emelyanova

Functional – Semantic Field as a Mean of Structure of the Category Blood

The article regards semantic category Blood in English consciousness. Various theories of functional-semantic field are described. The main idea of the article is that functional-semantic field structures the category of Blood.

Keywords: functional-semantic field, functional-semantic category, nucleus.

Развитие современной лингвистической науки в немалой степени базируется на когнитивно-дискурсивной парадигме, представляющей собой одно из самых перспективных направлений в исследованиях междисциплинарного характера. Новая парадигма научных знаний рассматривает язык как часть информационно-когнитивной системы и выделяет в качестве основных функций языка его коммуникативную и когнитивную функции (Н.Д. Арутюнова, Т. ван Дейк, В.З. Демьянков, Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова, М.Л. Макаров и др.). Когнитивно-дискурсивная парадигма, интегрируя достижения и методы смежных наук, дает возможность комплексного изучения не только самих языковых явлений, но и человека как носителя языка и субъекта познания (Ю.Н. Караулов, Б.А. Серебренников, И.П. Сусов и др.), осуществляющего категоризацию различных проявлений объективной реальности. Разработка проблематики процессов категоризации как основного способа упорядочивания мира, описания концептуальной картины мира нашла свое отражение как в классических исследованиях (Аристотель, В. фон Гумбольдт, О. Есперсен, С.Д. Кацнельсон, И.И. Мещанинов, Г. Пауль и др.), так и в трудах ученых конца XX – начала XXI века (Н.Н. Болдырев, А.В. Бондарко, З.Г. Бурдина, А. Вежбицкая, В.З. Демьянков, П.В. Дурст-Андерсен, Е.С. Кубрякова, Л.А. Манерко, Р.И. Павиленис, Ю.С. Степанов).

Проблема категоризации является весьма важной на современном этапе развития языкознания. Одним из функциональных направлений исследования языка является функциональная грамматика, в том числе концепция функционально-семантических полей (далее ФСП). В

основе ФСП лежит определенная функционально-семантическая категория (ФСК). Порождаясь элементами разных языковых уровней, ФСК представляют собой «комплексные» категории. Результатом этого порождения является взаимодействие в речи различных элементов, образующих семантические комплексы, вследствие чего необходимо говорить об уровне функционально-семантическом [6]. «ФСП, базирующееся на определенной ФСК, представляет собой объединение разноуровневых языковых средств на основе выражения общего грамматического значения, восходящего к той или иной понятийной категории, причем объединение это не только семантическое, но и функциональное, поскольку эти единицы используются для реализации объединенной общей функции» [4].

ФСП является «совокупностью взаимосвязанных явлений, расположенных так, что одно находится в центре того пространства, которое занято этими явлениями, а остальные группируются вокруг него, соотносясь и, тем самым, сцепляясь друг с другом наличием многих смысловых и формальных признаков, т.е. находятся на периферии» [1]. Подробный анализ теории поля в лингвистике осуществлен Г.С. Щуром, который классифицировал поля следующим образом: парадигматические, синтаксические, ассоциативные, морфосемантические и функционально-семантические [21].

В данной статье мы основываемся на концепции А.В. Бондарко о функционально-семантическом поле, определяемом автором следующим образом: ФСП – это группировка разноуровневых средств языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций и выражающих варианты определен-

ной семантической категории [8]. ФСП – «понятие, отражающее языковое содержание и языковое выражение в их единстве, относящимся к строю данного языка» [15].

Ряд иерархически связанных между собой элементов, составляющих ФСП, сгруппированы как на основе принципа функциональности, так и инвариантности. Так, части ФСП, обладающие самостоятельностью в плане содержания и в плане выражения, рассматриваются А.В. Бондарко как функционально-семантические микрополя, имеющие двусторонний характер: план содержания и план выражения.

Функциональная грамматика опирается на понятие вариативности «как общего свойства, заложенного в самом устройстве языковой системы» [16], «как способа существования и функционирования всех без исключения единиц языка» [18]. Все единицы языка вариативны: они представлены в виде множества вариантов. В вариативности единиц языка проявляется вариантно-инвариантное устройство системы языка [17], которую можно описать при помощи разных моделей и на различных уровнях обобщения; в зависимости от этого она представляется в виде множества абстрактных единиц или материальных типовых единиц, находящихся в своеобразных отношениях. Инвариант представляет собой некоторый абстрактный предмет, характеризующийся абстрактными свойствами, некий идеальный эталон, по отношению к которому все, что реально с ним коррелирует, является группой вариантов. Инвариант не противостоит вариантам, а сам представляет некоторую совокупность вариантов [22]. Это то общее, что объективно существует в классе однородных предметов или явлений. В свою очередь, вариант есть конкретный объект, принадлежащий классу объектов, относительно которых выделяется инвариант.

Таким образом, инвариант и вариант – две характеристики предмета или явления, входящего в некоторый класс. Если свойство инвариантности характеризует то общее, что есть у данного предмета и у других ему подобных, то вариативность характеризует то особенное, что отличает данный предмет от ему подобных, с которыми он связан через свои инвариантные свойства [17].

Понятия инвариантности и вариативности имеют важное значение для характеристики онтологической сущности единиц языка. Характеризуя явление вариативности единиц языка, В.М. Солнцев выделяет два фактора, его обуславливающих: а) существование каждой единицы в виде некоторого класса и б) использова-

ние в речи всегда одного представителя класса (в силу свойства линейности речи) [19].

Итак, по мнению В.М. Солнцева, вариативность является фундаментальным свойством языковой системы и функционирования всех языковых единиц [17]. В свою очередь, полевая структура языка является «отражением его функциональных свойств, прежде всего, вариативности» [2]. Так, в языковом плане А.Г. Баранов выделяет два вида вариативности: 1) внутриуровневую вариативность, выявляющуюся только при наличии в системе языка парадигматических вариантов, в связи с чем выделяются этические (вариантные) и эмические (инвариантные) единицы языковой системы; 2) межуровневую вариативность, которая, в отличие от внутриуровневой вариативности, опирается на «не-оппозитивные» отношения, объединяющие языковые единицы разных уровней в структуре полевого типа. При полевом подходе к системе языка наиболее важным представляется рассмотрение межуровневой вариативности, включающей анализ разноуровневых единиц, функционально объединенных какой-либо семантической категорией или признаком. Данное объединение обладает сложной иерархической структурой на парадигматическом уровне и характеризуется разнообразными связями конститuentов на синтагматическом уровне, что представляет собой анализ вариативности разноуровневых единиц, объединенных в поле по функциональному признаку [2].

Основываясь на принципах функциональности и инвариантности, единицы языка можно объединить в поле. Семантические категории представляют собой основные инварианты, выступающие в тех или иных вариантах в языковых значениях, выраженных различными (словообразовательными, лексическими, морфологическими, синтаксическими, а также комбинированными) средствами. Семантические категории доминируют в иерархической системе семантической вариативности.

Категория Blood входит в состав семантических категорий, непосредственно связанных с мыслительными. Они базируются на последних, при этом не являясь тождественными им [7].

Однако, кроме логических форм мышления, порожденных процессом познания, а следовательно, общечеловеческих по своей природе, существуют чисто структурные формы мыслей, связанные с особенностями конкретных языков, которые могут совпадать в различных языках и, наоборот, быть неодинаковыми при оформлении идентичного содержания в одном и том же язы-

ке. П.В. Чесноков определяет данные формы мышления как семантические [20]. Семантические формы мышления связаны с грамматическими формами, составляя соответственно грамматическую семантику тех грамматических форм, которые не являются универсальными и не выражают логических форм как общечеловеческих способов внутренней организации мысли. Логические формы мышления выступают в качестве собственно грамматической семантики универсальных языковых форм. Семантические формы принадлежат специфической сфере грамматического строя конкретного языка. Логические и семантические формы в совокупности образуют ее план содержания и определяют своеобразие грамматического строя каждого языка [20].

По мнению Г.В. Колшанского, каждый конкретный язык «как языковой вариант человеческого языка вообще в своем своеобразии не искажает и не преобразует действительность, а через глобальную семантическую систему всей совокупностью своих средств отображает единую природу мира в концептуальном аппарате человека, как универсальной понятийной системе, коррелирующей с реальным миром на основе принципа отражения» [13].

Мышление носит категориальный характер, так как знание, приобретенное в процессе исторического развития практики и познания, закрепляется в понятийных категориях, которые понимаются как универсальные, свойственные всем или большинству языков мира [10]. Благодаря этому свойству они выступают как «основа сводимости описаний разнообразных и разнотипных языков» [9].

Категории играют роль посредника между языком и мышлением. Понятийная же категория выражает отвлеченное, обобщенное значение, находящее в данном языке то или иное выражение. Она представляет собой замкнутую систему значений некоторого универсального семантического признака или же отдельное значение этого признака безотносительно к степени их грамматикализации и способу выражения (скрытому или явному) в конкретном языке [9]. Кроме того, она является смысловыми компонентами общего характера, свойственными не отдельным словам и системам их форм, а обширным классам слов [9].

Данные категории могут выступать в лексике, синтаксисе и морфологии, и, лишь выявляясь в формальной стороне синтаксиса и морфологии, они становятся грамматическими понятиями. Проявляясь в семантической стороне лексики, в синтаксическом строе предложения и в

морфологическом оформлении слова, понятийные категории остаются тем самым в числе языковых категорий, хотя и отражают в языке действующие нормы сознания [14]. Так, понятийная категория Blood, представленная в языке семантической категорией Blood, является универсальной, что обусловлено общими закономерностями отражения объективной действительности в сознании людей.

Таким образом, будучи универсальной фундаментальной понятийной категорией, Blood, как и другие категории, образует определённый пласт языковых единиц, представляющих доминанты картины мира.

Понятийные категории, с одной стороны, представляют собой отражение свойств и отношений реальной действительности, а с другой – имеют опору на язык. Согласно утверждению А.В. Бондарко, языковые семантические функции выступают в конкретной «языковой одежде» как значения, «привязанные» к определенным морфологическим, синтаксическим, словообразовательным или лексическим средствам или их конкретным комбинациям в данном языке. Эти семантические функции являются результатом процесса языковой интерпретации понятийных категорий [5].

В языковом отношении понятие «категория» трактуется как «любая группа языковых элементов, выделяемая на основании какого-либо общего свойства».

В узком смысле языковая категория представляет собой «некоторый признак, который лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся классов, члены которых характеризуются одним и тем же значением данного признака» [9].

Одним из важнейших и наиболее изученных типов языковых категорий являются грамматические категории, к характерным чертам которых относятся модифицирующий тип категоризирующего признака, его причастность к синтаксису, «обязательность» выбора одного из его значений для словоформ из категоризируемой совокупности и наличие регулярного способа его выражения. Грамматическая категория содержит в своей семантической структуре два инвариантных значения: первичное, закрепленное за ней строем языка, и вторичное, реализуемое при включении в контекст. Первичное инвариантное значение представляет грамматическую категорию как элемент строевой парадигмы и лежит в основе всех вторичных инвариантных значений категории, объединяя их в контекстную парадиг-

му. На основе первичного инвариантного значения в языке формируются вторичные инвариантные значения, количество которых соответствует количеству лингвистически дискретных сфер общения.

Язык как средство социальной коммуникации существует в виде упорядоченной системы коммуникативных контекстов, инвариантное значение которых включается в семантическую структуру грамматических категорий как вторичное. Как справедливо замечает С.И. Канонич, описание функциональной семантики грамматических категорий без учета значений, проявляющихся в контексте, невозможно. Так, если первичное значение носит сугубо лингвистический характер, вторичное значение включает в свою структуру коммуникативные и прагматические компоненты и обусловлено ситуацией речи [12].

Таким образом, функционально-семантический подход дает реальную возможность изучения языка в его конкретной реализации, в действии, что отвечает естественным условиям речевого общения, когда различные языковые средства используются в их неразрывной связи [11]. Объединение языковых единиц в едином семантическом комплексе, которым и является ФСП, становится возможным благодаря тому, что почти каждое языковое явление, принадлежащее одному уровню языка, имеет свою точку опоры в другом уровне языка. Вследствие этого системно-языковые основания того или иного ФСП заложены в самом ядре грамматического строя языка. Вслед за А.В. Бондарко мы понимаем ФСП как функционально-семантическое поле, объединяющее в своем составе все конститuentы на основе общности выполняемой ими функции характеристики количества в объективном мире признаков, процессов и явлений бытия.

Основная сложность исследования структуры категории Blood заключается в определении ядра. Рациональным в ходе исследования предполагается использование методики полевого анализа разноуровневых языковых средств, предложенной А.В. Бондарко. Планом её содержания является понятийно-содержательная зона, актуализируемая конститuentами функционально-семантического поля Blood в сознании носителей английской лингвокультуры. Центр поля представляет собой «зону сгущения» признаков и вследствие этого специализацию языковых средств для выражения определенного значения.

Анализ синонимов, дефиниционный анализ, этимологические данные позволяют выделить ядро ФСП крови, которое составляет концепт blood. Так, blood обозначает «жизненную жидкость, циркулирующую в теле человека», например: «Blood is a red, vital liquid that is sent around the body by the heart, and carries oxygen and important substances to organs and tissue» [29].

Кровь может обозначать «потерю жизни, смерть»: «violence involving bloodshed, murder, gore» [29].

Лексема blood употребляется для обозначения «родственных связей»: «family background, relationship by descent from a common ancestor, descent from parents of recognized breed or pedigree» [26].

Blood может использоваться в значении «новые идеи, опыт»: «A group of people regarded as a source of energy, new ideas, members of a new team» [27].

Следующим наиболее частотным определением Blood выступает определение «поведение, темперамент»: «State of mind, temperament, disposition» [26]. Проведённый анализ лексикографических источников можно представить в виде таблицы, иллюстрирующей наличие или отсутствие тех или иных определений blood:

Словари	CALD	CCELD	LDCE	LDEL	LLA	MWOD	OALDCE	WEU DEL
Определения	+	+	+	+	+	+	+	+
<i>Life/vital fluid</i> виталь- ность	+	+	+	+	+	+	+	+
<i>Taking of life/murder/the shedding of blood/ violence</i> потеря жизни	+	+	+	+	+	+	+	+
<i>Pedigree/re- lationship from a</i>	+	+	+	+	+	+	+	+

<i>common ancestor/ royal lineage</i> родство								
<i>A group of people regarded as a source of energy, new ideas/members of a new team</i> новые идеи, опыт	+	+	-	+	-	-	+	+
<i>State of mind/ disposition</i> поведение, темперамент	-	+	+	+	+	+	+	+

Анализ синонимов Blood, а также фрагментов англоязычных оригинальных текстов позволяет определить области ближней периферии ФСП (LIFE, RANK, MURDER, FAMILY, TRIBE).

Следует отметить, что составляющее дифференцированное сочетание этих микрополей формирует смысловую многоплановость ФСП Blood в современном английском языке, а инвариантный категориальный элемент крови служит основой для объединения концептов FAMILY, TRIBE, MURDER, RANK, LIFE.

Таким образом, Blood в современном английском языке представляет собой категорию, сформированную вокруг одноимённого базового концепта, формирующего структуру и содержание ФСП Blood, а ближняя периферия описываемого ФСП манифестируется вышеупомянутыми микрополями.

Литература

1. Адмони В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики / отв. ред. В.М. Павлов. – Л.: Наука, Ленинградск. отд-ние, 1988. – С. 239.
2. Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовск. ун-та, 1993. – С.182.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика / под ред. Ю.С. Степанова. – 2-е изд. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – С. 448.
4. Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. – Л.: Наука, Ленинградск. отд-ние, 1971. – С. 115.
5. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. – Л.: Наука, Ленинградск. отд-ние, 1978. – С. 176.
6. Бондарко А.В. О взаимодействии языковых уровней в рамках функционально-семантической категории // Уровни языка и их взаимодействие: тез. науч. конф. – М., 1967. – С. 32-35.

7. Бондарко А.В. Семантические категории в аспекте сопоставительных исследований // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку. – М.: Наука, 1987. – С.26-36.
8. Бондарко А.В. Функциональный анализ категорий грамматики: предмет и метод // Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. – СПб.: Наука, 2000. – С. 9-35.
9. Булыгина Т.В., Крылов С.А. Морфология // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998а. – С. 313-315.
10. Есперсен О. Философия грамматики. – 2-е изд. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – С. 404.
11. Загоруйко А.Я., Муругова Е.В. Сущность и формы выражения словообразовательных значений в производных словах в современном английском языке // Известия Ростовск. пед. ун-та. – 1998. – Вып. I. Филология. – С. 82-86.
12. Канонич С.И. Принципы типологии контекстных грамматических категорий // Вопросы языкознания. – 1984. – №1. – С. 84-89.
13. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. – М.: Наука, 1990. – С. 107.
14. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. – Л.: Наука, Ленинградск. отд-ние, 1978. – С.237.
15. Николаева Т.М. Теория функциональной грамматики как представление языковой данности (на материале четырех выпусков кн. «Теория функциональной грамматики») // Вопросы языкознания. – 1995 – №1. – С. 68-80.
16. Попов Н.М. Количественная и коммуникативно-типологическая парадигматика предложения // Филологические науки. – 1988. – №1. – С. 76-78.
17. Солнцев В.М. Вариативность // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 80-81.
18. Солнцев В.М. Вариативность как общее свойство языковой системы // Вопросы языкознания. – 1984. – №2. – С. 31-42.

19. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1977. – С. 341.

20. Чесноков П.В., Чеснокова Л.Д. Функционально-семантическое поле с гносеологическим расчленением // Функционально-семантические категории: языковой и речевой аспекты. Ростов н/Д, 1999. – С. 50-61.

21. Щур Г.С. Теории поля в лингвистике. – М.: Наука, 1974. – С. 254.

22. Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика. – М.: Наука, 1981. – С.112.

23. CALD – Cambridge Advanced Learner's Dictionary [Электронный ресурс], 2009. – URL: www.dictionary.cambridge.org

24. CCELD – Collins Cobuild English Language Dictionary [Электронный ресурс], 2009. – URL: www.dictionary.reservo.net

25. LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English. Longman Group Ltd., 1995.

26. LDELС – Longman Dictionary of English Language and Culture. Barcelona: Longman Group UK Ltd., 1992.

27. Merriam-Webster's Online Dictionary [Электронный ресурс], 2009. – URL: www.merriam-webster.com

28. OALDCE – Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford University Press. 2005.

29. WEUDEL – Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. N.Y.: Gramercy Books, 1996.

Емельянова Ольга Евгеньевна – ассистент кафедры «Иностранные языки» Иркутского государственного университета путей сообщения. E-mail: o.e.emelyanova@gmail.com

Emelyanova Olga Evgenyevna – tutor of the chair of Foreign Languages, Irkutsk State University of Railway Transport. E-mail: o.e.emelyanova@gmail.com

УДК 81'342.3, 81'44, 18'246.2

© В.Л. Завьялова

Активные процессы в фонетике английского языка в аспекте контактной вариантологии

Работа выполнена при поддержке программы «Научный фонд ДВФУ»

В статье рассматриваются процессы нарастания фонетической вариативности в современном английском языке, возникающие вследствие расширения ареала и сфер его функционирования как языка-посредника в современном мире. Проблемы вариантности английского языка, которые сегодня являются одними из центральных в лингвоконтактологических исследованиях, включают способы описания процессов и результата взаимного влияния контактирующих языков, особенностей вариантов и региональных разновидностей английского языка в странах Востока и Запада, вероятностной организации речевой деятельности в контексте коммуникации с носителями, стратегий восприятия акцентной речи и другие аспекты. В данной работе приводятся результаты практического исследования звуковой специфики разновидностей английского языка Восточной Азии.

Ключевые слова: английский язык в странах Восточной Азии, фонетическая вариативность, контактная вариантология.

V.L. Zavyalova

Active Processes in English Phonetics in the Aspect of World Englishes Paradigm

The article highlights the processes of increasing phonetic variation in modern English, resulting from the expansion of its use as an intermediary language in the global speech communication. The problems of the lingua franca variability, which today are among the central in the language contacts studies, include searching the ways to describe the processes of languages' interaction, the peculiarities of World Englishes, the probability of speech organization in the context of communication with non-native speakers, the strategies of perceiving accented speech, and other aspects. The findings of the practical research of the sound specificity in East Asian Englishes are presented.

Keywords: English in the East Asian countries, phonetic variation, World Englishes paradigm.

Современное состояние системы английского языка характеризуется нарастанием фонетической вариативности, возникающей вследствие расширения ареала и сфер его функционирования

как языка-посредника в мире. В этой связи обращение фонетистов к произносительному узусу языка межкультурного общения и факторам возникновения фонетических инноваций в

его мировых разновидностях является закономерным и своевременным. Существующее *de facto* многообразие произносительных форм английского языка требует теоретического осмысления, поскольку меняет представления исследователей о произносительной норме: от некогда однозначной констатации её неизменности (инварианта) к признанию допустимой вариантности. Языковая вариантность рассматривается лингвистами как результат динамических изменений в языке, который находит отражение в языковой системе и проявляется в наличии вариантов данного языка, а вариативность трактуется как имманентное объективное свойство языковой системы, способ существования языка, обязательное условие его развития¹ [2; 3; 5; 6]. Потребность изучения многообразия форм языка межкультурной коммуникации в мире способствовала развитию нового направления в лингвоконтактологических исследованиях – контактной вариантологии английского языка [5], в рамках которой выполнено настоящее исследование.

Предметом рассмотрения в данной статье является варьирование фонетико-фонологических единиц на фонетико-фонологическом уровне в восточноазиатских разновидностях английского языка. Следует отметить, что принципы описания внутриязыкового сегментного варьирования хорошо разработаны в диалектологии и классической социалингвистике, в то время как варьирование супrasegmentных характеристик пока изучено недостаточно [1]. Еще в меньшей степени разработаны методы исследования межъязыковой и интеръязыковой фонологической вариативности, возникающей при контакте типологически различных языков. Исследуемая проблематика – фонетическая специфика восточноазиатских разновидностей английского языка – стала предметом изучения представителей Дальневосточной фонетической школы под руководством Л.П. Бондаренко сравнительно недавно, с конца 1990-х гг. Обращение к данной проблеме было вызвано необходимостью специализированной подготовки устных переводчиков для обеспечения взаимодействия России и стран АТР на английском языке-посреднике в ходе международных конференций, форумов, симпозиумов и в других коммуникативных ситуациях. Многочисленные коммуникативные сбои, вызванные трудностями восприятия переводчиками акцентной английской речи носителей восточноазиатских языков, потребовали проведения анализа с привлечением специалистов в области фонетики, психолингвистики, лингвоконтактологии, лингвокульту-

рологии и межкультурной коммуникации. Несмотря на имеющиеся на данный момент разработки, задача изучения данной проблематики остается актуальной и приобретает особую значимость ввиду ежегодного увеличения числа иностранных студентов из стран Восточной Азии в высших учебных заведениях Дальнего Востока России: описание типологии фонетической организации английской речи носителями восточноазиатских языков требуется теперь и для выработки лингводидактических методик устранения акцента в практике обучения азиатов иностранному языку.

При определении методологии исследования особенностей фонетического строя восточноазиатских разновидностей английского языка было установлено, что исторически фонетические особенности производства речи на неродном языке, наряду с трансформациями на других языковых уровнях, стали начиная со второй половины 20-го столетия предметом изучения педагогической психологии. Ключевым в работах зарубежных исследователей является понятие *интеръязыка*² (*interlanguage*) (термин Л. Селинкера), под которым понимается промежуточная система, возникающая под влиянием родного языка при изучении иностранного. Развитие идеи *интеръязыка* (*промежуточного языка*) привело к появлению нового направления в психолингвистике – *эратологии* (*error analysis*), которое возникло вследствие неудовлетворенности «результатами сопоставительных исследований (в рамках контрастивной и конформативной лингвистик), особенно со стороны преподавателей-практиков иностранных языков» [7]. В рамках эратологии исследуются «промежуточные» продукты, естественным образом возникающие в процессе овладения языком, – различного рода ошибки переходного периода языковой компетенции, условия их возникновения и преодоления. При этом анализ ошибок рассматривается как исследовательский подход, нацеленный на выявление особенностей овладения вторым языком [ibid.].

В связи с вышесказанным для выявления фонетической вариативности восточноазиатских разновидностей английского языка продуктивным был признан комплексный анализ, включающий методы традиционного фонетического анализа акцента (артикуляционной, акустической и перцептивной фонетики), методы сопоставительного типологического анализа (контактной лингвистики) и эратологические (психолингвистические) методы. Совокупность указанных методов позволила исследовать причины возникновения фонетических трансформаций в

английской речи носителей-азиатов, явления различных этапов переходного периода языковой компетенции (базилекта, мезолекта, акролекта) и следствия контакта типологически различных языков, актуализирующиеся в речи на неродном языке в виде допустимых/недопустимых фонетических реализаций.

Исследуя феномен вариативности в акцентной речи, необходимо определять границы допустимого фонетического варьирования, выход за пределы которого становится коммуникативной помехой. Установлено, что такие границы являются условными и зависят от формата коммуникативной ситуации (носитель+носитель/носитель+носитель) и личного перцептивного опыта участников, во многом определяющего выбор стратегий восприятия. Типичный пример коммуникативного сбоя вследствие фонетических девиаций (недопустимого варьирования) на сегментном уровне в ситуации общения на лингва франка между носителями приводится в монографии Дж. Дженкинс [9].

A I didn't understand the let cars. What do you mean with this?

B Let [let] cars? Three red [ed] cars (very slowly).

A Ah, red.

B Red.

A Now I understand. I understood car to hire, to let. Ah, red, yeah I see.

Примечательно, что в приведённой ситуации коммуникант (B) – носитель японского языка – сопровождает вербальный ряд демонстрацией фотографий. Несмотря на то, что на одной из них представлено изображение автомобилей красного цвета и нет никаких указаний на то, что автомобили сдаются в аренду³, собеседник (A) – носитель немецкого языка, по мнению Дж. Дженкинс, пытается подстроить контекст к слышимой акустической информации, а не наоборот [Ibid.]. Выбор стратегии восходящего восприятия собеседником объясняется высокой степенью зависимости восприятия носителей английского языка от фонологической формы речевого сообщения вследствие недостаточного развития способности извлекать и интегрировать информацию из более высоких контекстуальных уровней или из общих для обоих собеседников фоновых знаний. Описанный пример указывает на коммуникативную значимость (отрицательный эффект) фонетических изменений на сегментном уровне.

Анализ причин появления сегментных модификаций в исследуемом звуковом корпусе английской речи носителей восточноазиатских языков⁴ показал, что типологические различия в

инвентаре и качественной структуре сегментных единиц английского и восточных языков могут приводить к полной или частичной замене звуков изучаемого языка звуками родного языка в английской речи билингов-азиатов. Исследования восприятия исследуемой акцентной английской речи носителями английского языка, русскоязычными билингвами (включая профессиональных устных переводчиков), проведённые автором статьи, свидетельствуют о том, что изменения, происходящие на уровне сегментного состава, довольно редко становятся коммуникативными помехами. Высокая информативность фонетического и смыслового контекста позволяет, как правило, восстановить необходимую информацию. Например, частая замена английского глухого щелевого фрикативного согласного [f] в интервокальной позиции глухим смычным взрывным [p] в корейском английском⁵ не ведёт к искажению восприятия фраз: e.g. *Would you like a cup of col[f-p]y? It's [r-l]eally im[p-flortant]. It wasn't a[p-f]ropriate.* Однако в случае многозначности контекстного окружения возможна неверная трактовка всего сообщения: e.g. *He was directed to copy room* и *He was directed to coffee room.* Установлено, что фонетические замены на сегментном уровне могут затруднять восприятие имен собственных (антропонимов, топонимов и т.д.), когда декодирование сигнала неизбежно идет пофонемно (стратегия восходящего восприятия). Так, в речи носителей японского языка название города *Владивосток* может звучать как [buradibostoku], *Благовещенск* как [buragoveshchensku] и т.д.

Хотя в исследуемом материале, полученном в результате аудиторского анализа, отмечаются многочисленные случаи коммуникативных сбоев по причине изменения сегментно-фонетического состава слова, установлено, что основную сложность при восприятии акцентной английской речи носителями и русскоязычными билингвами представляют сопутствующие просодические девиации, реализуемые на более крупных речевых единицах (словах, фонетических словах, синтагмах и фразах). Сопоставительный типологический анализ фонологических систем контактирующих языков показал, что причины значимых интерференционных явлений в английской речи азиатов преимущественно кроются в главной типологической особенности языков Восточной Азии (китайского, корейского, японского) – специфике слогового стереотипа, определяющем способы структурирования слога и слоговой последовательности⁶. Учитывая то, что ориентация носителей языка на слоговой стереотип родного языка достаточно сильна, его

перенос и возникновение сильного акцента в речи азиатов на иностранном (английском) языке представляются закономерными. Слоговой код китайского, японского и корейского языков не допускает наличия бифонемных консонантных кластеров, в то время как двух- и трехфонемные сочетания согласных в составе английского слога и слоговой цепочки являются нормативными. Как следствие, в английской речи билингов-азиатов наблюдаются различные способы упрощения многофонемных консонансов, которые могут быть сведены к следующим типам: *плюс-сегментация* – переструктурирование элементов английского слога в многосложную цепочку по типу СГ+СГ+... (e.g. *street* – [sutu'ritu], *scratches* – [siku'rachi] (яп. англ.), *slept* [sa'lepata], *fluently* [fu'luantali] (кит. англ.), причем появление эпентезы определяется фонемным составом консонантного сочетания⁷); *минус-сегментация* – опущение согласных⁸ за исключением сонорных в составе английского слога в начальной и конечной позициях (e.g. *twelve* ['tel], *English* ['ini], *front* ['fan] (кор. англ.), *cold* [kol], *sound* [saun], *group* [gru], (кит. англ.)); *дополнительная паузация* – прерывание артикуляции в местах скопления согласных на стыке слогов внутри слова или на стыке слов внутри синтагмы, воспринимаемое как отсутствие произносительной слитности⁹, e.g. *What/ Ad/rian/'s/ native/ lan/guage is/* (кит. англ.). Следует отметить, что описанные фонетические изменения на уровне звукового облика английских слов (словосочетаний) в речи билингов-азиатов ведут к их семантико-фонетическому расщеплению (термин С.В. Кодзасова). Как следствие, одна лексико-семантическая единица получает несколько вариантов фонетической реализации и, наоборот, одна и та же фонетическая последовательность может соответствовать нескольким лексико-семантическим или лексико-грамматическим структурам. Исходя из существующего

представления о перцептивной значимости начала слова, наиболее проблематичными следует признать явления фонетического расщепления начальных консонантных кластеров в английском слове (e.g. *train* /treɪn/ в акцентной реализации китайских, корейских, английских билингов звучит как [t[ə-u-ʌ]reɪn] > *to rain*; *spring* /sprɪŋ/ – кит. англ., кор. англ., яп. англ. [sɪfʌŋɪŋ] > *suffering*, etc.).

На супraseгментном уровне указанные фонетические явления сопровождаются переносом особенностей формирования ритма в языках Восточной Азии, имеющим слогосчитающий или моросчитающий характер, в английскую речь, основанную на ритмическом противопоставлении ударных и безударных слогов (тактосчитающий ритм). Базовые характеристики английского ритма – относительная изохронность и размеренность по отношению к ударению – требуют компрессии длительности безударных слогов (на 25-50%), в то время как речевому ритму восточных языков часто приписывается тенденция к изохронности (равной длительности) слогов. Эти различия в акцентно-ритмических характеристиках английского и восточных языков усложняют задачу реализации билингвами-азиатами слоговой последовательности в английской речи на уровнях слова и синтагмы в целом, вызывая явления переноса, результатом которых становится фонетическая вариативность, характеризующаяся как «восточноазиатский» акцент.

Результаты количественного анализа явлений фонетической вариативности, выявленных в исследуемом корпусе английской речи носителей восточноазиатских языков на различных уровнях фонетической организации, можно представить в виде следующей диаграммы.

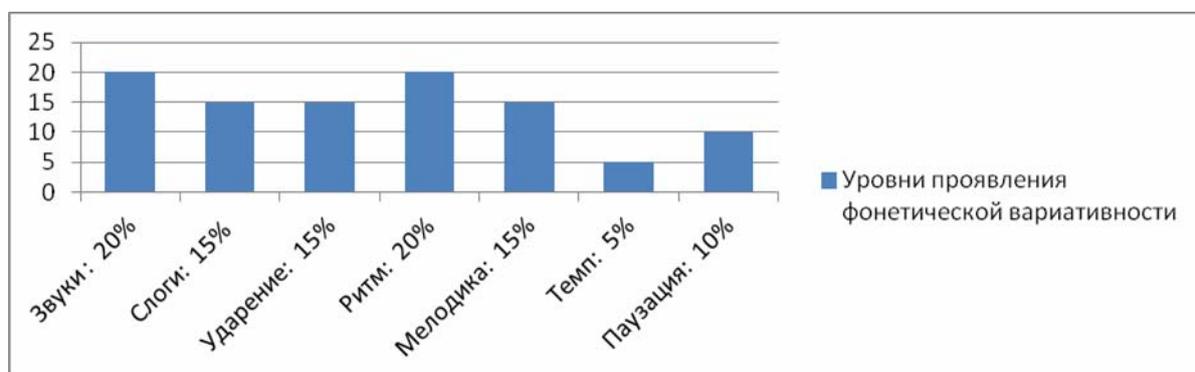

Диаграмма 1. Процентное распределение явлений фонетической вариативности в английской речи билингов-носителей восточноазиатских языков по уровням

Данные диаграммы свидетельствуют о том, что фонетическая вариативность затрагивает все ярусы звукового уровня организации английской речи билингов, поскольку вызывается явлением трансференции фонетических систем родного и иностранного языков как комплекса сегментных и супraseгментных единиц и явлений.

В качестве обобщения отметим, что необходимость исследования проблемы фонетической вариативности в современном английском языке бесспорна, поскольку региональное варьирование фонетических систем мировых разновидностей английского языка является неотъемлемым атрибутом межкультурной коммуникации в современных условиях. Фонетическая вариативность затрагивает все подуровни звуковой системы английского языка, носит динамический характер, определяется степенью дистантности контактирующих в сознании и речи билингов языков. Границы допустимого варьирования зависят от формата ситуации и перцептивного опыта собеседников. Исследование проблемы фонетической вариативности восточноазиатских разновидностей английского языка в контексте контактной вариантологии вносит определенный вклад в решение общих проблем теории языковых контактов, типологии языковых состояний, языковой интерференции и методики обучения иностранным языкам, а также дополняет существующие в лингвистической литературе сведения относительно современного состояния общеанглийского языка и его различительных черт.

Примечания

¹ Феномен языковой и речевой вариативности глубоко исследуется в социолингвистике, в которой выделяются такие ее аспекты, как социальная вариативность, включая стратификационную (связана с социальной структурой общества) и ситуативную (зависит от типа ситуации общения «высокий/низкий» стиль), и территориальная вариативность, связанная с местом функционирования языка; в таксономическом описании феномена вариативности традиционно различают явления фонетико-фонологического, лексического и синтаксического уровней языка [1].

² В российской психолингвистике, наряду с аутентичным термином *интеръязык*, большое распространение получил термин *промежуточный язык*, предложенный в качестве переводного А.А. Залевской.

³ *To let a car (англ.) – сдать машину в прокат; to hire a car (англ.) – взять машину в прокат.*

⁴ В работе исследуется Корпус образцов английской речи ДВ России и стран АТР (RACE) [4].

⁵ В корейском языке отсутствует фонологическая дифференциация согласных звуков по глухости/звонкости, фонематически значимая для английского языка, e.g. традиционное блюдо корейской кухни может звучать и передаваться графически в латинизированном корейском алфавите в четырех вариантах: кор. *pulgogi-bulgogi-pulgoki-bulgoki*. Отсутствие губно-зубных щелевых фрикативных согласных звуков [f] и [v] в корейском языке приводит к появлению в английской речи корейцев фонетических дублетов, типа *coffee – copy, fork – pork, cough – cop, etc.*

⁶ Типология слога и корреляция слогового контакта признаются важнейшими типологическими признаками фонологической системы любого языка.

⁷ Наименее устойчивы в плане слитности произнесения в английской речи носителей восточных языков: а) двусоставные сочетания типа /щелевой/ + /смычный/ (/st-/ /sp-/ /sk-/); б) трехсоставные сочетания типа /щелевой/ + /смычный/ + /сонорный/ (/spl-/ /spr-/ /str-/ /skr-/). Реже подвергаются разложению двусоставные начальные сочетания типа /смычный/ + /сонорный/: /br-/ /kr-/ /kl/ /gr/ /tr/. Качество гласной вставки при реализации многофонемных слоговых структур английского языка носителями восточных языков варьирует в значительной степени: от нейтрального гласного до широкого спектра гласных полного образования.

⁸ Наиболее частотны явления диэрезы (выпадения согласного в слове при стечении согласных) и апокопы (элизии согласного в конце сочетания). Данный вид фонетической реализации в английской речи носителей восточных языков зачастую приводит к модификации темпоральных параметров слогов в пределах ритмической структуры. С точки зрения морфологии можно констатировать, например, регулярное отсутствие в английской речи носителей восточноазиатских языков морфологических показателей множественного числа существительных и третьего лица единственного числа в глаголах настоящего времени, реализуемых носителями орфоэпической нормы языка фонемами /s/ или /z/.

⁹ Дробное паузальное членение фразы, вызванное стремлением к оптимизации произносительных усилий, приводит к несоответствию (нестыковке) лексико-грамматического и просодического сигналов в английской речи носителей восточных языков. Нарушение общего акцентно-ритмического рисунка фразы в английской речи восточноазиатских билингов непосредственно осложняет восприятие смысла высказывания, поскольку, как известно, внутрисинтагменное членение приводит к нарушению единства смысла (см. [8]). Именно этот фактор отмечается в качестве основной помехи при работе русскоязычных переводчиков-синхронистов.

Литература

1. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. – Изд. 4-е, испр. и доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 368 с.

2. Вербицкая Л.А. Вариантность современной произносительной нормы и культура речи // Нормы реализации. Варьирование языковых средств. – Горький, 1984. – С. 53-60.

3. Вишневская Г. М. Межкультурная коммуникация, языковая вариативность и современный билингвизм // Ярославский государственный педагогический университет. Педагогический вестник. – 2002. – № 1. URL: <http://www.yspu.yar.ru/vestnik/number/3/>

4. Корпус образцов английской речи ДВ России и стран АТР: Russian-Asian Corpus of English (RACE)/ Рег. номер 2011620408 (01.06.2011)/Завьялова В.Л., Горбенко С.А., Бондаренко Л.П., Полянская М.А., Ищенко Н.Л.// Официальный бюллетень Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам «Программы для ЭВМ, базы данных, топологии интегральных микросхем».

Завьялова Виктория Львовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, ШРМИ, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток. E-mail: zavyalova.vl@dvmfu.ru, zavyal@mail.ru

Zavyalova Victoria L'vovna – Cand. of Sc. (Philology), Docent; Associate Professor, Linguistics and Intercultural Communication Dept., SRIS, Far Eastern Federal University. Vladivostok. E-mail: zavyalova.vl@dvmfu.ru, zavyal@mail.ru

УДК 81'42

© Н.И. Мониева

Особенности типа организации текста и синтактика высказывания в жанре делового предложения

Данная статья посвящена изучению особенностей коммуникативных типов организации текста в жанре делового предложения. Представлены примеры текстов деловых предложений американских и российских банков. В статье также рассматриваются структурные особенности данных текстов в обеих культурах. Выделяется синтактика высказывания, его актуальное членение.

Ключевые слова: деловой дискурс, деловое предложение, тип организации текста, актуальное членение высказывания, тема, рема, аргументация к ценностям, банк.

N.I. Monieva

Peculiarities of text organization and syntax of utterance in genre of business proposal

The article studies the peculiarities of communication types of text organization in the genre of business proposal. The given samples illustrate the American and Russian business proposals. Besides, structural peculiarities of analyzed texts are discussed. The syntax of utterances and their actual division are presented.

Keywords: business discourse, business proposal, patterns of text organization, actual division of utterance, theme, rheme, argumentations to values, bank.

Целью данной статьи, с одной стороны, является изучение типов организации текста делового предложения, а с другой, синтактики высказываний делового предложения банков США и России.

Для рассмотрения типов организации текста мы обращаемся к работе М. Ноуе «Textual Interaction: An Introduction to Written Discourse Analysis», где он предлагает 3 типа организации: *problem – solution, hypothetical – real, general –*

RU ОБПБТ № 3(76). – М.: ФГУ ФИПС, 2011. – С. 630.

5. Прошина З.Г. Вариантность английского языка и межкультурная коммуникация // Личность. Культура. Общество. – 2010. – Т. XII, вып. 2. – № 55-56. – М. – С. 242-252.

6. Солнцев В.М. Вариативность как общее свойство языковой системы // Вопр. языкозн. – 1984. – № 2. – С. 31-43.

7. Шевнин А.Б. Эрратология и межъязыковая коммуникация // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2004. – № 2. – С. 36-44.

8. Щерба Л.В. Фонетика французского языка. – М.: Высш. шк., 1963. – 308 с.

9. Jenkins J. The Phonology of English as an International language. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – 258 p.

ing a response» [8, с. 124], (3) the Response to the problem and (4) a Positive Result or Evaluation.

Приведем пример автора: (1) I was once a teacher of English Language (2). One day some students came to me unable to write their names. (3) I taught them text analysis (4). Now they all write novels [8, с. 123]. Следует сразу отметить, что в примерах мы не находим положительного решения со стороны адресатов, его не может быть, поскольку на данном этапе – односторонняя связь, и письменная форма высказывания не позволяет нам узнать ответ о принятии решения. Но для нас важно само построение высказывания, а оно отвечает предложенному типу *problem – solution*.

Также в типе организации текста *general – particular* необходимо отметить, что построение текста предполагает движение от общего к частному, где частное может быть представлено в виде решений, аргументов, обращением к ценностям и т.д.

С целью иллюстрации вышеприведенных положений предлагаем рассмотреть примеры делового предложения в английском языке.

Пример 1:

Do you need a business line of credit?

If you're a business owner in need of open-ended access to credit for ongoing needs such as seasonal working capital or inventory management, a business line of credit might be the solution for managing your cash flow.

- *Flexible revolving credit lines starting at \$25,000.*

- *Competitive variable rate based on U.S. Prime rate (we also consider your overall business relationship with Bank of America).*

- *Fast, easy access to funds whenever you need them – online, over the phone or in a banking center.*

- *Pay no interest until you draw funds.*

- *Pay in full or over time.*

Secure your credit line with ...

- *A blanket lien on your assets and borrow up to 70% of accounts receivables and 40% of inventory.*

- *A certificate of deposit and borrow up to 100%.*

Пример 2:

Is a business loan right for you?

If you're a business owner looking to purchase inventory and materials, refinance debt or finance account receivables, a Bank of America business loan may be right for you.

- *Available for amounts of \$25,000 and up.*

- *Competitive rate that considers your overall business relationship with Bank of America.*

- *Receive your funds as a one-time lump sum.*
- *Convenient monthly repayment terms, including auto-debit payment from a Bank of America business checking account.*

Secure your loan with ...

- *A blanket lien on your assets and borrow up to 70% of accounts receivables and 40% of inventory.*

- *A certificate of deposit and borrow up to 100%.*

В нашем случае организация высказывания примет следующий вид: *If you're a business owner in need of open-ended access to credit for ongoing needs such as seasonal working capital or inventory management (problem)*. Банк предлагает решить эту проблему следующим образом (*solution*): *a business line of credit might be the solution for managing your cash flow: Pay no interest until you draw funds, Pay in full or over time и т.д.* Такое построение текста усиливает его убедительность. Таким образом авторы намереваются достичь перлокутивного эффекта, но нам результат еще не известен (будет ли взят кредит или нет), т.к. в данном примере не указывается решение адресата.

Также необходимо отметить, что мы имеем дело с прототипической формой типа организации текста, где авторы деловых предложений следуют одному из выбранных типов.

В данных примерах следует обратить внимание на синтактику высказываний. Интересен тот факт, что предложения начинаются с вопросов. Это служит для привлечения внимания потенциальных клиентов. В начале высказывания озвучена проблема. В связи с этим при анализе данных примеров также необходимо учитывать особенности актуального членения предложения и структуры текста. Как известно, при формировании высказывания говорящий учитывает фонд знаний адресата о предмете речи и в зависимости от этого делает известную часть исходной точкой, а в другой части сообщает то, что он хочет сказать. Такое разнесение информации определяется как тема и рема соответственно и получило наименование «актуальное членение», «функциональная перспектива» высказывания [5, с. 157].

Впервые учение об актуальном членении было разработано в Чехословакии, лингвистами Пражского лингвистического кружка, в частности, В. Матезиусом. Актуальное членение высказывания проявляется следующим образом: в высказывании выделяются два типа информации: информация менее важная, обусловленная контекстом, чаще всего известная, и информация, содержащая коммуникативную цель высказывания.

звания, чаще всего это новая информация. По терминологии В. Матезиуса, компонент, который содержит менее важную информацию, называется темой высказывания (от гр. *thema* – «положенное в основу»), это – основа. Компонент, содержащий самую важную информацию, называется ремой высказывания (от гр. *rhema* – «сообщение, высказывание»), по терминологии В. Матезиуса – ядро. Рема представляет собой ответ на тот или иной вопрос – реальный или возможный [4; 6].

В наших примерах, в первой части текста делового предложения автор говорит о том, что уже известно, а во второй части предлагаются условия (новая информация, рема) не на уровне предложения, а на уровне всего высказывания. В примерах высказываний американских банков проблема выводится на первый план, а решения следуют во второй части высказывания. Такое построение дает нам возможность предположить, что представители банковских структур осведомлены об имеющихся трудностях и готовы предложить свою помощь. Таким образом, тема – это заявление о проблеме (*Do you need a business line of credit?*), а рема – это решения, которые помогут ее преодолеть (*Flexible revolving credit lines starting at \$25,000, Competitive variable rate based on U.S. Prime rate (we also consider your overall business relationship with Bank of America), Fast, easy access to funds whenever you need them—online, over the phone or in a banking center*).

Приведенные решения являются, на наш взгляд, аргументацией к ценностям. Как пишут известные лингвисты, авторы «Новой риторики» Ч. Перельман и Л. Ольбрехт-Тытека: «One appeals to values in order to induce the hearer to make certain choices rather than others and, most of all, to justify those choices so that they may be accepted and approved by others». Мы предполагаем, что данные решения представляют собой обращение к ценностям представителей делового сообщества. В примерах есть все, что интересует потенциального клиента: *pay no interest until you draw funds, pay in full or over time* и т.д.

Ценности играют значительную роль в аргументации, и обращение к ним влияет на решение потенциального клиента.

Приведем пример делового предложения одного из банков Российской Федерации. Данный пример несколько отличается от примеров, рассмотренных выше.

Пример 3:

Корпоративное кредитование

Кредиты юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям

Условия кредитования

Корпоративный кредит в Сбербанке России может привлечь любое эффективно действующее юридическое лицо – резидент РФ /индивидуальный предприниматель, с момента государственной регистрации которого прошло не менее 1 года, не имеющий невыполненных обязательств перед Банком и иными кредиторами.

Кредиты предоставляются на срок до 1,5 лет (для отдельных категорий клиентов, определенных внутренними нормативными документами Банка, – до 3 лет) в рублях и иностранной валюте в денежной и вексельной форме под определенные Банком виды обеспечения.

Вопрос о необходимости предоставления обеспечения, его структуре и объеме решается в индивидуальном порядке в зависимости от соответствия клиента параметрам, установленным внутренними нормативными документами Банка.

Процентная ставка определяется исходя из конъюнктуры финансового рынка, а также индивидуальных условий кредитования и платежеспособности Заемщика. Размер и состав комиссионных платежей устанавливаются с учетом режима кредитования, особенностей кредитруемой сделки и других факторов. Источником погашения кредита является денежный поток от текущей производственной и финансовой деятельности Заемщика <...>.

Данное деловое предложение можно разделить на тему и ремю: *Корпоративный кредит в Сбербанке России может привлечь любое эффективно действующее юридическое лицо (тема) – резидент РФ /индивидуальный предприниматель, с момента государственной регистрации которого прошло не менее 1 года, не имеющий невыполненных обязательств перед Банком и иными кредиторами (рема)*, что позволяет увидеть новую информацию. Принимаются во внимание знания адресата об уже имеющейся информации.

В деловом предложении его участие в решении проблем клиента не заявлено ни в теме, ни в реме. Банк по факту информирует об условиях доступа к его ресурсам.

В предложении российского банка мы не наблюдаем типа построения текста *problem-solution*, это больше характерно для американских банков. Более того, в английском языке, высказывание строится таким образом, что *problem* попадает на тему, подчеркивается знакомство банка с проблемами клиента. В реме же

обнаруживаются решения, аргументы к ценностям.

Как видно из примера, в русском языке участие банка в решении проблем клиента не заявлено ни в теме, ни в реме. В России предложение банка носит описательный характер, лишь дает информацию, информирует об условиях кредитования, доступа к банковским ресурсам.

Следовательно, американские банки используют особое построение текста, а именно *problem-solution* для выражения собственной воли и желания достичь перлокутивного эффекта высказывания. Необходимо отметить, что российские банки деловое предложение выстраивают более описательно.

Получатели же ресурса в США не должны сомневаться в профессионализме его держателей и им предлагается выбор, который при этом еще и более персонализирован (используется местоимение «you» и его производные, например, «Is a business loan right for you?», «Receive your funds as a one-time lump sum», это происходит при упоминании проблемы и предложении решения). Вообще, свобода выбора является одной из основополагающих идей американского гражданского общества, первые десять поправок к американской конституции устанавливают права и свободы граждан США [7, с. 34].

В заключение отметим, что организация банковских деловых предложений в США и в России обусловлена культурами этих стран и указанные различия, конечно же, отражаются в языке. Здесь представляется возможным говорить о лингвокультурологических особенностях изучаемого жанра делового предложения при построении высказывания на уровне синтактики и при выборе типа организации текста, который является прототипическим. Построение высказываний проецируется на все высказывание, выходя за рамки предложения, а тема и рема в вы-

сказываниях демонстрируют заинтересованность и участие банка в решении проблем клиента в США и диктование условий сотрудничества банков в России.

Литература

1. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка. Учебник. – 3-е изд. – М.: Высш. школа, 1981. – 334 с.
2. Есперсен О. Философия грамматики / общ. ред. и предисловие Б.А. Ильиша. – 2-е изд., стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 408 с.
3. Каплуненко, А.М. Аргументация vs. манипуляция: место здравого смысла в диалектике двух стратегий критической дискуссии. – Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2009. – С. 3-18.
4. Ковтунова И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение. – М., 1976.
5. Филиппов К.А. Лингвистика текста: курс лекций. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2003. – 336 с.
6. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1958.
7. Hartley, William H., Vincent, William S. American Civics. – N.Y., 1974. – P. 34.
8. Hoey M. Textual Interaction: An Introduction to Written Discourse Analysis. – London: Routledge, 2001. – С. 123-133.
9. URL: <https://www.bankofamerica.com/smallbusiness/business-financing/working-capital/business-line-of-credit.go>
10. URL: <https://www.bankofamerica.com/smallbusiness/business-financing/working-capital/business-loans.go>
11. URL: <https://www.vocable.ru/dictionary/1049/word/bankovskoe-delo>
12. URL: <http://sberbank.ru/primorskykrai/ru/legal/credits/juridical/corporative/>
13. URL: <http://sberbank.ru/primorskykrai/ru/legal/credits/juridical/corporative/>

Мониева Наталия Ивановна – старший преподаватель кафедры английской филологии ИФМК, Бурятский государственный университет. Тел. 21- 48-10. E-mail: nataliamon@rambler.ru

Monieva Natalia Ivanovna – Instructor of English, English Philology Chair, IPhMC, BSU. Tel.: 21-48-10. E-mail: nataliamon@rambler.ru

УДК 81'34

© Т.В. Муманова

Интонационное оформление речи как маркер социальной принадлежности говорящего

В статье рассматривается зависимость интонационного оформления речи от социальных характеристик участников речевого общения. Интонационная вариативность изучена на мелодическом и темпоральном уровнях. Изучена роль различных просодических маркеров в формировании супrasegmentного уровня социолекта.

Ключевые слова: интонация, мелодика речи, темп речи, социальная вариативность.

Speech intonation as a marker of social identity of the speaker

The paper focuses on the dependence of speech intonation on social characteristics of speech communication participants. Intonation variation is studied on the melodic and temporal levels. The role of different prosodic markers in the formation of suprasegmental level of sociolect is investigated.

Keywords: intonation, speech melody, speech tempo, social variation.

В настоящее время тот факт, что язык как средство общения возникает и развивается только в обществе, не вызывает сомнений. Поэтому с самого начала науки о языке перед лингвистами стояла проблема связи языка и общества. Язык любого общества выступает как средство накопления, хранения и передачи добытых этим обществом знаний. Поэтому общество и происходящие в нем социальные, экономические и культурные изменения оказывают значительное влияние на различные уровни языка. В равной степени и язык влияет на общество.

Проблемы взаимосвязи языка и общества привлекали внимание и вызывали интерес у лингвистов разных стран и лингвистических направлений в различные периоды времени. Известно достаточно давно, что в социальном отношении язык разнообразен. Одно из первых письменно зафиксированных наблюдений, свидетельствующих об этом, относится к началу XVII века. Преподаватель Саламанкского университета в Испании Гонсало де Корреас исследовал социальные разновидности языка, считая, что язык имеет кроме провинциальных диалектов некоторые особенности, связанные с возрастом, положением и имущественным статусом жителей этих провинций, поскольку существует язык сельских жителей, простолюдинов, горожан, знатных господ и придворных, ученых-историков, старцев, проповедников, женщин, мужчин и даже язык детей [7, с. 6].

В 1966 г. американский лингвист У. Лабов внес предложение о построении «социально реалистичной» лингвистики, то есть, по его словам, необходимо было вести описание языковых явлений с учетом данных о поле, возрасте, уровне образования, профессии и этнической принадлежности информантов [13]. Варианты, зависящие от социальных характеристик говорящих, он называл индикаторами: каждый вариант определяет социальное положение носителя языка.

С учетом территориальных различий каждого языка можно выделить различные направления вариативности в социальном отношении. Г.М. Вишневская отмечает: «Вариативность – имманентная характеристика любого живого языка, свойственная единицам различных уров-

ней: лексического, морфологического, фонологического и т.д.» [2, с. 67]. Наиболее динамичным является фонетический уровень языка. Произношение людей зависит от многих факторов: места, где они родились, возраста, пола, принадлежности к социальному классу, этносу, индивидуальных голосовых характеристик говорящего, характера модально-эмоционального отношения говорящего к сказанному.

Существуют возрастные особенности языка: речь ребенка всегда будет отличаться от речи взрослого, речь старшего поколения может отличаться от речи младшего, существуют языки, в которых произношение женщин в известной мере отличается от произношения мужчин. Общеобразовательный уровень также является фактором вариативности речи. Человек образованный говорит иначе, чем человек малообразованный. Появлению речевых особенностей способствуют род занятий, круг интересов и тому подобное [7, с. 79].

Одним из новых социолингвистических критериев является половая принадлежность говорящего. К настоящему времени проведенные исследования различных языков показали интересные данные о языковом сексизме, об имеющихся особенностях коммуникации мужчин и женщин, об их произносительных предпочтениях, а также о сформированной культурно-поведенческой и языковой политике – «политической корректности».

В фокусе внимания социолингвистов находятся речевые особенности представителей различных возрастных групп. Несколько десятилетий назад внимание было направлено на изучение социолингвистического развития ребенка, проходящего «четыре основных этапа своей языковой социализации (babyhood, childhood, adolescence, adulthood)» [10, 12]. Данные свидетельствуют о том, что именно в детстве, когда ребенок обычно контактирует с представителями своего же пола, происходит дифференцированное языковое развитие мальчиков и девочек, что в дальнейшем отражается и в языке взрослых членов сообщества. Кроме того, социолингвисты уделяют особое внимание юношескому этапу (adolescence), когда молодые готовятся стать взрослыми. В этот период влияние на их

язык их же возрастного коллектива особенно заметно; происходят эксперименты с языком, то есть проявляется стремление с помощью сленга противопоставить себя представителям других поколений – и более младшего, и старшего. Тип произношения, как отмечает П. Граджилл, является важным признаком групповой солидарности [14].

Вариативность в фонетической системе языка определена устройством органов речи и пневматико-механической основой речевых звуков, системными взаимоотношениями звуковых единиц и их местоположением в структурах слов и предложений, различиями между стилями речи и, наконец, наличием диалектальных и социальных различий в фонетической системе языка [5].

Как уже было отмечено, характерной чертой фонетической вариативности является то, что распространение допустимых нормой вариантов на других уровнях обусловлено территориальными и социальными (возраст, профессия, образование и т.д.) характеристиками говорящего. Человек осознает наличие какого-либо акцента либо при встрече с приезжими, либо когда он сам меняет место жительства. В зависимости от способности адаптироваться к новым условиям жизни рано или поздно люди начинают перенимать произносительную норму, характерную данному речевому сообществу. Именно плотность общения и относительный престиж социальных групп обуславливают, по мнению американского лингвиста Л. Блумфилда, «происходящие в речи изменения» [11]. Иными словами, люди говорят подобно тем, с кем они общаются, или как те, с которыми они хотели бы отождествить себя. Современные социолингвистические исследования свидетельствуют о том, что на фонетическую сторону речи наибольшее по силе воздействия влияние оказывают – в следующем порядке – такие социальные признаки, как 1) территориальный, 2) возраст, 3) социальное положение, 4) образование и др., утверждает А. Швейцер [8]. К этому следует добавить, что происходящие в настоящее время в обществе процессы социализации территориальных диалектов и демографических групп дают основание говорить не о региональных или социальных типах произношения в «чистом» виде, а о социотерриториальных типах произношения, в которых, по мнению Т.И. Шевченко, «произносительные особенности каждого человека предстают как результат сложного взаимодействия факторов территориальной, стратификационной и ситуативной вариативности» [9].

Интонационное звучание в человеческом языке несет многозначную информацию. Оно характеризуется множеством признаков, которые можно разделить на две категории: одни из них являются признаками самой коммуникативной системы, другие – задействованы в этой системе, но характеризуют не ее, а говорящего человека. Это персональные признаки говорящего, его пол, возраст, воспитание (простонародность интонации, интеллигентность и пр.) [4, с. 48].

С.В. Чечель, рассматривая просодический аспект социальной вариативности языка, приходит к следующим выводам: для социолектов, связанных с интеллектуальной деятельностью, социально маркирующими можно считать следующие просодические характеристики:

- высокая общая тональная вариативность как ядерных участков синтагм, так и их предцентровой части;
  - большой процентный коэффициент сложных тональных фразовых контуров, включающих однонаправленные каденции тонов различных диапазонов и комбинации разнонаправленных кинетических тонов;
  - значительная вариативность способов тонального оформления финальных и нефинальных синтагм;
  - общая тенденция тяготения к «горизонтальному» типу синтагматического членения речи;
  - практически полное соответствие паузации и синтагматического членения речи ее внутренней логической и прагматической организации;
  - незначительное количество пауз «ошибок исполнения» на фоне большого числа эмфатических и синтаксических пауз, отражающих темарематическое членение фраз;
  - высокая общая темпоральная и диапазоново-регистровая вариативность речи. Коэффициент синхронизации флуктуаций в данных просодических подсистемах маркирования высок во всех изучаемых речевых реализациях;
  - изрезанный контур громкости с ярко очерченными пиками, приходящимися на смысловые ядра высказывания; траектория спада громкости незначительно варьирует от группы к группе, но практически все финальные сегменты имеют законченную интонационную оформленность.
- Из вышеперечисленных просодических подсистем ярко выраженной потенциальной способностью социально маркировать речь обладают:
- общая тональная вариативность речевой реализации;

- средняя длина синтагмы и фразы, выраженная в фонословах, а также средний коэффициент наполнения фразы в синтагменном выражении;

- общая темпоральная, диапазоновая и регистровая вариативность.

Наиболее ярко социально «проштамповывают» речь просодические признаки интегративного характера: степень синхронности флуктуаций в различных просодических подсистемах и их соотношенность с лексико-синтаксической и прагматической структурой звучащего текста.

Ряд дистрибутивных и статистических маркеров (процентное соотношение тонов различной конфигурации, распределение тонов во фразе, особенности паузации и др.) также социально информативен, но большинство из них проявляются опосредованно, через увязку с общим уровнем речевой культуры.

Общий уровень речевой культуры является надежным критерием предварительной социопрофессиональной стратификации, на основе которого облегчается дальнейший процесс установления просодических коррелятов социального статуса информанта [6].

В работе Е.А. Бабушкиной установлено, что диапазон ЧОТ, интенсивность и темп могут служить средствами социально-групповой идентификации говорящего, то есть являются индикаторами явлений социального плана, находясь в прямой корреляции с показателями социального статуса, возраста, пола и уровня образования. Эксперимент подтвердил роль диапазона голоса как социокультурной характеристики, так как по мере повышения социального статуса и возраста

дикторов наблюдалось повышение показателя диапазона ЧОТ. В гендерном аспекте американские мужчины уступают женщинам в ширине диапазона голоса [1].

В результате проведенного экспериментального исследования на базе аудитивного и экспериментального видов анализа А.О. Назаровой было установлено, что особенности темпа зависят, в первую очередь, от рода занятий человека, от его эмоционального состояния. Возраст и уровень образования влияют на темпоральные характеристики в гораздо меньшей степени. Пол же говорящего в исследовании вообще не играл заметной роли, что обусловлено особенностями такого вида речевой деятельности, как чтение монологического текста [3].

Проведенное нами экспериментальное исследование заключалось в выявлении ряда просодических параметров, которые могут послужить для идентификации речи. В качестве материала для исследования были взяты записи интервью из архива Британской библиотеки. Дикторы представлены двумя возрастными группами – 30 и 60 лет, по 6 человек в каждой, из них 3 мужчин и 3 женщин.

Самым информативным интонационным показателем считается частотный компонент, измеряемый посредством параметров максимального и среднего диапазона частоты основного тона (ЧОТ), средней ЧОТ, положительного и отрицательного интервалов. В результате проведенного нами анализа частотных (диапазоновых) характеристик речи представителей различных социальных статусов выявлены характерные особенности диапазона речи (табл. 1).

Таблица 1

Диапазоновые характеристики говорящих (в Гц)

Речь дикторов	Мужчины			Женщины		
	Fo max	Fo min	Fo mean	Fo max	Fo min	Fo mean
30 лет	246	70	119	258	69	124
60 лет	262	115	182	277	102	189

В результате сопоставления частотных характеристик речи дикторов отмечены следующие особенности: показатели среднего и максимального диапазона в женских группах обоих возрастных групп превышают соответствующие показатели мужских групп, то есть женщины обладают более широким диапазоном голоса.

Данные проведенного анализа показывают зауженность диапазона голоса молодых дикторов и в мужских, и в женских группах. Вариативность диапазона ЧОТ в мужских и женских группах проиллюстрирована на диаграмме 1.

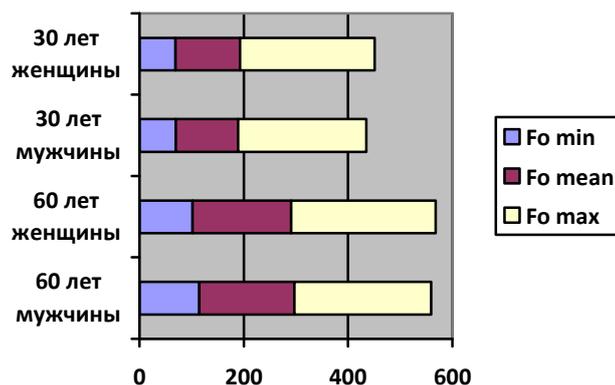

Диаграмма 1. Диапазонные характеристики речи мужчин и женщин (в Гц)

Итак, исследование вариативности диапазона ЧОТ, который в специальной литературе называют одним из ведущих параметров идентификации речи, выявило, что эта просодическая характеристика реализуется по-разному в средних и максимальных диапазонах речи в зависимости от социальных характеристик говорящего. Из анализа максимального диапазона ЧОТ следует, что диапазон, которым характеризуется речь женской группы информантов, шире, чем у мужской группы.

Изучение темпоральных характеристик речи проводилось по следующим показателям: средняя длительность фразы, включая паузы; средняя длительность слога; соотношение времени фонации ко времени паузации. Исходя из того, что средняя длительность слога (СДС) является одним из акустических коррелятов темпа, мы исследовали варьирование этой просодической характеристики в различных социальных группах. Полученные результаты по этому показателю в миллисекундах представлены в таблице 2.

Таблица 2

Среднеслоговая длительность (СДС) в миллисекундах (мс)

Речь дикторов	Мужчины	Женщины
30 лет	191	181
60 лет	225	168

Приведенные данные доказывают, что темпоральные характеристики речи говорящих подвержены воздействию факторов социальной вариативности произношения, так же как и изученные ранее диапазонные характеристики речи. В женских группах наблюдается уменьшение показателя СДС, что говорит о более высоком темпе женщин. Сопоставление по возраст-

ным группам выявляет замедление темпа с возрастом в мужской группе. Однако мы видим обратное в женской группе, где показатель СДС, равный 168 мс, свидетельствует об ускоренном темпе речи. Вариативность значения среднеслоговой длительности проиллюстрирована на диаграмме 2.

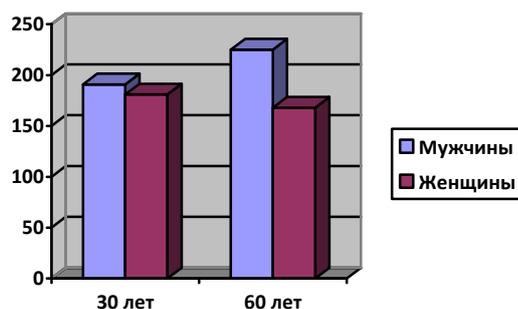

Диаграмма 2. Темпоральные характеристики речи (в мс)

В ходе исследования выявилась релевантность интонационных признаков, которые служат для создания социального образа говорящего. На интонацию человека влияют профессия, возраст и пол говорящего. Однако основным стратифицирующим фактором является род занятий, ибо статус человека определяется именно его деятельностью, его функцией в обществе. Совокупность просодических параметров, составляющая супrasegmentный ярус каждого отдельно взятого социолекта, выступает как определенный набор характеристик, образующих сложное и динамичное функциональное единство. Выяснение роли интонации в передаче социальных смыслов представляется достаточно перспективным, т.к. она является, с одной стороны, самой гибкой из всех речевых подсистем, а с другой стороны, она более всего подвержена влиянию стереотипов, сформировавшихся в профессиональном социуме.

Литература

1. Бабушкина Е.А. Речевой портрет личности: фонетические характеристики // Вестник БГУ. – 2012. – № 11. – С. 7-11.
2. Вишневская Г.М. Phonetic Variation, the Pronunciation Norm of English and the Russian Learner // Фонетическая вариативность: Билингвизм и диглоссия: межвуз. сб. трудов. – Иваново: ИвГУ, 2000. – С. 67-73.
3. Назарова А.О. Вариативность интонационного оформления регионально маркированного текста (экспериментально-фонетическое исследование на материале территориальных диалектов американского варианта английского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Иваново, 2009. – 170 с.
4. Румянцев М.К. Интонация: ее единицы и функции // Филологические науки. – 2009. №2 – С. 47-54.
5. Торсуев Г.П. Константность и вариативность в фонологической системе (на материале английского языка). – М.: Наука, 1977. – 123 с.
6. Чечель С.В. Просодический аспект социальной вариативности языка (экспериментально-фонетическое исследование): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Пятигорск, 1999. – 150 с.
7. Швейцер А.Д. Социальная дифференциация английского языка в США. – М.: Наука, 1983. – 216 с.
8. Швейцер А.Д. Современная социолингвистика. – М.: Наука, 1977. – 174 с.
9. Шевченко Т.И. Социальная дифференциация английского произношения. – М.: Высшая школа, 1990. – 142 с.
10. Anderson E. Speaking with Style: The Sociolinguistic Skills of Children. London, 1990.
11. Bloomfield L. Language. New York, Holt, 1933.
12. Chambers J. Sociolinguistic Theory: Linguistic Variation and its Social Significance. Oxford, 1995.
13. Labov W. The social identification of English in New York city. Washington, DC.: Center for Applied Linguistics, 1966.
14. Trudgill P. Sociolinguistics. 2nd ed. Harmondsworth: Penguin, 1983.

Муманова Туяна Валерьевна – аспирант кафедры английского языка Института филологии и массовых коммуникаций Бурятского государственного университета. E-mail: mumanovatv@gmail.com

Mumanova Tuyana Valerievna – postgraduate student of English language department of BSU. E-mail: mumanovatv@gmail.com

УДК 81'34

© А.А. Намдакова

Интонация английского специального вопроса в условиях бурятско-русского двуязычия

Настоящая статья посвящена вопросам просодической интерференции в ситуации многоязычия, которая характеризуется взаимодействием трех языков с разными просодическими системами. Рассмотрены случаи проявления интерференции на уровне интонации в речи учащихся-билингвов, носителей бурятского и русского языков, изучающих в качестве иностранного английский язык, на материале специальных вопросов.

Ключевые слова: многоязычие, билингвизм, просодия, интерференция, мелодика речи.

A.A. Namdakova

Intonation of English special question in the context of Buryat-Russian bilingualism

The article is devoted to the problem of prosodic interference in the situation of multilingualism which is characterized by interaction of three languages with different prosodic systems. There are described features of intonation trans-

fer in the speech of native-speakers of the Buryat and Russian languages in the course of acquiring English as a foreign language.

Keywords: multilingualism, bilingualism, prosody, interference, speech melody

Уже более века проблема изучения языковой интерференции является объектом лингвистических исследований. Основные положения теории языковых контактов, в рамках которой ведутся исследования, были сформулированы в трудах У. Вайнрайха, А.Е. Карлинского, А. Мартине, И.А. Бодуэна де Куртене, Е.Д. Поливанова и других ученых.

Как отмечает Н.Н. Рогозная, вследствие языковых контактов появляются особые формы существования языка. Главным компонентом построения теории языковых контактов является двуязычие, что представляет собой одну из центральных проблем современной лингвистики [6].

В изученной нами литературе при рассмотрении языковых контактов нет единого подхода к определению понятий *двуязычие* и *билингвизм*. Согласно В.Ю. Розенцвейгу, под *двуязычием* понимается владение двумя языками и регулярное переключение с одного на другой в зависимости от ситуации общения [7]. В свою очередь, под *билингвизмом* следует понимать сосуществование в сознании индивидуума двух языковых систем, находящихся в определенных отношениях [5]. В последнее время понятия «двуязычие» и «билингвизм» все чаще приравниваются по значению. Например, в словаре под редакцией В.Н. Ярцевой *билингвизмом* называют двуязычие, владение и попеременное использование одним и тем же лицом или коллективом двух различных языков или различных диалектов одного и того же языка [8].

Вопрос о межъязыковых контактах в процессе овладения вторым языком уже давно является важной темой в исследовании обучения иностранным языкам. Однако в течение последнего десятилетия повышенный интерес проявляется в отношении недостаточно изученной области – взаимодействие трех и более языков в лингвистическом сознании индивидуума. Существует позиция, что в рамках лингвистических исследований должна закрепиться многоязычная личность, а само понятие многоязычия должно рассматриваться как принцип, неразрывно связанный с представлениями о национальном самосознании и культурном многообразии.

Взаимодействие и взаимовлияние контактирующих языков на всех уровнях системы непременно сопровождается рядом явлений, наиболее распространенным из которых является

интерференция, которая оказывает большое влияние на процесс формирования национально-русского двуязычия.

В своих ранних трудах Вайнрайх использовал термин «интерференция» для «случаев отклонения от норм любого из языков, происходящих в результате владения двумя и более языками» [3, с. 1]. Определение Вайнрайха сосредоточено исключительно на том, что позднее назвали *отрицательным переносом*, поскольку влияние родного языка считается препятствием для овладения и производства правильных форм целевого языка. Тем не менее родной язык также может иметь стимулирующий эффект в изучении языка, поэтому термин *перенос* постепенно вытеснил *интерференцию*. Часто приводится определение *переноса* Одлина, поскольку оно является достаточно широким, чтобы охватить различные точки зрения: «перенос – это влияние в результате сходства и различия между изучаемым языком и любым другим языком, который был ранее (и, возможно, несовершенно) освоен [9, с. 27]. В это определение Одлин включает как положительный перенос, так и негативное явление переноса. К ним относятся недопроизводство или перепроизводство определенной структуры; производственные ошибки, такие как замены, кальки и изменения элементов изучаемого языка, неправильное толкование в процессе понимания и, кроме того, различия в количестве времени, необходимого для овладения изучаемым языком учащимися с разной языковой подготовкой.

Однако в отечественной литературе термины *перенос* и *интерференция* строго дифференцируются как положительные и отрицательные явления. Е.М. Верещагин понимает под интерференцией «внутренний ненаблюдаемый процесс у билингва, который выражается в его речи в «зримых отклонениях» от норм одного или более языков» [4]. А положительное влияние ранее изученных языков на последующие называют трансференцией, которая определяется Баграмовой как «перенос, при котором воздействующий язык не вызывает в изучаемом языке нарушений нормы, но стимулирует уже существующие в нем закономерности» [2, с. 27].

В настоящей статье рассматривается явление интерференции на уровне просодии, которая имеет место при взаимодействии фонетических сверхсегментных систем родного (бурятского) и неродного (русского) языков в речи билингва

при контакте с иностранным, иными словами, в ситуации аудиторного (или искусственного) многоязычия.

Просодия интерферируемой сверхсегментной системы английского языка в исполнении бурятско-русских билингвов выявляет несоответствия в сравнении с языком-оригиналом (английским языком в реализации носителей британского нормативного языка – *received pronunciation*) в процессе иноязычной коммуникации. Целый ряд факторов обуславливает возникновение интерференции на уровне интонации у билингвов, изучающих иностранный язык (или так называемых трилингвов). Первоочередным фактором является влияние просодической системы родного языка, которое большинство ученых называет решающим, и в меньшей мере просодической системы второго языка трилингвов, которым они владеют достаточно свободно как в естественных, так и в аудиторных условиях. Не менее важную роль в данном процессе играют и другие лингвистические факторы, такие как вид двуязычия и способ овладения им, структура контактирующих языков, степень владения этими языками, а также различные экстралингвистические факторы [1].

Каждый язык характеризуется присущими ему особенностями просодического оформления единиц речи, иными словами, каждый язык располагает собственной просодической базой. Просодические системы разных языков обладают наряду с большим числом универсальных и общетипологических черт индивидуальными отличиями.

По мнению лингвистов, важным средством предупреждения интерференции на просодическом уровне является сопоставление основных просодических моделей родного и иностранного языков, нахождение и описание их общих и специфических черт. Это является важным в исследовании интерференции, однако известно, что не все потенциальные формы интерференции реализуются.

Английский, бурятский и русский языки относятся к «нетональным» языкам, но к различным языковым группам: английский – к группе германских языков, русский – к группе славянских, а бурятский – к северно-монгольской группе монгольских языков. Таким образом, мы можем говорить о генетически обусловленных

типологических различиях в просодических системах трех языков.

Интонация является обязательным признаком устной, звучащей речи, важным просодическим средством, которое накладывается на ряд сегментных единиц и объединяет их в целое. Ошибки в просодическом оформлении высказывания не только сильно искажают речь, придавая ему иностранный акцент, но и приводят к неправильному пониманию высказываний собеседником. Кроме того, распознать конкретные эмоции, связанные с содержанием высказывания, практически невозможно без владения просодической системой данного языка.

В ходе нашего эксперимента были отобраны дикторы, в равной степени владеющие двумя языками – бурятским и русским – и изучающие английский язык как иностранный. Анализ проводился на материале аудиозаписей чтения англоязычного текста двумя группами дикторов: носителями нормативного варианта английского языка (группа RP) и бурятско-русскими билингвами (группа B). В рамках настоящей статьи рассматриваются случаи употребления многоязычной личностью интерферированных просодических конструкций в оформлении английского специального вопроса.

В данном случае возникновение интерференции непосредственно обусловлено различиями в интонационных системах трех языков: если наиболее характерным в английском языке является *Low Fall* в оформлении специальных вопросов в нейтральной речи, то для бурятского и русского языков характерны иные интонационные контуры. В бурятском языке интонационный центр располагается на вопросительном слове, которое произносится восходящим тоном. Дальнейшее направление движения ЧОТ нисходящее (бурятская ИК-2). В русском языке в специальных вопросах также употребляются контуры с нисходящей мелодикой – русская ИК-2, которая характеризуется наличием интонационного центра на ударном гласном первого слова и ровным или нисходящим движением тона.

Анализ исследуемого материала показал, что влияние раннее усвоенных языков в интонационном оформлении специального вопроса группой дикторов-полилингвов проявляется в нарушении диапазона речи (рис. 1, 2).

Группа RP: Fo max = 405 Hz; Fo min = 45 Hz

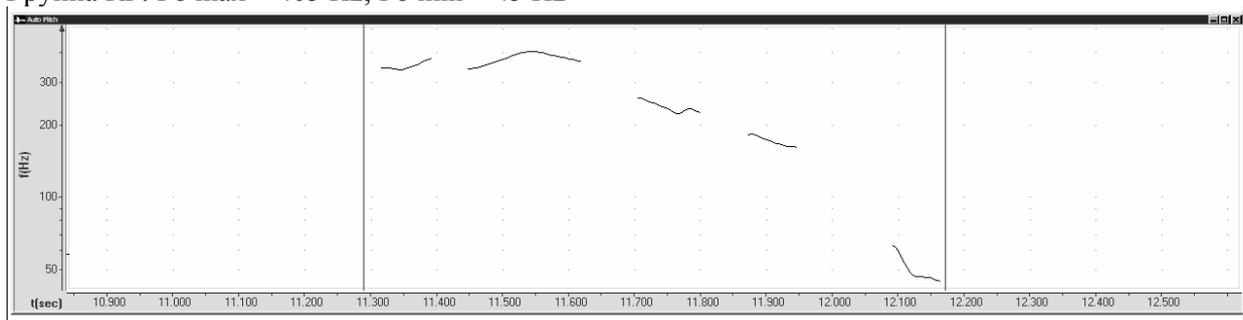

Рис. 1. *What music is this?*

Группа В: Fo max = 341 Hz; Fo min = 220 Hz

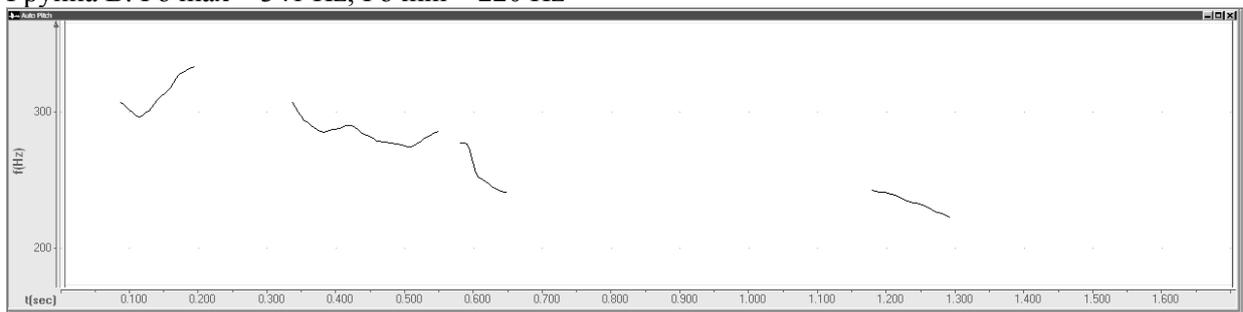

Рис. 2. *What music is this?*

На рис. 2 мы видим, что интервал изменения тона на ударном слоге недостаточно большой и вместо постепенного и полного понижения высоты тона наблюдается недостаточно ярко выраженное завершение. К тому же высота тона

ударного слога не достигает нижней границы диапазона голоса. Наглядным подтверждением данного положения служат среднегрупповые показатели частоты основного тона (табл. 1).

Таблица 1

Диапазональные характеристики ЧОТ в специальных вопросительных предложениях

Группа дикторов	Fo max	Fo min
RP	401	151
В	356	200

Итак, исследование диапазона ЧОТ, который называется одним из главных показателей идентификации речи, показало, что диапазон, которым характеризуется речь носителей английского языка, намного шире, чем у группы полилингвов (RP – 250 Hz, В – 156 Hz). Нормативное английское произношение требует реализации специального вопроса в пределах высокого начала первого ударного слога и широкого мелодического диапазона, о чем свидетельствуют полученные нами показатели, представленные в таблице. Сужение диапазона речи, в свою оче-

редь, изменяет эмоциональную окраску, т.е. привносит оттенок недоверия.

Как уже отмечалось, как в английском, так и в бурятском и русском языках в специальных вопросах используются конструкции с нисходящей мелодикой. Однако в бурятском ИК-2 происходит повышение тона на вопросительном слове. Эксперимент показал, что замена Low Fall на ИК-2 в вопросах данного типа является весьма распространенным. Для иллюстрации проявления интерференции бурятской ИК-2 могут быть использованы следующие примеры:

RP:

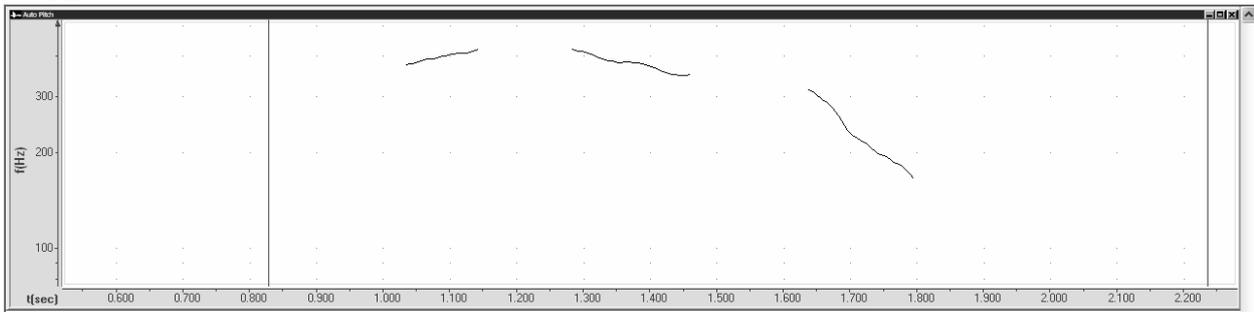

Рис. 3. *Where shall we sit?*

B:

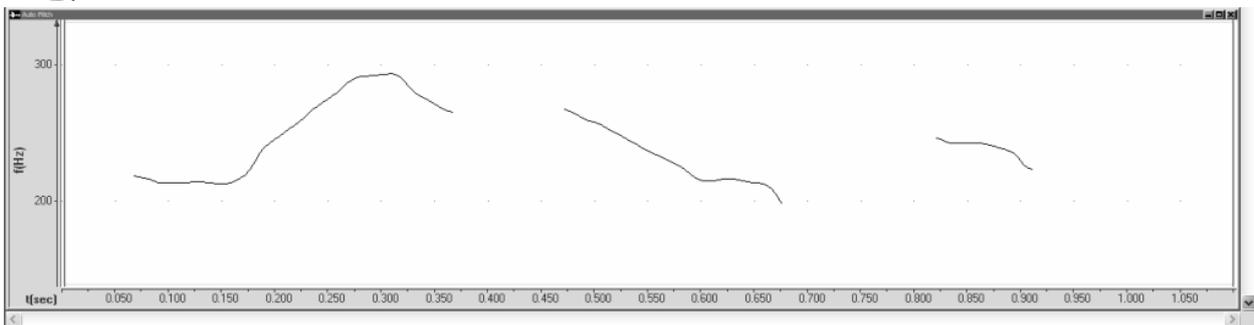

Рис. 4. *Where shall we sit?*

RP:

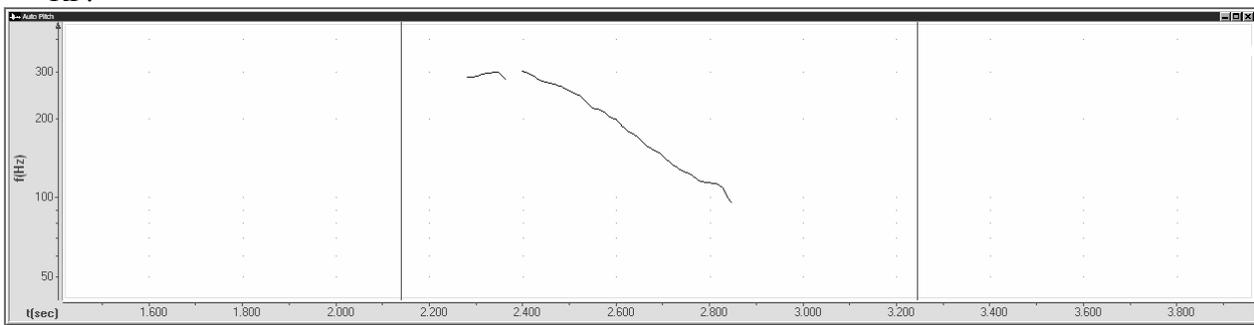

Рис. 5. *What do we need?*

B:

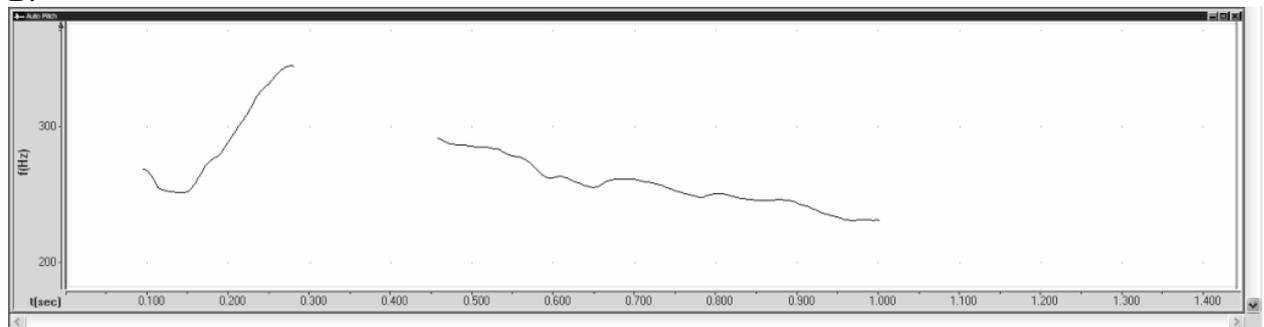

Рис. 6. *What do we need?*

На рис. 4 и 6 наглядно представлено повышение тона на вопросительном слове, которое является интонационным центром, далее отме-

чается плавное падение тона на постцентре. Данная интонограмма полностью соответствует

бурятской ИК-2, которая употребляется в вопросах данного типа.

Кроме того, во время эксперимента были выявлены случаи интерференции второго (неродного) языка при оформлении английских специальных вопросов: использование вместо английского Low Fall русской ИК-2 (рис. 7, 8). Данный тип интерференции характеризуется заменой контура, что нередко сопровождается

изменением места центра контура. В английском вопросе этого вида движение тона происходит на последнем ударном слоге. В русском языке – на вопросительном слове. Интерференция в данном случае приводит к усилению иноязычного звучания, к тому же эмфатически выделяет вопросительное слово, что не входит в коммуникативное намерение говорящего.

RP:

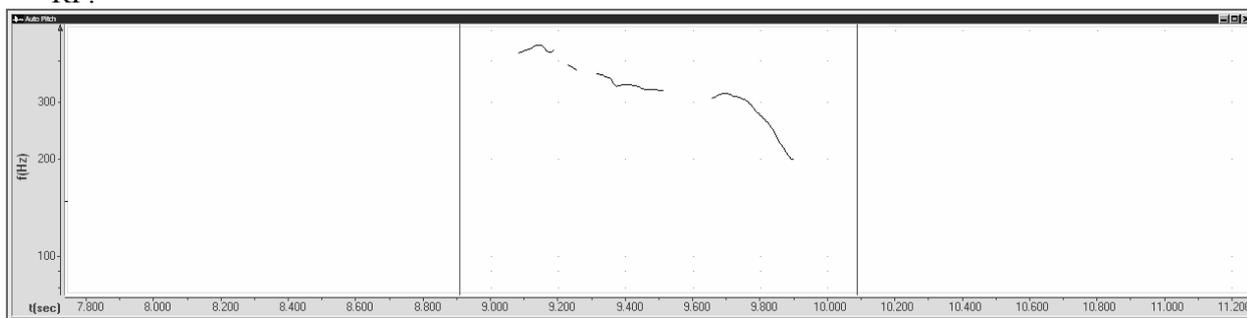

Рис. 7. *What would you like to eat?*

B:

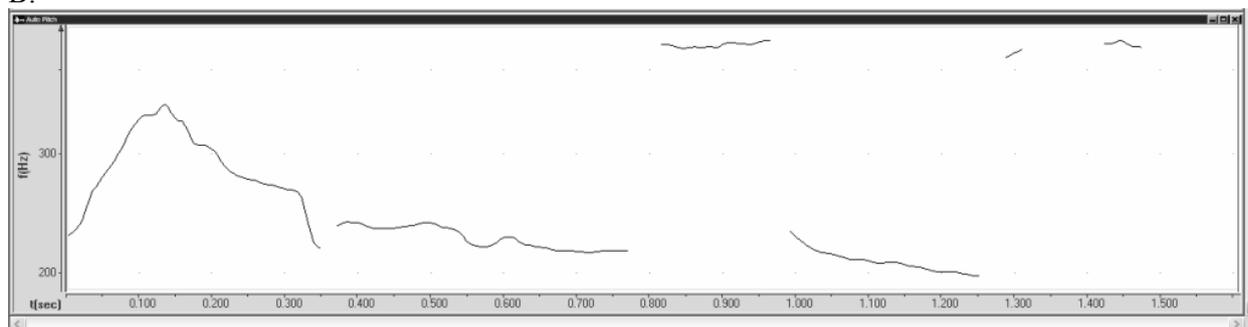

Рис. 8. *What would you like to eat?*

Следует также отметить, что при интерференции бурятской и русской ИК-2 проявляются также особенности ИК-1, поскольку по характеру движения тона эти контуры имеют много общего. Оформление Low Fall в центре контура характеризуется недостаточно глубоким падением. Также наблюдается интерференция на уровне шкалы, вызванная трудностями интонирования английской постепенно понижающейся шкалы, используемой в специальных вопросах.

Бурятская ИК-1 характеризуется восходяще-нисходящим движением тона в предцентровой части высказывания. Что же касается русской ИК-1, то здесь движение тона ровное, а на гласном центра тон понижается. Примеры специальных вопросов, подвергнувшихся интерференции как бурятского, так и русского языков, представлены на рис. 9, 10.

В:

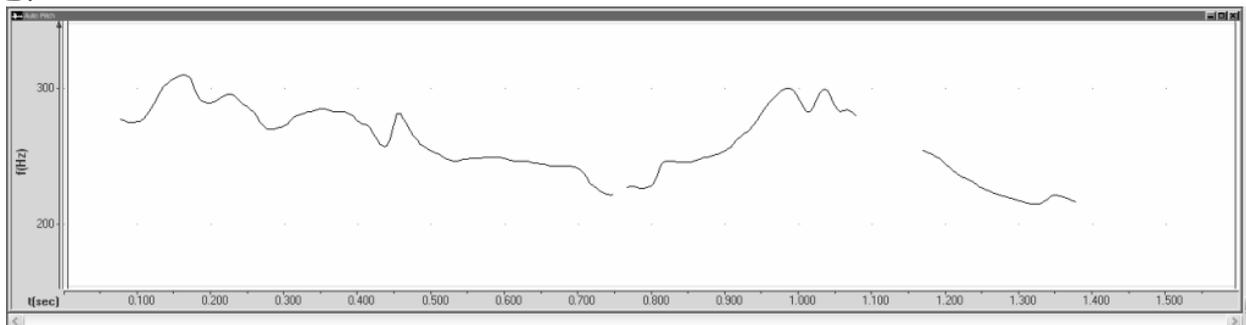

Рис. 9. *What would you like to eat?*

В:

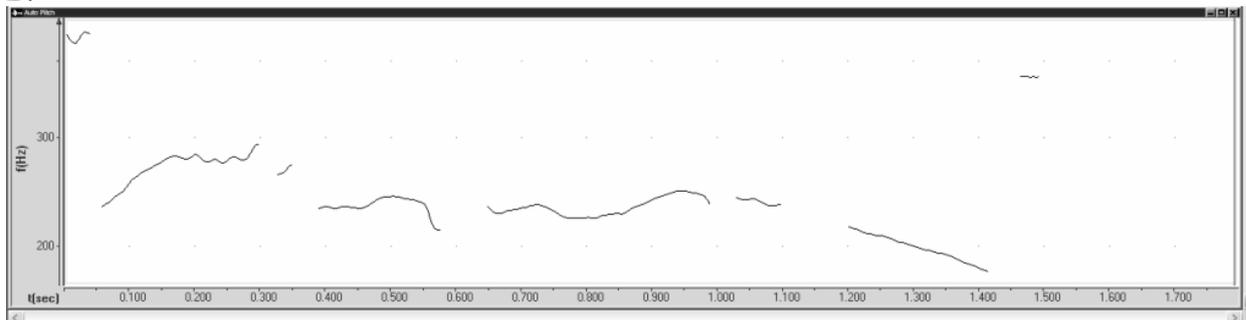

Рис. 10. *What would you like to eat?*

На рис. 9 движение тона в предцентровой части контура близко к английской скандентной шкале. Кроме этого, ровная шкала (рис. 10) используется в английском языке в высокоэмоциональной речи, когда говорящий хочет выделить конечное ударное слово. Данные типы шкал придают высказыванию эмфатическую окрашенность, следовательно, в нейтральной речи, как правило, не используются.

Исходя из результатов данного исследования мы можем сказать, что преодоление интерференции родного языка (или двух языков) в специальных вопросах должно основываться на освоении правильного интонационного оформления английской постепенно понижающейся шкалы и движения тона в центре контура. При этом особое внимание должно уделяться правильному выбору местоположения центра контура и оформлению терминального тона.

Таким образом мы можем сделать вывод о том, что интерферирующее влияние ранее освоенных языков на изучаемый учащимися иностранный может характеризоваться специфическими просодическими параметрами, которые затрудняют понимание и правильную интерпретацию их речи. В связи с этим необходимо уделять особое внимание ситуации

многоязычия, когда несколько языков вступают в контакт, что непременно ведет к взаимовлиянию и взаимодействию трех и более языковых систем.

Литература

1. Бабушкина Е.А. Особенности изучения английской интонации в лингвистически неоднородной аудитории // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2013. – С. 9-16.
2. Баграмова Н.В. Лингводидактические основы обучения второму иностранному языку. – СПб., 2005. – 221 с.
3. Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования / пер. с англ. Ю.А. Жлуктенко. – Киев: Вища школа, 1979. – 263 с.
4. Верещагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия. – М.: Изд-во МГУ, 1969. – 19 с.
5. Рогозная Н.Н. Билингвизм. Интерязык. Интерференция. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2012. – 172 с.
6. Рогозная Н.Н. Теоретические основы языковых контактов // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2014. – Вып. 2. – С. 306-311.
7. Розенцвейг В. Основные вопросы теории языковых контактов // Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1972. – Вып. 4. – С. 5-22.
8. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – 682 с.

9. Odlin T. Language transfer. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1989.

Намдакова Аяна Аркадьевна – аспирант кафедры английского языка ИФМК Бурятского государственного университета. Тел. 89146399614. E-mail: namdakova_ayan@mail.ru

Namdakova Ayana Arkadijevna – a postgraduate of the English Language Chair IFMC BSU. Tel. 89146399614. E-mail: namdakova_ayan@mail.ru

УДК 811.133.1

© Л.Г. Озонава

**Языковые способы описания эмоционального состояния
в художественных произведениях старофранцузского периода (XII–XIV вв.)**

В статье рассматриваются языковые средства описания эмоций в художественных произведениях различного жанра старофранцузского периода.

Ключевые слова: базовая лексика эмоциональной сферы, рыцарская любовная лирика, пасторела, канцона, прозаический нравоописательный роман.

L.G. Ozonova

**Language Ways to Describe the Emotional State
in the Artistic Works of the Old French Period (XII–XIV Centuries)**

The article deals with the description of the language means emotion in art works of different genres of the Old French period.

Keywords: basic vocabulary of the emotional sphere, chivalrous love poems, pastorela, canzone, character study prose novel.

Данное исследование посвящено анализу языковых средств описания эмоционального состояния (ЭС) радости в старофранцузских текстах, начиная с произведений, датируемых XII в. Литературные памятники этого периода, по мнению большинства лингвистов, можно интерпретировать как созданные на формирующемся французском литературном языке.

Описание эмоций в языке представлено двумя способами: во-первых, присутствует эмоциональная реакция, эмоциональное сопровождение или эмоциональная окраска. Данная лексика выражает эмоции. Во-вторых, существует лексика, описывающая эмоциональные состояния на различных языковых уровнях. Ю.Д. Апресян относит к базовой лексике эмоциональной сферы прежде всего глагольные синонимические ряды и ряды соответствующих им существительных, прилагательных и наречий [1, с. 367].

В данном исследовании предпринята попытка лингвистического анализа глаголов и существительных, описывающих ЭС радости. Эти лексические единицы относятся к базовой лексике французского языка, значение выражения эмоциональности у них закреплено в словарной дефиниции.

Как известно, литературные произведения несут на себе отпечаток той эпохи, в которую они были созданы. Анализируя их, мы имеем возможность представить себе тот общий дух, который царил в то или иное далекое от нас время. В XII в.

заканчивается формирование феодализма. Окончательно устанавливается феодальная иерархия и рыцарство, которое в ту пору сословно оформляется и закрепляет свою политическую и общественную гегемонию. Рост внешнего благосостояния и социального значения приводит к тому, что рыцарство и в культурном отношении очень быстро вооружается. В это время пробуждается интерес к интимным запросам личности, к проблемам чувства. Вырабатывается тонкая и сложная метафизика любви, возникает поклонение женщине, идеализация любовного чувства. Подобные идеи вместе с поэзией соответствующего характера культивируются при дворах состоятельных дам. Но, несмотря на то что это устремление мысли было чисто светским, пробудившееся внимание к интимной жизни человека, к земной радости и красоте составляет значительный шаг в сторону реализма, а вместе с тем содержит в себе зачатки психологического анализа и индивидуализма [2, с. 79].

Анализ старофранцузских текстов данного периода показал, что именно в жанре любовной лирики поэтами при передаче любовных переживаний персонажей описывается то чувство радости, которое можно при этом пережить.

Одним из типичных лириков старшего поколения (XII в.) является Блондель де Нэсль, который жил и творил в Провансе. Именно в Провансе раньше, чем где бы то ни было, сложился куртуазно-рыцарский идеал. Рыцарская лирика

Прованса родилась как выражение избытка жизнерадостности, игры освобожденных чувств и воображения. В основе кодекса провансальского рыцарского идеала, отразившегося в поэзии, лежат три понятия: *cortezia, joi, mezura* – куртуазия, радость, мера. Последнее из них, ограничивающее два первых, следует понимать как чувство меры, стремление к гармонии, благообразию. В силу характерного для средневековья и, в частности, для трубадуров стремления к твердым нормам, к регламентации и педантичной систематизации всякого умственного творчества, богатейшая провансальская лирика укладывалась в рамки очень немногих поэтических норм. Наиболее значительной из таких форм была канцона (*chanso, canzo*) – любовное стихотворение, составленное из нескольких вполне симметричных строф, связанных тождественными рифмами, заканчивающееся короткой заключительной строфой – «посылкой» (*tornada*), в которой поэт либо произносил напутствие своему стихотворению, либо обращался к своему адресату с приветствием, пожеланием и т.п. [2, с. 83].

Как следует из исследованного материала, наибольшее описание ЭС радости получило именно в канцонах. Например, в канцоне, написанной Блонделем де Нэлем: (1) *Chanter m'estuet, quar joie ai recovree* (4).

Сюжет канцоны заключается в том, что рыцарь влюблен и эта любовь желанна им, причиняя ему и радость, и страдания. Главный герой рад своему состоянию влюбленности. Оно заставляет его даже петь. Он желает продлить это состояние как можно дольше. Этот вывод можно сделать, опираясь на общий контекст канцоны.

Существительное *joie* уже в этот период имеет орфографию, принятую в современном французском языке. Лексема *joie* восходит к латинскому слову *gaudia*, которое также обозначало радость, веселье.

Колен Мюзе был трубадуром, в творчестве которого широко представлены стихотворения куртуазного цикла. В его стихотворении «*Sos pris sui d'une amorete*» представлены следующие языковые средства выражения радости: (2) *Or me doinst Deus de li joie* (3).

Субъект видит свою возлюбленную и это является причиной его радости. Он считает, что Бог дает ему эту радость. Для этого времени характерно понимание существующего положения вещей как данного об Бога:

(3) *Deus! tant mei la resgardai.
Quant si tost m'est échapée.
Que jamais joie n'avrai,
Se par li ne m'est donée!* (3).

В отрывке описывается ЭС субъекта, оценивающего положение дел как нежелательное для себя, поскольку причина радости – его возлюбленная, покинула его. Радость вернется к нему лишь с ней.

Широко представлено употребление лексемы *joie* в пословицах XII в.: (4) *Courte messe et long disner est la joie au chevalier* (4).

В пословице показано реальное положение вещей. Если в рыцарской лирике переживание радости связано с любовными чувствами, то в этой пословице причина радости рыцаря является менее возвышенной – короткая месса и долгий ужин.

(5) *Tels rit au matin qui au soir pleur* (4).

В пословице употребляется глагол *rire*, который восходит к латинскому глаголу *ridere*, обозначавшему «улыбаться, смеяться». В этот период глагол сохраняет первоначальное значение, существовавшее в латинском языке. Более того, это значение сохранилось и в современном французском языке. Значение глагола *rire* – физиологическая реакция на ЭС радости. Смысл пословицы заключается в том, что тот, кто утром радуется, смеется, вечером может плакать.

В XIII в. возникает жанр пасторелы (*pastorela*), тему которой составляет совершенно определенная ситуация. Рыцарь на лоне природы встречает пастушку, приглянувшуюся ему. Он начинает за ней ухаживать. Далее возможны два варианта сюжета: либо пастушка, очарованная изяществом рыцаря, уступает ему, после чего он уезжает и сразу забывает о ней; либо красавица дает отпор рыцарю. И в этой ситуации, если ей не хватает собственных сил, она зовет на помощь милого друга, который заставляет рыцаря с позором ретироваться.

(6) *A la voie
la pastore ce mist lors:
a grant joie
vait deduxant son gent cors.
Mout li siet bien ces depors* (4).

В примере представлена завершающая часть пасторелы. Ситуация разрешается благоприятно для рыцаря и пастушки и поэтому оба очень рады.

«Роман о розе» относят к наиболее значительным произведениям средневековой литературы. Он был создан Гильомом де Лорисом и Жаном Шопинелем в XIII в. В содержании романа трудно не заметить влияние куртуазной литературы, в том числе и лирики трубадуров. Морализирующий характер аллегорических картин и рассуждений делает из «Романа», повествующего о любви, некий свод правил куртуазного поведения. Роза символизирует даму сердца. Автор рассказывает свой сон, в котором он попадает во владения бога любви. Эти владе-

ния окружены стеной, на внешней стороне которой изображены страшные пороки жизни: *ненависть, предательство, трусость, зависть* и т.д. Эти пороки мешают любви автора.

(7) *Il y ja bien cinc ans ou mais,
qu'en mai estoie, ce son joie,
ou tens amoreus, plein de joie,
ou tens ou tote bien s'esgaie* (3).

В отрывке наряду с лексемой *joie* употребляется глагол *s'esgaier*, который имеет значение *радоваться, веселиться*. Отмечается употребление выражения *plein de joie*. Субъектом, испытывающим радость, является существительное с абстрактным значением *tens*, причина радости – любовь.

Гильом де Машо является одним из ранних представителей, показавших те сдвиги, которые переживала французская литература XIV в. в феодально-дворянских кругах. Новые веяния заключались в том, что в жанре эпоса фантастика и авантюра заслоняют героику. Лирика облекается по преимуществу в формы, структура которых носит отчетливо выраженный музыкальный характер. Из развлечения литература становится серьезным делом. Значительную часть наследства Гильома де Машо составляет лирика. В одной из его лирических пьес представлено следующее описание эмоции радости:

(8) *Mon cuer, m'amour, m'esperance et ma joie.
Dont me vaut mieux amercelement* (4).

В фрагменте главный герой, обращаясь к возлюбленной, называет ее своей радостью.

В XV в. в области повествовательной литературы очень характерно развитие прозаического нравоописательного романа на тему современной рыцарской жизни, но уже воспринимаемой с точки зрения новых понятий и моральных требований. Возвышенное и идеализированное понимание рыцарской жизни и рыцарское отношение к прекрасной даме уступает место более реалистическому отношению к жизни. Главным мастером нравоописательного романа является Антуан де Ла-Саль. Его перу принадлежит прозаический роман «Маленький Жан де Сантре» (около 1456 г.). Сюжет романа заключается в следующем: Жан де Сантре состоит на службе пажом у одной знатной дамы, которая решает сделать из него рыцаря и идеального возлюбленного. То и другое удается ей в полной мере. Но в один прекрасный день капризная красавица бросает Жана, променяв его на

рослого и богатого аббата. В произошедшей между двумя поклонниками стычке юный рыцарь пострадал от крепких кулаков монаха. Затем он нашел способ отомстить ему, высмеяв его и свою неверную возлюбленную. Рыцарская идиллия внешне заканчивается картиной в стиле фавбу. Антуан де Ла-Саль констатирует перемены в общественных нравах и изображает их правдиво [2, с. 89].

(9) *Damp Abbez, tout plain de joie, se mist en pourpoint, et tost le seigneur de Saintré print ung poinçon, et mist les esguillets, et arma de corps et de jambes entrièremment damp Abbez* (4).

В этом фрагменте ничего не подозревающий аббат полон радости, причиной которой является якобы хорошее к нему отношение со стороны Жана де Сентре. На самом деле причина вызовет в нем впоследствии отрицательные эмоции. Это произведение свидетельствует о том, что искреннее выражение радости, свойственное поэтам периода куртуазной лирики, уступает место иронии и юмору. Авторами высмеиваются человеческие пороки, про которые в произведениях более раннего периода ничего не упоминалось. Искусство поэтов и писателей этого времени уже предвещает эпоху Возрождения.

Обзор старофранцузских текстов XII–XV вв. позволяет нам в какой-то мере проследить изменения в восприятии человеком окружающего мира. Человек средневековья очень эмоционален, обладает тонким мироощущением. Рыцарские идеалы поклонения прекрасной даме, искренняя любовь – все это в какой-то степени гиперболизация чувства любви, которое царило в эту эпоху. С другой стороны, отражение в лирике всех переживаний персонажей, связанных с этим чувством, показывает настроение людей, живших в то далекое время.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка. Попытка системного описания. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Школа языка русской культуры, 1995. – 767 с.
2. История французской литературы. Т. 1. – М.: Изд-во АН СССР, 1946. – 811 с.
3. Шигаревская Н.А. Хрестоматия по истории французского языка. – Л.: Просвещение, 1975. – 277 с.
4. Шишмарев В.Ф. Книга для чтения по истории французского языка. – М.; Л.: АН СССР, 1955. – 557 с.

Озонава Лариса Гавриловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого и французского языков Бурятского государственного университета. E-mail: olglarissa@mail.ru

Ozonova Larissa Gavrilovna – cand. of philology, assistant professor of German and French languages department of BSU. E-mail: olglarissa@mail.ru

**Семантико-синтаксические особенности конструкций
с абстрактным именем в позиции источника эмоционального состояния
(на материале французского языка)**

В статье анализируются особенности синтаксических конструкций с абстрактным именем в позиции источника эмоционального состояния радости.

Ключевые слова: *отглагольные существительные, абстрактные существительные, пропозиция, синтаксические конструкции, источник эмоционального состояния.*

L.G. Ozonova

**Semantic and Syntactic Features Abstract Designs
with the Name of the Source Position in the Emotional State
(in the French Language)**

The article analyzes the characteristics of abstract syntax with the name in the source position of the emotional state of joy.

Keywords: *verbal nouns, abstract nouns, proposition, syntactic constructs, the source of the emotional state.*

Для глаголов, обозначающих внутреннее эмоциональное состояние (ЭС) человека, причинная зависимость является семантической валентностью. Анализируя конструкции с предикатами ЭС радости во французском языке, было выявлено, что выражение причинной зависимости грамматическим способом требует употребления сложноподчиненных предложений с придаточными причины. Наряду с данным способом существуют другие, позволяющие представить источник ЭС.

По мнению Н.Д. Арутюновой «... глаголы эмоциональной деятельности требуют пропозитивных дополнений (придаточных предложений и их номинализаций)» [1, с. 126]. В конструкциях с источником, выраженным абстрактным именем, эти имена являются свернутыми пропозициями. Имеет место процесс номинализации, то есть преобразование вершинного предиката исходной пропозиции в (отглагольное или адъективное) имя [2, с. 41].

В основе этого процесса лежит синтаксическая деривация, восходящая к транспозиции предложений. Одним из главных следствий признания существования данного типа деривации является понимание того, что «наряду с типом лексического номинативного значения существует тип пропозитивного значения, свойственный предложению и его трансформам» [6, с. 312].

При синтаксической деривации отглагольное имя соотносится семантически только с одним предложением. Дериват, замещающий целое предложение, способен выступать в своеобразной анафорической функции и отсылать ко всему мотивирующему суждению [4, с. 135].

По поводу такого типа номинализации Н.Д. Арутюнова писала: «В процессе транспозиции номинативное значение предложения, обогащаясь конкретными признаками того события, к которому оно относится, передвигается с сигнификативного уровня на денотативный. Трансформ предложения становится тем самым знаковым заместителем факта. Происходит соединение пропозитивной номинации с идентифицирующей функцией» [1, с. 314].

Как отмечает Е. Курилович, «абстрактные существительные как бы резюмируют целое предложение, опираясь на его сказуемое. Это значит, что они основаны на синтаксической деривации сказуемого, которое может быть выражено глаголом и прилагательным» [5, с. 64].

Рассматривая семантические особенности абстрактных существительных, Ю.С. Степанов отмечает, что они не имеют денотата, который существовал бы в идее отдельного предмета объективной и непосредственно наблюдаемой действительности. Определение денотатов таких слов всегда есть та или иная операция над уже существующими понятиями [7, с. 641].

Сопоставляя семантику глагола и существительного, Г. Лангакер предполагает, что использование глагола заставляет вообразить происходящее как что-то длящееся или случающееся во времени, тогда как использование существительного ведет к представлению этой сцены в виде единого (одномоментного) объекта восприятия [8].

Это суждение Г. Лангакера применимо, на наш взгляд, по отношению к предметным существительным. В случаях употребления абстрактных существительных, способных передавать

целое событие, нельзя утверждать, что речь идет о едином, одномоментном объекте восприятия.

Абстрактные (событийные) существительные в позиции *источника ЭС* в сжатой форме передают содержание целого предложения, то есть они могут описывать то или иное событие в один определенный момент времени.

Конструкции с источником, выраженным абстрактным именем, присоединяются к глаголу с помощью предлога *de* и имеют следующую запись: *N1 + Vpron + prép + N2a*, где *N1* – субъект ЭС, *Vpron* – предикат, описывающий ЭС, *N2a* – абстрактное существительное, являющееся источником ЭС субъекта.

Абстрактные существительные, употребляемые в конструкциях данного типа, представлены существительными разных семантических классов. Среди них можно выделить существительные, называющие действия (*lecture, décision*) и существительные, называющие состояния (*joie, bonheur*).

Отглагольные имена обладают способностью обозначать целую ситуацию. Это свойство позволяет им, несмотря на тот факт, что абстрактные существительные не могут выражать видовременных параметров, в большинстве случаев указывать на эти параметры. Л.М. Ковалева развивает мысль о том, что, внешне приспосабливаясь к синтаксической функции слова, все номинализации стремятся к участию в выражении темпоральных значений. При этом не происходит ни «утери глагольности», ни «утери темпоральных и модальных характеристик» в неличных формах глагола. Главная особенность заключается в том, что при помощи вербалий расширяется сфера модально-предикативных значений, выражаемых языковыми средствами. Все эти средства (в морфологии – глагол, вербалии и девербативы, в синтаксисе – предложение, вторично-предикативные обороты и девербативы) существуют рядом и показывают всю модально-предикативную семантику и прагматику предложения [3, с. 29].

Е.С. Кубрякова высказывает по этому поводу мнение, что отглагольные дериваты способны содержать скрытые семы, относящиеся ко времени произведения соответствующего действия [4, с. 185].

Анализ языкового материала показывает, что вычленение видовременных параметров события-источника ЭС становится возможным, во-первых, вследствие того, что глагол своей семантикой может задавать их и, во-вторых, они могут быть понятны из контекста, который знаком коммуникантам:

(1) «C'est une regrettable erreur, Laurent. Vraiment regrettable. Mais puisque ces messieurs sont si sûrs d'eux-mêmes, attendons le procès».

En mon for intérieur, *je me suis réjoui de cette décision* [9, с. 128];

(2) Je lui répondis que *je me félicitais de cette victoire* qui était à la fois celle d'Agrippa et celle de notre ville [11, с. 96];

(3) *Je me félicitais de cette lecture* car, ouvrant au hasard le poème, j'y fis en quelques minutes une petite découverte [10, с. 99].

В примере 1 ЭС возникает в субъекте вследствие того, что было принято решение ожидать судебный процесс. Предыдущий контекст позволяет определить, что решение уже было принято. При рассмотрении более широкого контекста удастся выяснить, из-за чего данное решение явилось источником радости. Субъект ненавидит человека, который предстанет перед судом. Несмотря на утверждения его собеседников о том, что этот человек не мог совершить данное преступление, субъект уверен, что он будет признан виновным. Он сам подстроил преступление. Ожидание судебного процесса приносит ему радость. ЭС в этом случае внутреннее, так как имеет место несоответствие ЭС и его причины по оценке. Субъект радуется несчастью другого и поэтому вынужден скрывать свою радость. В примере 2 факт того, что жители города уже одержали победу, не вызывает сомнений. Если победа еще не была ими одержана, субъект не мог бы делать подобных заявлений. В примере 3 действие, выраженное отглагольным существительным, происходит параллельно с ЭС субъекта, точнее сказать, субъект радуется чтению поэм именно в момент их прочтения. Релевантным в представленных примерах является переживание ЭС, поэтому выражение облигаторного компонента *причина ЭС* производится с помощью абстрактных имен, а видовременные характеристики события-причины могут быть выявлены из контекста.

В тех случаях, когда источник выражен абстрактным существительным, называющим внутреннее состояние, наблюдается преимущественно согласование ЭС и причины по оценке. Когда сам субъект или другие люди счастливы, достигли успеха и т.п., он испытывает радость. Но возможны контексты, в которых присутствует несоответствие ЭС и причины (пример 1).

Событие, являющееся источником ЭС, в основном имеет место в момент переживания эмоции или уже имело место в прошлом, так как возможно, но достаточно трудно, радоваться событию, которое еще не наступило:

(4) – Regardez! Cria Aubin.

Sa ligne pliait à se rompre et il avait du mal à la tenir. A quelques mètres de la barque, un saumon se débattait, faisant gicler l'eau dans une défense furieuse. Émilien criait lui aussi. Marie amena doucement la barque vers le saumon qui, calé dans le courant, refusait la défaite, puis elle le hala par-dessus bord avec avec l'épuisette et *se réjouit de la joie de ses fils* [12, с. 234];

(5) Tout le monde prenait part à l'organisation de la fête (sauf lui) et *se réjouissait de notre bonheur* (Log).

В примере 4 причиной ЭС героини является радость ее сыновей. Сыновья, в свою очередь, испытывают ЭС из-за крупного улова. ЭС переживается героиней именно в этот определенный момент. В примере 5 ЭС актуализируется под влиянием счастья молодоженов, которые испытывают его в этот период времени.

Итак, абстрактные существительные, называющие ЭС, занимая позицию источника эмоции, могут также в некоторых контекстах указывать на временные параметры обозначаемого ими события. Существительные, называющие процессы, как и отглагольные имена, обладают способностью описывать целые ситуации. Вследствие этого при их употреблении возможно определение видовременных параметров обозначаемых ими ситуаций. Очевидно, что события, обозначаемые абстрактными существительными, относятся либо к прошлому, либо к настоящему времени.

Озонава Лариса Гавриловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого и французского языков БГУ. E-mail: olglarissa@mail.ru

Ozonova Larissa Gavrilovna – cand. of philology, assistant professor of German and French languages department of BSU. E-mail: olglarissa@mail.ru

УДК 81'42

© К.А. Попова, И.Н. Столярова

Прецедентное имя «Шерлок Холмс» в российской и британской культурах

Статья посвящена анализу специфики функционирования прецедентного имени Шерлок Холмс в современных российской и британской культурах. На основе анализа интернет-текстов, анкетирования и сопоставления произведений Артура Конан Дойля и их экранизаций выявляются особенности восприятия данного прецедентного имени представителями двух культур и предлагается объяснение причин, обусловивших данные различия.

Ключевые слова: прецедентное имя, Шерлок Холмс, российская и британская культуры, анкетирование.

К.А. Popova, I.N. Stolyarova

Culture-specific Perception of Sherlock Holmes in Russia and Great Britain

The article focuses on the study of culture-specific perception of Sherlock Holmes as a cultural hero in modern British and Russian cultures. Analysis of websites, questionnaire data and A. Conan Doyle's works alongside with the

most popular film versions of the books makes it possible to shed some light on the differences and similarities of the perceptions in the two cultures and the factors that shape our cultural perception of literary characters.

Keywords: culture, Sherlock Holmes, cultural hero, British and Russian cultures, questionnaires.

В настоящее время, в век стремительного развития высоких технологий и глобализации контакты и взаимосвязи между различными странами, народами стали значительно более интенсивными, что не может не сказываться на различных сферах жизни человека. С одной стороны, осуществляется культурный обмен, взаимное обогащение, с другой – интенсификация контактов неизбежно актуализирует вопросы о культурной самобытности, культурных различиях, которые в значительной мере влияют на межкультурное общение. Таким образом, знание культурных особенностей народов становится обязательным условием успешности межкультурного общения, разрешения межкультурных конфликтов, адекватного восприятия получаемой информации и достижения взаимопонимания.

Несомненно, наиболее очевидными проблемы межкультурного общения становятся в ситуациях непосредственного межличностного контакта. Однако проблема межкультурного общения актуальна также и при опосредованной коммуникации, когда речь идет об интерпретации текстов, в том числе и тех, которые входят в так называемый «мировой фонд» литературы. Одним из таких текстов является серия рассказов Артура Конан Дойля о Шерлоке Холмсе. Логичным кажется предположение, что восприятие данного образа читателями зависит от национальных особенностей их культуры. Именно поэтому мы ожидаем, что анализ восприятия этого знаменитого персонажа в двух культурах – российской и британской – позволит нам выявить некоторые их особенности.

В качестве методологии исследования мы ориентировались на теорию прецедентности. В.В. Красных вслед за Ю.Н. Карауловым характеризует прецедентные феномены как феномены, известные всем представителям определенной, о которых все ее представители лингвокультуры имеют общее представление, «национально-детерминированный, минимизированный инвариант ... восприятия». Данный инвариант делает все апелляции к прецедентному феномену ясными, понятными, коннотативно окрашенными. Важным является также то, что апелляция к нему возобновляется многократно в процессе коммуникации представителей того или иного лингвокультурного сообщества [3, с. 45].

Существуют следующие прецедентные феномены: прецедентная ситуация, прецедентный

текст, прецедентное имя и прецедентное высказывание.

Прецедентная ситуация (ПС) – это некая «эталонная» ситуация, обладающая определенным набором коннотаций, входящих в когнитивную базу представителей определенной культуры. Примером означающего ПС может быть феномен «яблоко», который подразумевает под собой ПС «соблазнение, познание, изгнание».

Прецедентное высказывание (ПВ) – это законченная и самодостаточная единица, репродуцируемый продукт, который неоднократно воспроизводится в речи. Это могут быть цитаты из текстов различного характера (например, «Кто виноват?», «Что делать?»), а также пословицы («Тише едешь – дальше будешь») [3, с. 47].

Прецедентный текст (ПТ) рассматривается как «(поли)предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу. ПТ хорошо знаком любому среднему члену национально-лингвокультурного сообщества; обращение к ПТ может многократно возобновляться в процессе коммуникации через связанные с этим текстом прецедентные высказывания и смыслы» [2, с. 87].

Под ПИ мы, вслед за И.В. Захаренко, понимаем индивидуальное имя, связанное с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным. В отличие от обычного имени ПИ действует как своего рода сложный знак, который относит его не к собственно денотату (референту), а к набору дифференциальных признаков данного ПИ» [2, с. 83]. Дифференциальные признаки образуют структуру, включающую три группы характеристик: по внешности, по чертам характера и через прецедентную ситуацию. Кроме того, ПИ может обладать некими атрибутами, по которым его легко идентифицировать (например, кепка у В.И. Ленина, трость и котелок у Чарли Чаплина и др.).

Шерлок Холмс, в силу своей известности широкой публике, вполне может рассматриваться как прецедентное имя, однако следует учитывать, что ПИ зачастую выступает как способ апелляции к ПТ и ПС, поскольку границы между разными видами ПФ достаточно расплывчаты.

Исследование функционирования ПИ «Шерлок Холмс» в британской и российской лингвокультурах было реализовано в три этапа. Снача-

ла мы рассмотрели данное ПИ в «синхроническом» аспекте, фокусируясь на дифференциальных признаках, присущих ему на современном этапе развития. На этом этапе исследования мы провели анализ интернет-текстов.

Выбор интернет-текстов в качестве материалов для анализа был связан с тем, что, по нашему мнению, интернет-данные отражают относительно объективную картину действительности

в обеих культурах и предлагают достаточно широкий и доступный спектр информации.

Интернет-тексты были подобраны с помощью поисковой системы Google. Единицами поиска были «Шерлок Холмс» и «как Шерлок Холмс», а затем «Sherlock Holmes» и «like Sherlock Holmes». Методом сплошной выборки были отобраны тексты, в которых имя Шерлок Холмс использовалось как прецедентное. Результаты отбора представлены в табл. 1.

Таблица 1

Количественные данные анализа интернет-источников

Лингвокультура	Общее количество ссылок		Количество рассмотренных ссылок	Количество найденных примеров
	Шерлок Холмс	Как Шерлок Холмс		
Российская	5 360 000	56 300 000	600	32
Британская	6 790 000	77 000 000	600	32

Сравнительно небольшое количество найденных примеров прецедентного употребления связано с популярностью персонажа. Большая часть ссылок касалась фильмов, блогов и интернет-сообществ, посвященных именно фильмам о Шерлоке Холмсе или непосредственно произведениям А.К. Дойля, что не предполагает прецедентного употребления.

Отобранные 64 ссылки были проанализированы с точки зрения актуализируемых ими признаков ПИ. Для удобства мы разделили ссылки на две группы: названия предметов и явлений и тексты.

ПИ «Шерлок Холмс» в российской культуре употребляется в названиях детективных агентств («ШХ и доктор Ватсон», «Дети Шерлока Холмса»), что указывает на прецедентную ситуацию поиска и раскрытия преступлений. ПИ в названиях пабов, ресторанов, гостиниц, отелей, по нашему мнению, может говорить о том, что данные заведения пытаются привлечь клиента сугубо английским колоритом. Следует уточнить, что при анализе сайтов учитывался и визуальный ряд: фото, иллюстрации, видео, что позволило отметить ряд внешних атрибутов ШХ: лупу, охотничью шапку и большую изогнутую трубку.

Среди других интересных находок – поисковая система «Шерлок-поисковик», которая апеллирует к ПС поиска. Другая система «Шопинг Шерлок», которая позволяет сравнить цены на различные товары и услуги для начинающих бизнесменов, относит нас к ПС совета. Кроме того, ПИ употребляется в названиях логических и развивающих игр для детей, что апеллирует к таким характеристикам образа

Шерлока Холмса, как хорошая память, острый ум и внимательность.

В английской лингвокультуре наибольшее количество ссылок с использованием ПИ «Шерлок Холмс» в названии предмета оказалось названиями пабов. В данном случае мы предположили, что для англичан Шерлок Холмс символизирует национальные особенности их страны. Однако в дальнейшем, проконсультировавшись с профессором Карен Хьюит, которая занимается сравнительным изучением российской и британской культур, мы выяснили, что такие названия адресованы не столько британцам, сколько иностранной аудитории, а именно туристам, которые зачастую и ассоциируют Англию с Шерлоком Холмсом. Этим же можно объяснить то, что рассматриваемое нами ПИ встретилось в названиях нескольких ресторанов и отелей.

Также довольно распространено использование ПИ «Шерлок Холмс» в названиях детективных агентств («Sherlock and Watson Detective Agency», «Sherlock Holmes and James Bond»), что снова апеллирует к прецедентной ситуации «сыщик-дилетант, занимающийся частной детективной деятельностью». Однако в случае со вторым названием, где Шерлок Холмс ставится в один ряд с Джеймсом Бондом, мы можем наблюдать приписывание рассматриваемому прецедентному имени так называемых супергеройских черт, черт сверхчеловека.

Еще одним названием оказалось название сорта чая «Sherlock Blend Tea». Это особый сорт чая с пеплом. В данном случае мы наблюдаем апелляцию к прецедентному имени через атрибут: Шерлок Холмс рассматривается как курящий человек, человек с трубкой. Однако в дан-

ном случае, на наш взгляд, название рассчитано в большей степени на иностранцев. То есть мы наблюдаем двойную стереотипизацию: «Англия – Шерлок Холмс», «англичане – чай». Таким образом, название чая показывает не то, что англичане ассоциируют себя с чаем и Шерлоком Холмсом, а скорее тот факт, что так их представляют иностранцы, включая россиян.

Кроме вышеуказанных названий предметов нам встретилась также программа или приложение «Action Bar Sherlock», которая была создана для упрощения пользования всеми видами телефонов на основе андроида. Данное название приложения, по нашему мнению, апеллирует к таким характеристикам прецедентного имени Шерлок Холмс, как простота, машинная точность, легкость в решении проблем.

ПИ «Шерлок Холмс» было использовано в названии одной из новых систем разъемов и соединителей компании Молекс «Sherlock Connector System», созданной для усовершенствования предыдущих систем, более надежной и безопасной. Значит, в данном случае снова осуществляется апелляция к простоте, легкости в решении проблем или задач.

Анализ второй группы ссылок – текстов, апеллирующих к прецедентному имени Шерлок Холмс, – позволил обнаружить апелляции к ПС поиска (название статьи «Главврач как Шерлок Холмс» намекает, что главврачу больницы пришлось искать работника, который на самом деле не работал в их учреждении). Статьи и блоги под названиями типа «Хочу быть как Шерлок Холмс» апеллируют к таким дифференциальным признакам ПИ, как ум, наблюдательность, незаурядность. Название статьи «Российский Шерлок Холмс не будет курить» отражает ассоциацию с атрибутом «курение». Фраза из блога «Один как перст, как Шерлок Холмс» указывает на прецедентную ситуацию одиночества.

Примеры функционирования ПИ «Шерлок Холмс» в английской лингвокультуре прежде всего связаны с умственными способностями героя (статьи и сайты типа «How to think like Sherlock Holmes», «How to use Google like Sherlock Holmes»). Функционирование ПИ отсылает к таким характеристикам, как незаурядный ум, наблюдательность, отличная память, практичность, и к ПС «быстрое и удачное решение проблем».

Проведенный анализ выявил предварительные дифференциальные признаки ПИ «Шерлок Холмс» в двух лингвокультурах: ум, память, наблюдательность и легкость и быстрота в решении проблем. Сходство в представлениях обнаруживается в содержании статей, заголовков к ним и в

использовании атрибутов, апелляция к которым осуществляется через зрительные образы: охотничья шапка, трубка и лупа. Вместе с тем встречаются некоторые национально-специфические черты в восприятии данного образа: приписывание свойств сверхчеловека британской культурой и актуализация прецедентной ситуации одиночества в российской культуре.

Вторым этапом исследования стало анкетирование. Анкета была разработана на основе данных, полученных на первом этапе. При составлении анкеты нами были использованы свободный ассоциативный метод и метод направленных ассоциаций [4, с. 152]. В ответах респонденту давалась возможность высказать свою точку зрения, предложить свое объяснение факту, дополнить имеющийся список утверждений. Участниками опроса стали 15 россиян и 15 англичан в возрасте от 21 года до 70 лет. Среди участников преобладал женский пол, большая часть участников имела высшее образование.

Первый вопрос анкеты предполагал, что респонденты должны написать свои непосредственные ассоциации с именем Шерлок Холмс. Самыми популярными ответами в российской лингвокультуре стали «сыщик» и «с трубкой», что позволяет выявить один из главных внешних атрибутов и основную ПС – «раскрытие преступлений, ведение расследований». Частыми оказались также ассоциации «Англия», «фильм», «аристократ», «дедуктивный метод», «Ватсон» и «Артур Конан Дойль». В результате мы видим, что Шерлок Холмс ассоциируется у россиян с Англией в целом. Кроме того, происходит апелляция к ПС наличия напарника (Ватсона). Также можно сделать предположение, что данное ПИ в российской лингвокультуре в значительной мере связывается с кинообразом.

В британской культуре самыми распространенными стали результаты «наркотики», «Лондон», «ум» и «Собака Баскервилей». Ум как дифференциальный признак был выделен нами еще на первом этапе нашего исследования. «Собака Баскервилей» является одним из популярнейших произведений из цикла о Шерлоке и входит в обязательную программу по литературе в гуманитарных вузах, а большая часть британских респондентов имеет гуманитарное образование. Интересным также является то, что в отличие от российских респондентов британцы ассоциируют Шерлока Холмса лишь с Лондоном, в то время как для россиян он – вся Англия. И, наконец, самый популярный ответ – «наркотики» – апеллирует к ПС употребления наркотиков.

Дальнейшие ответы, как и в случае с ответами российских респондентов, апеллируют к

двум ПС: раскрытие преступлений и наличие напарника Ватсона. Также здесь появляется атрибут «охотничья шапка», который был выявлен еще в начале исследования. На наш взгляд, стоит обратить внимание на ассоциацию «туризм», которая показывает отношение британцев к данному ПИ. Однако мы не будем делать далеко идущих выводов, ведь данный ответ не является одним из самых популярных.

Следующим вопросом был выбор изображения, которое, по мнению респондентов, наиболее подходит к образу Шерлока Холмса. Данный вопрос был предложен нами для выявления атрибутов и внешности, присущих рассматриваемому имени. Абсолютное большинство опрошенных с российской стороны выбрали изображение Василия Ливанова, сыгравшего Шерлока Холмса в советском телевизионном сериале. Некоторые респонденты выбрали первое изображение, иллюстрацию к книге Артура Конан Дойля, на которой Шерлок Холмс изучает что-то, находясь на скале. Респонденты объяснили свой выбор тем, что несмотря на свой аристократизм, описываемый нами герой может пойти на любые жертвы ради своего дела.

В британской культуре предпочтение также было отдано изображению Василия Ливанова, однако в данном случае преимущество не было столь велико. При этом объяснялся данный выбор по-другому: тем, что представленное изображение показывает человека из высшего класса викторианской эпохи, который курит трубку. Популярными были также изображения ШХ с атрибутами, рассмотренными нами ранее, а именно с охотничьей шапкой и трубкой.

Следующим в анкете стал вопрос о том, откуда респонденты впервые узнали о Шерлоке Холмсе. 80% российских респондентов впервые узнали о Шерлоке Холмсе из фильма. В британской культуре впервые узнали о рассматриваемом ПИ из фильма 60% опрошенных. При этом оказалось, что рассказы Артура Конан Дойля читали две трети российских информантов и чуть больше половины английских респондентов. Самой популярной экранизацией произведения А.К. Дойля в России является цикл советских телефильмов 1979–1986-х гг. режиссера Игоря Масленникова. В британской же культуре такой экранизацией оказался цикл серий о Шерлоке Холмсе режиссера Майкла Кокса, выходявший на экраны в 1984–1994 гг.

Что касается современной экранизации Шерлока Холмса, здесь результаты опроса совпали. Около половины российских и британских респондентов ответили, что самые интересные современные постановки – это американские

фильмы «Шерлок Холмс» (2009 г.) и «Шерлок Холмс: игра теней» (2011 г.) с Робертом Дауни-младшим в главной роли и британский телесериал «Шерлок» производства ВВС, вышедший на экраны в 2010 г., с Бенедиктом Камбербэтчем в главной роли.

Задача на описание рассматриваемого героя позволила выявить дифференциальные признаки ПИ. Было выяснено, что базовые внешние характеристики в двух культурах совпадают: Шерлок Холмс – это прежде всего высокий, худощавого телосложения человек, брюнет, обладающий пронизательным взглядом. Однако значимыми для российской культуры являются такие черты его внешности, как ярко выраженные брови, выразительный нос и аристократические манеры. В Великобритании обратили внимание на возраст: «средних лет».

В двух культурах среди атрибутов, присущих данному ПИ, выделяются следующие: трубка, охотничья шапка, лупа и скрипка. Особенностью, характерной для российского восприятия, является то, что ШХ устойчиво ассоциируется с прецедентным высказыванием «Элементарно, Ватсон!», в то время как особенностью британского восприятия является ассоциация с наркоманией.

Относительно личностных качеств Шерлока Холмса в российской культуре самыми значительными оказались такие черты, как незаурядный ум, наблюдательность и феноменальная память, а также хорошее чувство юмора и артистичность. Британские респонденты поставили на первый план абсолютно другие признаки: необщительность и самовлюбленность. Такие способности, как ум, память и наблюдательность были отодвинуты на второй и даже третий планы. При этом ум рассматривается большинством информантов из Великобритании как основная причина необщительности. Среди значимых признаков англичане также выделяют эксцентричность, надменность и практичность.

В зависимости от возрастной группы в российском видении ПИ также выделяют высокую работоспособность, преданность делу, честность (у старшей возрастной группы) и нетерпимость, эксцентричность и уверенность в себе (у младшей возрастной группы). Особенностью ответов младшей возрастной группы представителей британской культуры является приписывание ШХ свойств сверхчеловека. В целом же самыми часто упоминаемыми чертами в британской культуре оказались надменность и самовлюбленность.

Прецедентные ситуации, с которыми связано ПИ «Шерлок Холмс» в рассматриваемых куль-

турах, – это поиск, успешное раскрытие преступлений, решение сложных проблем и задач и нахождение альтернативных решений, решение труднейших загадок и головоломок, неразлучность со своим напарником доктором Ватсоном. На последнем этапе также была выделена ПС умения рассказывать о человеке все по его внешности. Для младшего поколения обеих культур характерно также выделение такой черты, как одиночество, которое трактуется по-разному: в российской культуре это отсутствие семьи, а в английской – неприятие обществом, необщительность.

Следующий вопрос нашей анкеты имел целью выяснение причин ряда феноменов, выявленных при анализе интернет-текстов. Напомним, что наибольшее количество наименований предметов в Великобритании относилось именно к пабам. Поэтому респондентам был задан вопрос: хотели бы опрошенные посетить такой паб и что бы они от него ожидали.

В результате оказалось, что все опрошенные представители российской культуры посетили бы такой паб. По мнению большинства опрошенных, данный паб должен воссоздавать обстановку Англии XIX в. В заведении должна играть скрипка, меню должно быть традиционным английским, названия произведений Артура Конан Дойля должны использоваться в названиях блюд. Многие респонденты старшей возрастной группы считают, что в меню обязательно должна быть овсянка. Некоторые респонденты ожидают от подобного паба чего-то интеллектуального, а часть просто хотели бы понаблюдать за настоящими англичанами. Что же касается англичан, то здесь мнения разделились. Одни считают возможным посетить такой паб и ожидают, что он будет стилизован под интерьеры в рассказах о Шерлоке Холмсе. Однако многие сказали, что не желают идти в такой бар, ожидая, что это будет паб для туристов. Таким образом, подтверждается мнение профессора Карен Хьюит по поводу того, что подобные пабы скорее создаются для туристов, чем отражают то, как позиционируют себя сами англичане.

На последнем этапе работы мы обратились к истории создания, развития данного образа для выявления причин перехода его в статус прецедентного имени. Для этого был проведен анализ текста-оригинала – произведения Артура Конан Дойля – и его самых популярных экранизаций в двух культурах. Рассмотрение ПИ «Шерлок Холмс» в подобном «диахроническом» аспекте позволило в определенной степени объяснить ряд современных дифференциальных признаков

ПИ «Шерлок Холмс», выявленных на первом этапе, и особенности восприятия ПИ старшей и младшей группой респондентов.

Различие в восприятии рассматриваемого ПИ старшей и младшей группой респондентов во многом связано с влиянием новейших экранизаций книг Артура Конан Дойля. Следует отметить, что в современных экранизациях не наблюдается прямого переноса сюжета в фильм. Начнем с того, что доктор Ватсон, который в произведении повествует нам о приключениях Шерлока Холмса, ведя записи в своем дневнике, в современной экранизации делает это посредством интернет-блога. Нельзя не упомянуть и об отношении классического Шерлока Холмса к королеве. Он служит на благо своей страны, во имя королевы Виктории. Современный же персонаж не служит никому, кроме себя. Вспомним момент из произведения, когда от скуки Шерлок Холмс стреляет, сидя у себя в комнате в рассказе «The Adventure of the Musgrave Ritual» [5, с. 176]. В оригинале и в классической постановке он выбивает пулями в стене вензель королевы Виктории. Современный Шерлок Холмс выбивает на стене смайл. Эти два примера, на наш взгляд, символизируют жизненную позицию Шерлока Холмса времен Викторианской эпохи и Шерлока Холмса современности. Если раньше работа велась во благо страны, во имя королевы, то сейчас – это единственный способ развлечения.

Как было выяснено, основные дифференциальные признаки были взяты из самих произведений, например, основные прецедентные ситуации (ПС): раскрытие преступлений, умение говорить о человеке все лишь по его внешности, неразлучность с доктором Ватсоном. Однако, на наш взгляд, данные особенности закрепились в сознании людей благодаря экранизации произведений Артура Конан Дойля. Доказательством этому является, например, приписывание прецедентному имени такой экстралингвистической особенности, как скрипучий голос Шерлока Холмса, по мнению российских респондентов. Дело в том, что в произведении нет упоминания о том, что данный персонаж обладает скрипучим голосом. Однако большинство российских респондентов выделяют эту черту, потому что актер В. Ливанов, сыгравший главную роль в классическом советском сериале о Шерлоке Холмсе, обладает характерным тембром. Соответствующим примером в британской лингвокультуре является то, что после выхода телесериала с Джереми Бреттом в сознании англичан закрепились ПС употребления наркотиков Шерлоком Холмсом из-за особого акцента на это в сериале.

Таким образом, можно предположить, что одним из важнейших факторов развития прецедентного имени «Шерлок Холмс» наряду с литературными текстами являются кинотексты. В российском представлении многие черты вошли в структуру ПИ: они были либо взяты из кинотекста, либо из самого произведения, но были усилены за счет кинотекста. Британское представление о Шерлоке Холмсе возникло из самого произведения. Однако впоследствии структура и содержание ПИ видоизменялись за счет популярных фильмов. Кроме того, мы считаем возможным предположить, что среди тенденций дальнейшего развития данного ПИ – тенденция к стиранию национально-специфичных черт в условиях глобализации.

Попова Ксения Алексеевна – магистрант кафедры НФЯ ИФМК Бурятского государственного университета. E-mail: kisushenka1991@mail.ru

Столярова Ирина Николаевна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры английского фил. ИФМК Бурятского государственного университета. E-mail: i.n.stolyarova@gmail.com

Popova Kseniya – graduate student, Department of German and French language studies, Institute of Philology and Mass Communications, Buryat State University. E-mail: kisushenka1991@mail.ru

Stolyarova Irina – candidate of science in pedagogy, senior instructor at the Department of English Philology, Institute of Philology and Mass Communications, Buryat State University. E-mail: i.n.stolyarova@gmail.com

УДК 398 (=512.31)

© Л.Ц. Санжеева, Е.М. Абитаева

Средства выражения категории времени в английских лирических произведениях первой половины XX в.

В статье рассматриваются языковые средства выражения категории времени в английском поэтическом тексте. Показана роль и функционально-стилистические особенности художественного времени.

Материалом исследования послужили образцы английской лирики первой половины XX в. (Уистен Хью Оден, Томас Стернз Элиот, Джеймс Джойс).

Ключевые слова: лирический жанр, пространство и время, художественное и грамматическое время, стилистические приемы.

L.T. Sanzheeva, E.M. Abitaeva

Means of Expressing the Time Category in English Lyrical Poetry of the First Half of the XX Century

The article considers language means of expressing the category of Time in the English poetic text. The role and functional and stylistic peculiarities of literary time are shown. The analysis is based on English lyrical poetry works of the first half of the XX century by W.H. Auden, T.S. Eliot, James Joyce.

Keywords: lyrical genre, space and time, literary and grammatical time, stylistic means.

В свете когнитивной парадигмы лингвистического знания язык как основной способ отражения объективной реальности располагает целым спектром средств для выражения различных отношений, в том числе временных. Пространство и время, будучи формой существования объектного мира, стали универсальными категориями внеязыковой действительности, которые являются одними из главных объектов различных исследований. Данные категории

были признаны онтологическими, т.е. ключевыми понятиями, на которых и строится когнитивная деятельность человека.

Существующие научные идеи о категории времени восходят еще к античности. В рамках лингвистических исследований категорию времени с развитием антропологической парадигмы стали рассматривать не только как грамматическую категорию глагола, но и в качестве концепта.

Литература

1. Завьялова К.В. Функционирование прецедентного текста и прецедентного имени: сказка «Золушка» в русской, американской, испанской и венгерской лингвокультурах: диссертация.

2. Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б. Прецедентное имя и прецедентный текст как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. – Вып. 1. – М., 1998.

3. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. – М., 2002.

4. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М., 2001.

5. Conan Doyle A. The Adventures of Sherlock Holmes // edited by J. Murray and J. Cape: collection of short stories. – London: Butler and Tanner Ltd., 1976. – 304 p.

Идеальная сторона художественного текста, поэтического в том числе, мир образов, создаваемых в нем, реализуются в особом концептуальном пространстве-времени – художественном пространстве-времени. Это есть особая форма познания мира, характеризующаяся присутствием только ей особенностями, своеобразным переплетением свойств реального, перцептуального и индивидуального времени.

В ряде работ, посвященных исследованию категории времени и ее репрезентации в языке, отмечается следующая тенденция – отождествление категории времени со временем грамматическим. Известно, что грамматическое время – это выражение временных отношений в рамках видовременной системы глагола. В исследованиях грамматической категории времени исходным понятием, как правило, является момент речи.

Специфика же художественного времени выявляется путем установления отношений, в которых находится мир художественной действительности и мир реальный. По мнению М.Б. Храпченко, основой художественной действительности или мира, созданного воображением, является не прямое, сложное, незеркальное отражение объективной действительности [18, 1973].

В своем диссертационном исследовании Н.Е. Булаева ссылается на определение художественного времени Н.Ф. Пелевиной. Время протекания описываемых в тексте событий не тождественно реальному времени, проходящему при чтении текста, – это воображаемое или изображаемое время. «В применении к художественному тексту изображаемое время часто называют художественным временем» [8, с. 110].

Отличительными признаками художественного времени являются многомерность, обратимость, прерывность, разнонаправленность. Ключевой момент в понимании природы художественного времени – точка отсчета. Художественное время не соотносится с одной точкой отсчета как грамматическое время, которое определяется относительно момента речи. Интересен, на наш взгляд, подход, предложенный З.Я. Тураевой, основанный на различении языкового момента речи, грамматического и неязыкового. «Несмотря на то, что неязыковой реальный момент речи находится вне языка, именно на него ориентируется говорящий в ситуации непосредственного общения. Отражение этого момента в речи есть языковой грамматический момент речи» [14, с. 46]. Для времени в художественном тексте важна упорядоченность и соотнесенность дей-

ствий по принципу – «раньше чем», «позже чем». Исходя из этого, можно говорить о том, что художественное время подчиняет себе время грамматическое, которое является одним из языковых средств выражения последнего (Тураева, Пелевина), с другой стороны, отрицается возможность подчинения, и тогда время художественное предстает конкретным проявлением времени языкового [12, с. 34].

В связи с вышесказанным в фокусе данной статьи находятся лингвостилистические средства выражения категории времени в английской лирике первой половины XX в. Выбор стихов как особых средств коммуникативной деятельности обусловлен их содержанием и структурой. Поэтический текст позволяет проникнуть в ценностную систему культуры и представить своеобразную картину репрезентации такого универсального понятия как время. Исследуемые тексты лирического жанра выступают как структурно-семантическое единство, которое передает информацию о мышлении народа той эпохи, а также оказывает сильное эмоциональное и эстетическое воздействие на потенциального адресата.

Выбор стихотворений данного временного периода не случаен, т.к. в целом XX в. считается переломным в истории человечества и с ним связывают множество судьбоносных для истории событий. Были выявлены функциональные особенности языковых средств выражения категории времени в образцах английской лирики с учетом биографии авторов, а также жанровых и стилистических характеристик произведений.

Уистен Хью Одэн (W. H. Auden, 1907–1973) написал стихотворение «Funeral Blues» в 1938 г. Данное произведение является переломным в творчестве автора, его связывают с различными жизненными историями самого автора. Одной из самых распространенных догадок является смерть близкого друга автора. В 1930-х гг. поэта критиковали за прогрессивную и одновременно доступную стилистику его произведений. Исследователи его творчества относят анализируемое стихотворение к ранним работам поэта:

*Stop all the clocks, cut off the telephone,
Prevent the dog from barking with a juicy bone,
Silence the pianos and with muffled drum
Bring out the coffin, let the mourners come.
Let aeroplanes circle moaning overhead
Scribbling in the sky the message He is Dead,
Put crêpe bows round the white necks of the
public doves,*

Let the traffic policemen wear black cotton gloves.

*He was my North, my South, my East and West,
My working week and my Sunday rest*

My noon, my midnight, my talk, my song;

I thought that love would last forever, I was wrong.

The stars are not wanted now; put out every one,

Pack up the moon and dismantle the sun.

Pour away the ocean and sweep up the wood;

For nothing now can ever come to any good.

Повествование ведется от первого лица, а это значит, что индивидуальным временем в данном контексте будет время самого автора. Авторское время сливается со временем описываемых событий. Переживаемое автором событие является для него настоящим. Эстетическая информация, заложенная в тексте, неотделима от материальной формы, в которую она воплощена.

После прочтения произведения создается впечатление о замедленности, даже остановке времени, благодаря ритму и рифме стихотворения. Этот же эффект помогает достигнуть и аллитерация. Автором используется конвергенция стилистических приемов с определенной целью – выразить характер произведения. Например, использование аллитерации: *Let aeroplanes circle, Scribbling in the sky the message (l, s); moaning, my, Sunday, My noon, my midnight, my song (m, n, s)*, что напоминает собой рыдание по потерявшему другу.

К ядру поля художественного времени следует отнести и заголовок. Блюзовая форма подразумевает смежные рифмы AA BB: *telephone – bone / drum – come*. Известно, что содержание блюзового текста – это в основном пессимистическая оценка жизненных реалий и рефлексия с элементами черного юмора, как, например, *prevent the dog from barking with a juicy bone, aeroplanes scribbling in the sky the message He is Dead*.

В первой строфе автор предлагает избавиться от постороннего бытового шума, который может взорвать торжественную тишину церемонии прощания с усопшим. Далее он подчеркивает всю торжественность происходящего, начиная от надписи на небе, оставленную самолетом, заканчивая сменой цвета перчаток у полисменов на траурный. Умерший был источником смысла жизни для автора. И теперь для него ничего не имеет значения. Используя гиперболу, Оден подчеркивает особую роль усопшего в жизни автора: *I thought that love would last forever*. По-

следнее четверостишие также усиливает эту мысль.

Отметим, что роль художественного времени в данном контексте не может быть рассмотрена отдельно от времени грамматического. В этом произведении переплетаются прошлое и настоящее. Мы наблюдаем живое функционирование тех или иных лексических или грамматических единиц. Они являются компонентами художественного текста, который есть конечная модель бесконечного мира. Грамматическое время лишь устанавливает последовательность действий, временную упорядоченность событий. Художественное время – это категория более высокого ранга, при этом время грамматическое является одним из средств его выражения.

Данное произведение воплощает в себе характерные черты художественного времени: разнонаправленность, обратимость, всевременность. Лексический темпоральный маркер *now* указывает на то, что событие совершилось совсем недавно, автор в растерянности, он в нервном напряжении после того, как началась похоронная процессия, после того, как он осознал свою потерю. Это достигается растяжением времени в начале при помощи одинаковых синтаксических конструкций (повелительные предложения, схожие по ритмическому построению) и в середине повторением местоимения *my*, параллельных конструкций, где происходит ускорение времени, ускорение мыслей автора. К концу автор, словно в безысходности, заканчивает произведение следующей строкой: *For nothing now can ever come to any good*. Третье и последнее четверостишие тесно переплетаются друг с другом, создавая следующий ассоциативный ряд: *my North, my South, my East and West – my working week and my Sunday rest – my noon, my midnight, my talk, my song – love*. Этот ряд противопоставляется чувствам автора, который уже осознает свою потерю, а вместе с этим и потерю смысла жизни: *The stars are not wanted now – Pack up the moon and dismantle the sun – Pour away the ocean and sweep up the wood – nothing*. Это противопоставление двух разных периодов жизни – счастье любить и неожиданная потеря любимого, без которого автор не мыслит своей жизни. Одну удалось сконцентрировать два временных плана в одном произведении – время до и после смерти близкого друга.

Стихотворение «Spleen» Томаса Стернза Элиота (T.S. Eliot, 1888–1965) было написано в январе 1910 г. и в этом же году было впервые опубликовано. Элиот был и остается одним из самых уважаемых и широко читаемых поэтов в

англоязычном мире. Его стихи, пьесы и критические статьи оказали существенное влияние на мировую культуру XX в. Анализируемое стихотворение принадлежит к раннему периоду творчества автора, когда он, будучи студентом Сорбонны, начал свой творческий путь:

*Sunday: this satisfied procession
Of definite Sunday faces;
Bonnet, silk hats, and conscious graces
In repetition that displaces
Your mental self-possession
By this unwarranted digression.
Evening, lights, and tea!
Children and cats in the alley;
Dejection unable to rally
Against this dull conspiracy.
And Life, a little bald and gray,
Languid, fastidious, and bland,
Waits, hat and gloves in hand,
Punctilious of tie and suit
(Somewhat impatient of delay)
On the doorstep of the Absolute.*

Рассмотрим языковые средства, участвующие в формировании категории художественного времени как категории текста. Ядром здесь выступают лексическая система (языковые средства) и композиция произведения (экстралингвистические средства). В нем автор сразу ограничивает произведение временными рамками – *Sunday*. Это может быть описание определенного дня, но в данном случае автор описывает обычный ход всех воскресных дней – какими они были раньше, продолжают быть и будут. Об этом свидетельствует использование автором назывных предложений в настоящем времени. То есть время обратимо и многомерно. Точка отсчета, определяющая в тексте смену временных планов, подвижна и постоянно перемещается – день воскресенья, затем вечер и, наконец, то, во что и вытекают все эти воскресенья – в Абсолют. На поэта находит хандра при виде повторяющейся и неизменной воскресной процессии, состоящей, главным образом, не из людей, а их частей. Текст пронизан метонимиями: *definite Sunday faces; Bonnet, silk hats, and conscious graces, Evening, lights, and tea, Waits, hat and gloves in hand*, которые подчеркивают обыденность жизни, меланхоличное настроение автора по отношению к окружающему его миру.

Переключателем из одной временной плоскости в другую являются лексические единицы обозначения времени: *Sunday, evening*. Уныние и депрессия поэта, вызванные окружающими, никому не интересны. Все эти «шляпки, костюмы, посиделки за чаем» находятся в заговоре. Графические элементы тоже играют важную роль в

организации единства композиции. Первая строка второй строфы заканчивается на восклицательный знак, автор ждет перемен, он уверен, что смена времени суток принесет радость и хандра покинет его, однако все продолжают равнодушно заниматься однообразными делами.

В последней строфе автор олицетворяет саму жизнь в виде человека, это ясно благодаря использованию автором метонимий, предметов одежды человека: *Life, a little bald and gray, Languid, fastidious, and bland, Waits, hat and gloves in hand, Punctilious of tie and suit*. Поэт ставит этого человека, которого он характеризует как маленького, вялого, облыселоного, серого и занудного, на порог перед Абсолютом. Томас Элиот обращается к философии. Будучи в меланхолическом расположении духа, он задумывается над временем целого человечества, над его жизнью и его будущим. Идея произведения заключается в том, что люди уже вплотную подошли к Абсолюту. Здесь следует внимательно рассмотреть данное понятие, поскольку Абсолют – это и есть конечная точка времени произведения. Художественное время моделируется на основе сопряжения денотативных, коннотативных и ассоциативных значений слова. Ассоциативным рядом здесь может послужить и первооснова, и что-то совершенное, бесконечное, и то, что не имеет ни начала, ни конца. Центральной темой его творчества стал кризис духа. Данное стихотворение является ярким примером того, что на становление Элиота заметное влияние оказали популярные в то время идеи об утрате человеком данных ему Богом духовных ценностей и самоопустошении как следствии борьбы за выживание и погони за материальными ценностями.

Анализ содержания раскрывает суть заголовка – *Spleen*. Лишь рассмотренное в контексте всего стихотворения название приобретает подлинную значимость, раскрывает ту силу обобщения, которую вкладывал автор в свое творение. Сочетание индивидуализации и генерализации, неповторимости, уникальности созданных образов и их бесконечной повторяемости раздвигает рамки художественного времени и играет определяющую роль в стихотворном тексте.

Стихотворение «I hear an Army», автором которого является Джеймс Джойс (James Joyce, 1882–1941), было впервые опубликовано в 1914 г. Литература начала XX в. знаменует собой такое литературное течение, как модернизм, стиль, названный *Stream of consciousness*, характеризующийся глубоким проникновением во внутренний мир героев. Ярким примером этого

направления можно считать упомянутое стихотворение:

*I hear an army charging upon the land,
And the thunder of horses plunging; foam about
their knees:*

*Arrogant, in black armour, behind them stand,
Disdaining the reins, with fluttering whips, the
Charioteers.*

They cry into the night their battle name:

*I moan in sleep when I hear afar their whirling
laughter.*

*They cleave the gloom of dreams, a blinding flame,
Clanging, clanging upon the heart as upon an anvil.
They come shaking in triumph their long grey hair:
They come out of the sea and run shouting by the
shore.*

My heart, have you no wisdom thus to despair?

*My love, my love, my love, why have you left me
alone?*

В данном произведении проявляются особенности художественного времени: отсутствие жестких временных рамок и введение точного времени, противопоставление времен и связь времен. Повествование ведется от первого лица. Изучив композицию и содержание текста, приходим к выводу о том, что это, по сути, внутренние переживания автора по поводу утраты своей возлюбленной. Судя по отбору эпитетов, метафор и сравнений, возлюбленная пропала на море: *an army charging upon the land, They come shaking in triumph their long grey hair: They come out of the sea and run shouting by the shore*. Возможно, автор не случайно приводит аналогию с морем, ведь Джеймс Джойс – выходец из Ирландии, поэт всегда жил рядом с океаном, и самые яркие переживания, проецируемые на его произведения, несомненно, связаны с морем.

С грамматической точки зрения, автор использует настоящее простое время и только в конечной точке художественного времени произведения читателю становится понятно об уже ушедшей любви, что выражено формой настоящего совершенного времени: *why have you left me alone*. Использование автором настоящего простого времени сигнализирует о постоянных сердечных переживаниях. Мир, в котором живет автор, уже не представляется ему таким спокойным и мирным, как это было до исчезновения его любимой. Ее уход сопоставим с началом бесконечной войны, продолжающейся и в сновидениях поэта: *I moan in sleep when I hear afar their whirling laughter. They cleave the gloom of dreams, a blinding flame, Clanging, clanging upon the heart as upon an anvil*. Эта картина усиливается использованием звукоподражания (*Clanging, clanging*), параллельных конструкций (*They come shaking in triumph their long*

grey hair: They come out of the sea and run shouting by the shore.), размером метра, который подражает маршу армии.

В стихотворении происходит столкновение двух планов: мистического и обыденного, ирреального и реального, что является собой основой каркас художественного времени. В создании полифонии художественного времени видовременным формам не принадлежит ведущая роль. Напротив, их семантика вступает в противоречие с членением текста на два плана – ирреальное и реальное. План реального подается как прошедшее, а переживания подаются как данность в настоящем. Именно такая подача указывает на условное настоящее героя произведения – *I hear, I moan, they come, they leave*. Важная роль в формировании категории художественного времени принадлежит композиции произведения. Синтаксический параллелизм, усиленный лексическими средствами, эксплицитно обозначающими отнесенность к тому или иному временному плану, служит зачином двух основных противопоставленных временных пластов.

Мучение повествователя заключается в его глубоких внутренних переживаниях. Он не в силах противостоять наступающей стихии – воды, где скачущие лошади – это гром, безжалостные наездники в колесницах – это волны, бьющиеся о берег во время бури. Напряжение нарастает и как только, армия касается суши, автор чувствует свое бессилие перед ними. Он отчаянно задается риторическим вопросом, придавая себя в жертву. Читатель воспринимает произведение как картину надвигающейся опасности, которая полностью поглотит повествователя. Герой чувствует неизбежность смерти и свое бессилие, время ожидания наступления затягивается благодаря детальному описанию автором наступающей угрозы.

Таким образом, из приведенных выше произведений и их анализа с точки зрения специфики выражения в них категории времени видно, что при формировании категории художественного времени доминантой, переключателем из одной временной плоскости в другую, как правило, являются не видовременные формы, а лексические темпоральные средства, стилистические приемы, композиция, ритмическая организация текста и реалии, другие средства, составляющие поэтическую систему произведения.

Наряду с указанными элементами, отметим порождение текстом окказиональных средств выражения временных отношений. Более того, окказиональные средства в поэтическом тексте могут приобретать большую, чем системные средства, функциональную нагрузку.

Итак, художественное время в рассмотренных стихотворениях обеспечивает своеобразное содержательное и структурное единство. Художественное время моделируется с помощью комплекса взаимодействующих средств различных уровней, упомянутых выше. Кроме того, каждый автор имеет свой специфический, присущий только ему характер выражения художественного времени.

Литература

1. Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. – Л., 1978. – 197 с.
2. Булаева Н. Е. Категория времени в произведениях научной фантастики на английском языке: на материале художественных произведений XX века: дис. ... канд. филол. наук. – Тула, 2005. – 169 с.
3. Гайденок П.П. Понятие времени и проблема континуума. URL: http://www.i-u.ru/biblio/archive/gaidenko_ponaitie, 1999. – 22 с.
4. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 139 с.
5. Гиляев Ю.В. Репрезентация категорий времени и пространства в структуре художественного текста (на материале романов Майкла Каннингема): дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2012. – 214 с.
6. Гуревич А.Я. Категории Средневековой культуры. – М.: Искусство, 1972. – 318 с.
7. Есперсен О. Философия грамматики. – М., 1958. – 615 с.
8. Пелевина Н.Ф. Стилистический анализ художественного текста. – Л.: Просвещение, 1980. – 272 с.

9. Поликарпов В.С. Время и культура. – URL: <http://www.i-u.ru/biblio/archive/polikarpovvremj'a/>, 1987. – 68 с.

10. Степанов Ю.С. В трёхмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – М.: Наука, 1985. – 335 с.

11. Стопочева-Мойер А.Ю. Время в контексте языка и культуры: минимальные единицы членения: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2001. – 153 с.

12. Тарасова Е.В. О многоаспектной природе времени (время физическое, перцептуальное, языковое, художественное и лингвистическое) // Вестник Харьковского университета. – 1989. – № 339. – С. 33-37.

13. Тишков В.А. Восприятие времени // Этнографическое обозрение. – 2002. – №3.

14. Тураева З.Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное (на материале английского языка): учеб. пособие [для ин-тов и фак. иностр. яз.]. – М.: Высш. школа, 1979. – 219 с. (Б-ка филолога).

15. Тураева З.Я. Лингвистика текста: (Текст: структура и семантика). – М.: Просвещение, 1986. – 127 с.

16. Федоров М.А. Восприятие времени в русской и американской культурах (концептуальный анализ на материале фразеологии русского и английского языков): монография; М-во образования Рос. Федерации, Бурят. гос. ун-т. – Улан-Удэ, 2011. – 97 с.

17. Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Наука, 1997. – 452 с.

18. Храпченко М.Б. Семиотики и художественное творчество // Контекст. 1972. – М., 1973

19. Fleischman S. Tense and Narrativity: From Medieval Performance to Modern Fiction. – London: Routledge, 1990. – 254 p.

Санжеева Лариса Цырендоржиевна – ИФМК, Бурятский государственный университет, заведующая кафедрой английской филологии, доктор филологических наук, доцент. E-mail: lsanzhe@mail.ru. Тел. 8 (9025) 636956.

Абитаева Евгения Мунировна – выпускница ИФМК Бурятского государственного университета. E-mail: evg-abitaeva@yandex.ru. Tel. 89148422330.

Sanzheeva Larisa Tsyrendorzhiyevna – Institute of Philology and Mass Communications, Buryat State University; Doctor of Philology, Associate Professor, Head of English Philology Chair. E-mail: lsanzhe@mail.ru, Tel: 8 (9025) 636956

Abitaeva Evgenia Munirovna – graduate student of Institute of Philology and Mass Communication, Buryat State University. E-mail: evg-abitaeva@yandex.ru

УДК 81

© Б.М. Тоуз Нойманн

Религиозные традиции празднования Нового года в Германии

В статье методом включенного наблюдения проанализированы процессы проведения религиозных праздников «Рождество» и «Адвент» в немецких городах Беблинген и Штутгарт. Описание автором религиозных традиций отражает все те мероприятия, в которых он принимал непосредственное участие.

Ключевые слова: религиозные праздники, религиозные традиции, Рождество, Адвент, «Штоллен», «Леб-кухэн», католики, протестанты, адвентисты, баптисты.

Religious Traditions of Christmas in Germany

Modern processes of holding religious holidays «Christmas» and «Advent» are being analysed in the article by method of inclusive observation in two German cities Boeblingen and Stuttgart. The description of religious traditions with author's direct participation in all festivities.

Keywords: *religious holidays, religious traditions, Christmas, Advent, Christmas Eve, «Stollen», Christmas cookies «Lebkuchen».*

В Германии существует множество обычаев и традиций, некоторые празднуются лишь в отдельных землях, это так называемые локальные традиции, а другие традиции схожи между собой не только в самой Германии, но и среди множества европейских стран, в которых данные традиции были позаимствованы и считаются общеевропейскими. К примеру, обычай наряжать елку, искать пасхальные яйца позаимствован именно из Германии.

Традиции помогают людям идентифицировать себя как нацию, они служат сохранению и приумножению духовных и материальных ценностей, которые накапливаются и передаются в истории человечества. Традиция «...выступает важнейшим средством обеспечения социальной преемственности, причем она отличается жесткостью закрепления исторического опыта в одних сферах общественной жизни и мобильностью в других» [1, с. 2].

Главный праздник католиков и протестантов – *Рождество Христово (Weihnachten или Christsfest, Heiliger Christ)* отмечается, как известно, в ночь с 24 на 25 декабря в честь рождения Сына Божьего Иисуса Христа, в отличие от Православной Церкви, которая празднует 7 января. По мнению Ю. Переверзева, единственная в мире церковь, которая отмечает Рождество Христово не 25-е декабря, и не 7-ю января, – это Армянская церковь, празднующая Рождество 6-го января, совмещая его с праздником Крещения. На заре христианства в разных церквях – Антиохитской, Иерусалимской, Александрийской, Кипрской – праздновали Рождество в разные даты. Одни – 8-го января, другие – 12-го января, третьи – 9-го мая. Лишь через несколько десятилетий после того, как императрица Елена, мать императора Константина, обратилась в христианство и оно было провозглашено официальной религией Римской империи, иерусалимский патриарх Кирилл и Папа Римский Юлий, договорившись между собой, созвали для обсуждения вопроса о дне Рождества Христова совет из авторитетов духовенства, который и определил, что этот день – 25-е декабря [2].

Готовятся к нему заранее: как у православных христиан Рождеству предшествует соро-

кадневный рождественский пост, так и у католиков, к которым относятся и немцы, светлый праздник тоже предваряет *Адвент* (в переводе с латинского «пришествие», смысл которого – в подготовке души и тела к празднику Рождества, к пришествию в мир Иисуса Христа. Рождество, или как его немцы называют *Вайнахтен (Weihnachten)* или в переводе «*Святая Ночь*» является тихим временем года в Германии [3]. Он длится с 1-го по 24-е декабря, и в это время немцы наводят порядок не только в своей душе, но и своих домах: все моется, чистится, прибирается, стирается, закупаются продукты для праздничного стола и рождественские подарки для близких и друзей. Все это надо успеть сделать до Рождества, потому что во время самого праздника и следующей за ним рождественской недели строго соблюдается основной запрет – не осквернять праздник никакой работой.

Праздник Нового года для жителей маленького немецкого городка *Бемблинген, Федеральной земли Баден-Вюртенберг*, где около 50% населения составляют коренные немцы, а точнее, швабы, и остальные 20% – представители турецкого происхождения, 5% – еврейского происхождения, 5% – итальянцы, 5% – сербы, хорваты и 5% – русскоговорящие немцы, или *Russische Deutsche*, прибывшие из России, Украины и Казахстана. Городские улицы и здания офисов, магазины, различные киоски, книжные лавки, парки и скверы украшены разноцветными огнями, веточками ели и сосны. Рождество – это не только подарки, но и время раздумий, тихих вечеров в кругу семьи, время общения и милосердия. Вечером 24-го декабря, в преддверии Святой Ночи, улицы пустеют, закрываются магазины и семьи собираются за праздничным столом [4, с. 12].

Как уже выше отмечалось, Рождеству предшествует время *Адвента (Adventszeit)* – время перед Сочельником. Начинается оно за четыре воскресенья до Рождества. Латинское слово «*adventus*» означает пришествие. У немцев Адвент никогда не обходится без двух обязательных вещей: *Адвентского венка («Adventskranz»)* и *Адвентского календаря («Adventskalender»)*. За 4 недели до Рождества во многих немецких

семьях появляется рождественский венок, сплетенный из еловых веток, перевитый красной, зеленой и золотой лентой, украшенный серебряными шишками или гроздьями рябины. Венок из еловых веток – это символ борьбы христиан против тьмы. Свет свечей этого венка – символ надежд на защиту от злых сил и победы над тьмой. Этот венок лежит на столе, но главное на этом венке – 4 свечи (обычно красного цвета), которые зажигает семья только по воскресным дням во время Адвента. Свечи имеют свое название: *первая – Свеча Пророчества, вторая – Вифлеемская, третья – Свеча пастухов и четвертая – Ангельская.*

С первого Адвента начинается церковный год (*das Kirchenjahr*). Он известен с 1838 г., когда пастор Йохан Вихерн из Гамбурга в приюте для малолетних преступников зажег цветные свечи в венке в первый Адвент. Это венок имел, как фонарь на крышах католических церквей, 24 свечи. Эти свечи зажигали во славу Господа, их число 24 сегодня встречается в каждом календаре Адвента. После 1850 г. стали делать скромные венки из веток ели. Их зелень, как и зелень рождественской ели, символизирует вечную жизнь. Свет четырех свечей венка Адвента, зажигаемых поочередно в каждое из воскресений, символизирует скорое пришествие «Света мира» – Иисуса Христа [5].

В храмах ранним утром служит Месса в честь Пресвятой Девы Марии. Поэтому в каждой немецкой семье в этот день зажигают первую свечу на рождественском венке. Близких друзей приглашают отведать «Штоллен» (*“Stollen”*) – дрожжевой кекс с пряностями, изюмом и цукатами. Через неделю наступает второе воскресенье Адвента и на венке зажигается вторая свеча. Затем к ней добавляется третья, а в последнее предрождественское воскресенье – четвертая. Все зажженные четыре свечи означают приближение Рождества. На работе у друзей, в офисе, в школе, в библиотеке мне приходилось наблюдать много раз зажженные свечи, символизирующие собой свет, который придет в мир с рождением Христа.

Таким образом, *Адвентский венок со свечами* – изобретение чисто немецкое. Следует отметить, что именно зеленый и красный – это два основных цвета немецкого Рождества, так как именно они преобладают в оформлении рождественских венков. Отметим еще интересный факт из повседневной жизни в Германии. Во время Адвента наши соседи по дому, итальянцы и греки, выставляют на парадных ступеньках дома, на подоконниках, на лестничной площадке огромного размера *гномов* или фигуру *Свя-*

того Николауса (“Heilige Nikolaus”), а зеленый рождественский венок, приветствующий и благословляющий гостей просто вешается на двери дома у американцев.

Адвент наполнен духом предвкушения, ожидания и подготовки. Люди стараются очиститься от мыслей, готовятся к празднику, украшают дома. Бабушки пекут печенье, в воскресенье собирается вся семья, приходят внуки. Еще один символ приближения праздника – это то, что в первый день *Адвента* родители дарят своим детям сладкий календарь *Адвента* (*“Adventskalender”*), состоящий из 24 кармашек или окошек, которые отсчитывают дни в обратном порядке. Каждое утро начиная с 1 декабря, то есть с первого дня Адвента, дети открывают по одной дверце, чтобы найти за ней сюрприз – маленькую шоколадку в форме Вифлеемской восьмиконечной звезды, елку, зверушку либо небольшую игрушку. Если родители ребенка христиане, то за дверцу они могут положить стих из Священного Писания (Евангелия), или же список добрых дел, которые следовало бы совершить ребенку и тем самым угодить Богу.

Традиция сохраняется и в ноябре: немецкие магазины предлагают к продаже адвентские календари всех видов – от копеечных до очень дорогих, наполненных лучшими сортами молочного шоколада. Изображения волхвов и яслей, в которые в пещере в Вифлееме Богородица положила рожденного младенца Христа, обязательно присутствуют среди календаря Адвента.

Рисованные *адвентовские* календари появились в XV в. На них изображали Деву Марию с младенцем в руках, сидящую под деревом. На ветвях 24 раза повторялась буква «А», символизовавшая молитву «Аве Мария». Т. Зарубина пишет: «Появлением же привычного нам календаря, в виде ларца или картонной коробки с окошками, мы обязаны Герхарду Лангу, сыну протестантского пастора из городка Маульброн. Маленький Герхард замучил маму вопросом о приходе Рождества. Фантазерка-мама решила наглядно ответить сыну. Она нарисовала на картоне 24 окошка, прикрепив за каждым крошечное печенье. Мальчик вырос, однако мамин подарок не забыл. В 1908 г. был напечатан первый рождественский календарь фабричного производства. А с 1920 г. стали выпускать календари с окошками, за которыми скрывался маленький сюрприз» [4; 13].

Таким образом, назначение Адвентского календаря состоит в создании радостной атмосферы приближающегося праздника. Именно в период адвентов в Германии начинают работу, и в этой стране праздник Рождества просто немис-

лим без знаменитых *рождественских ярмарок*. Они проводятся по всей стране, работают целый месяц до самого Рождества и представляют собой всегда яркое и незабываемое зрелище. Действительно, в предрождественское время нет ничего ярче запомнившегося в памяти момента, чем посещение *Рождественского базара* или *Рождественской ярмарки* (“*der Weihnachtsmarkt*”). Обычно эта праздничная ярмарка проводится ежегодно с 1 декабря по 24 декабря и открывается в 10 утра и работает до 22 вечера. Рыночная площадь украшается сказочными теремками, домиками-пряниками, украшенными еловыми лапами. На Центральной улице города *Штутгарта – Кенигштрассе, улица Короля* (“*Königstrasse*”) многолюдно, играют шарманки, тоннами жарятся каштаны, знаменитые баварские сосиски. Площадь ближе к памятнику Фридриху Шиллеру заполнена многолюдной толпой иностранцев, фотографирующихся людей и поющих песни молодежи.

Самым запоминающимся моментом являются ясли, в котором лежал младенец Иисус. Обычно при входе в церковь видны макеты с фигурами святого семейства. В XVIII в., во времена Франциска Ассизского, появился обычай выставлять в храмах для поклонения ясли с фигуркой младенца Иисуса. Со временем ясли стали ставить не только в храме, но и в домах перед рождеством. Домашние сантоны-макеты в застекленных ящиках изображают грот, в яслях лежит Иисус, рядом стоит Богородица, Иосиф, ангел, пришедшие на поклонение пастухи, а также животные – бык, осел. Изображаются также целые сценки из народного быта: рядом со святым семейством помещают крестьян в народных костюмах [6, с. 2].

По мнению Ю. Переверзева, традиция изображения яслей идет с IV в. «с той самой поры, когда императрица Елена возвела в 325 году над пещерой Рождества первую церковь. X столетие воссоздания с помощью рисунков и фигур обстоятельства рождения Богочеловека, приуроченное к празднику Рождества, приняло всеобщий характер. Старейшим представлением на эту тему считается действо в баварском городке Фрайзинг в XI–XII вв. Рождественские ясли, выполненные из разных материалов, разной величины и формы находятся во многих церквях Германии. В Аугсбурге хранятся ясли, изготовленные еще в 1590 году» [2, с. 4].

На каждом переулке Кенигштрассе можно отведать горячий рождественский напиток «*Глинтвейн*» (“*Glühwein*”), попробовать печенье “*Lebkuchen*” (специальные рождественские пряники, наполненные корицей) или

“*Magenbrot*” и орехи “*Gebrandte Mandeln*”. В многочисленных павильончиках предлагаются рождественские украшения и сувениры ручной работы из дерева, стекла, свечей, цветов, различные съедобные фигуры животных, человечков, сердечек. Любимым лакомством немецкой детворы являются *Zimtsterne* – рождественские звездочки с корицей, наподобие наших тульских пряников. Вместо звездочек можно готовить любые другие фигурки. Рождественское печенье самой разной формы называется в Германии *Platzchen*.

6-го декабря празднуется День Святого Николауса (“*der Heilige Nikolaus*”). Дети с нетерпением ждут его появления и накануне, 5-го декабря, все стараются быть прилежными и дисциплинированными, поскольку *Святой Николаус* придет не только с огромным мешком подарков, но и со своим помощником, злобным стариком *Кнехтем Рупрехтом*. Ребята оставляют свои башмачки перед дверью, начищая их до блеска, чтобы добрый Святой Николаус наполнил их сладостями и игрушками. Для недисциплинированных детишек он раздает розги, а для детей, которые вели себя в течение года хорошо, он дарит игрушки, марципаны, одежду и другие сладости.

Легенда гласит, что Святой Николаус был одним из римских епископов и жил 300 или 400 лет тому назад после Рождества Христова. Неподалеку от церкви, где проповедовал епископ Николаус, жила очень бедная семья с тремя дочерьми на выданье, но без приданого никто не брал их в жены. Епископ, возвращавшийся домой после церковной службы, случайно услышал, как одна из сестер предложила родным продать ее в рабство, а вырученные деньги отдать на приданое сестрам. Николаус был так тронут ее готовностью к самопожертвованию, что бросил через дымовую трубу кошелек с деньгами. Случайно кошелек упал в один из вязаных чулков, сушившихся у огня. Благодаря этому подарку девушки смогли выйти замуж [4, с. 16].

В городе Беблингене до сих пор остаются популярными рождественские украшения, сделанные своими руками. В школах, детских садах и даже дома дети, учителя и родители сами делают украшения для дома и елки. Трудно сказать, когда в Германии впервые появился обычай украшать ель на Рождество, но уже в 1561 г. вышел закон, запрещающий устанавливать в доме более одной хвойной красавицы. Рождественскую ель (*Tahnenbaum*) украшали фигурками и цветами, вырезанными из цветной бумаги, яблоками, вафлями, поделками, фольгой и всякой

блестящей мишурой. В середине XVI в. появилась в печати первая баллада о «Tannenbaum». Согласно легенде, сам Мартин Лютер впервые зажег свечи на рождественской елке. Он шел вечером, сочиняя проповедь. Подняв взор к небу, застыл в благоговейном восторге от блеска звезд, мерцающих сквозь заснеженные ветви елей. Чтобы донести эту великолепную картину прихожанам, он поставил елку, укрепил на ее ветвях свечи и зажег их.

Немецкие семьи празднуют Рождество в канун 24-го декабря. Вечером 24-го декабря, в сочельник (Heiliger Abend) семья идет в церковь. В дни празднования Рождества установился обычай преломлять «Рождественский хлеб» – особые пресные облатки, освещаемые в храмах во время Адвента, и вкушать его как перед праздничной трапезой, так и во время приветствия и поздравления друг друга с праздником. Главный священник церкви, пастор раздает такой же пресный хлеб и весной, во время празднования *Пасхи (Ostern)* каждому посетителю церкви (*Kirche*). Сначала он раздает каждому посетителю по рюмке красного вина, что символически означает кровь Иисуса.

Далее после посещения святой обители семья готовится к праздничному вечеру. Магазины и офисы закрываются в полдень. В домах устанавливают и наряжают рождественскую ель. Это особо радует детей, которые охотно помогают в украшении елки. Если же на нее вешают рождественские подарки, то взрослые стараются украсить ель в отсутствие детей. В этом случае ель устанавливают и украшают в отдельно закрытом помещении, на ветки вешают (или кладут под елку) рождественские подарки. Вечером происходит самое главное действие: родители звонят в колокольчик и приглашают детей войти в комнату, где под елкой (или на ней) уже ждут рождественские подарки.

Однако праздничный вечер начинается не с этого, а с хорошего ужина в кругу семьи, а только потом происходит процесс обмена у елки подарками. Новогодние подарки на севере Германии приносит *Вайнахтсманн (Weihnachtsmann) Рождественский человек*, на юге – *Кристкин (Christkind) – Дитя Христа* (наподобие Снегурочки). Вайнахтсманн одет в красную шубу, подпоясан цепью, в руке держит розги для наказания непослушных и мешок с подарками для послушных. Кристкин одет во все белое, ее лицо закрыто белой вуалью, в руках – корзина с яблоками и орехами. Поведение *Кристкин* носит мифический или загадочный характер. Она появляется совсем незаметно, оставляет подарки

под рождественскую елочку за дверью детской и исчезает.

В первый праздничный день (25-е декабря) христиане благодарят Бога за то, что он послал своего сына к людям, дабы нести свет, а затем принять смерть на кресте. В этот день семьи ходят в гости и поздравляют друга. Традиционная немецкая рождественская еда: рождественский гусь с картошкой (*Weihnachtshans*), *Маультаушен* – швабские *пельмени*. Начинка может быть разнообразной – шпинат или другой овощ с мясом, а когда дети спрашивали у родителей где же мясо, они отвечали что оно уже во рту лошади. Также традиционным рождественским блюдом является запеченный карп. В последнее время хозяйки предпочитают менее хлопотные блюда и большей популярностью пользуются «фондю» (*“die/das Fondü*) или «раклет» (*“die/das Raclette”*), а также закуски – нарезки сыров, ветчины и разные сладости. Из напитков обязательно присутствует *шампанское (“der Sekt”)*, «крюшон» (*“die Bowle”*) и «пуниш» (*“der Punsch”*). Во время новогоднего застолья немцы смотрят праздничную телевизионную программу, слушают музыку, играют в настольные игры. Некоторые гадают, что грядущий новый год готовит. Популярен обычай *‘Bleiliesen’* – гадание на свинце. «Кусочек свинца кладут в ложку и нагревают над горящей свечой до тех пор, пока свинец не начнет плавиться. Затем его опускают в емкость с холодной водой. После чего свинец моментально застывает, принимая новую форму. По этой форме пытаются истолковать значение гадания, например, считается, если кусочек свинца стал похож на сердце, это означает влюбленность, цветы считаются признаком новой дружбы и т.д.» [7].

Второй праздничный день (26-е декабря) – день *Святого Стефана – der Tag des Heiligen Stefan*. Начиная с 5-го столетия католики поминуют в этот день первого христианского великомученика Стефания. Святой Стефаний является покровителем лошадей и всадников. Также в этот день христиане вспоминают «Воплощение Христово» – явление людям Господа через Сына своего [7].

29-го декабря 2012 г. во время празднования Вайнахтен (Рождественского сочельника) в одной из церквей города Штутгарта мы побывали на праздничном вечере евангелистской общины «Ди Хайльсармее ин Дойчланд» (*“Die Hailsarmee in Deutschland” – Freie Evangelische Gruppe*). Нас радушно встретили женщины в военной форме и усадили за красиво накрытый стол. Собравшиеся, где-то двести человек, сидели в ожидании чего-то прекрасного. Священник

африканского происхождения в длинной черной рясе поприветствовал всех пришедших гостей, поздравил с наступлением Нового года и затем предложил всем спеть рождественскую песню. После исполнения песни гости сели за стол и принялись кушать. Подали сначала салаты, затем швабские «маульташен» – пельмени со шпинатом, на десерт – йогурт и различные сладости.

После праздничного ужина был представлен спектакль на тему: «Веришь ли ты в Бога?». В этом представлении священник в обычном костюме и вместе со своими детьми – двумя дочерьми и сыном – исполнил религиозную песню в стиле джаз. Гости вечера веселились от всей души, что было похоже скорее не на церковь, а на музыкально-физкультурный клуб с религиозными мотивами. Как уже выше указывалось, организаторами явились участники теологической группы “Ди Хальсармее ин Дойчланд”. Данная добровольная организация работников проводит службу в церкви, занимается социальными вопросами граждан, в основном они помогают низшему слою населения в приобретении жилья, одежды. Список задач данной евангелистской группы представлен следующим образом: «... мы готовим завтраки для престарелых или нуждающихся в помощи людей; проводим уборку в квартире, гладим вещи, делаем покупки, отправляем посылки, ухаживаем за цветами, читаем, помогаем отвезти, привезти пожилого человека в больницу, поликлинику, парикмахерскую, водим на прогулку, оказываем помощь при обращении в различные ведомства, ухаживаем за немощными больными и т.д.» [8, с. 3].

Большинство немцев – протестанты (евангелисты) или католики, сосуществуют исключительно мирно. В евангелистической церкви есть множество разновидностей – адвентисты, баптисты и прочие. В Германии на сегодняшний день насчитывается около 3 миллионов мусульман, из них более 2 миллиона – турки. Обычно один из первых вопросов к вам – вы католик или протестант? Если вы отвечаете: я отношусь к Русской православной церкви или я буддист, то ответ воспринимается как нормальный. Если вы – атеист, то это настораживает, потому что верующий человек придерживается религиозных заповедей: не убий, не укради, не желай другому зла.

Церковь помогает бедным, нуждающимся, больным, инвалидам. Многие родильные дома, детские сады, больницы и дома престарелых содержатся за ее счет. В церквях (*Kirche*) – (*Kirche*) города Штутгарта предлагаются недорогие обеды (всего 1,5 евро) на человека, так называемые «бесплатные обеды для бедных».

Церковь отделена от государства, но это разделение не является полным и последовательным. В школе изучение религии – обязательный предмет, и почти все официально признанные в стране праздники – религиозные. 31-е декабря в Германии является кануном Нового года, а сам праздник отмечается 1-го января. Это шумное торжество с фейерверками и шампанским. В церкви бьют колокола, чтобы известить о наступлении Нового года.

6-го января, после встречи Нового года, немцы отмечают традиционный христианский праздник Богоявления (Эпифании). Как правило, особое значение он имеет в землях Баварии, Баден-Вюртенберга и Саксонии-Ангальдт. У католиков этот день известен как *День трех святых волхвов (Der Heilige Drei Königstag)*. Протестанты иногда называют его «Большим Новым годом» (*Grossneujahr*). В основе празднования Эпифании (в переводе «явление Бога») лежит библейский сюжет из Нового Завета. Имеется в виду история о путешествии трех королей-волхвов – Каспара, Мельхиора и Бальтазара – с Ближнего Востока за звездой Вифлеема, указанной им ангельским хором.

Найдя лежащего в яслях младенца Иисуса, волхвы поклонились ему и преподнесли богатые дары: золото, ладан и благовонную смолу – мирру. Вообще, на Древнем Востоке волхвами называли мудрых людей, которым предписывали знание скрытых сил природы, общение с Богами и обладание сверхъестественной силой. Говорили, что три короля-волхва могли предотвратить удары судьбы и отвести все злое от человека, его дома, скота.

Празднование Богоявления заключается в посещении торжественной мессы в костеле и семейном ужине после полуночи у камина. Трапеза должна быть как можно более богатой и обильной. Блюда, как правило, такие же, какие готовились на новогодние и рождественские праздники. Этим вечером мальчики, одетые в белые балахоны с коронами на голове и длинным шестом, увенчанным звездой, ходят с песнями от дома к дому и благословляют их хозяев. Это называется «процессией трех королей». Лицо одного из них может быть вымазано сажей – он изображает волхва Мельхиора.

Согласно обычаю, хозяин пишет над дверью дома начальные латинские буквы имен трех королей-волхвов: «С, М, В» (*Caspar, Melchior, Baltazar*), указывает год и рисует крест. Это означает: «Боже, благослови этот дом». Такая надпись оберегает дом и его обитателей от несчастия. Считается, что день после Дня трех королей прибавился, а ночь отступила. В этот день

в последний раз зажигают елку, так как он завершает цикл рождественских праздников. *Этифания* празднуется не только в Германии, в некоторых швейцарских городах – Цюрихе, Берне, Лозанне, Цуге и др.) [9].

Каждое поколение создает свою культуру. Однако фундаментом всех созданных ценностей является то, что было передано этому поколению предками. Новое никогда не отвергает старое, оно объективирует его и впоследствии и старое и новое становятся единым культурным достоянием уже следующего поколения.

На основе обзора религиозных праздничных традиций, мы пришли к выводу, что религиозные праздники сохраняют свои истоки, трансформируясь и преобразовывая окружающий мир современной Германии. Религиозные праздники в основном стали традиционными, передающимися из поколения в поколение.

Значение религиозного праздника заключается в формировании духовной культуры современного человека, сохранении веры и религиозных идей, национальных ценностей, нравственно-этических норм народа.

Литература

1. Ефименко М.Н. Религиозная традиция как предмет социально-философского анализа: дис. ... д-ра филос. наук. – М., 2011. – С. 369.

Тоуз Нойманн Бэла Матвеевна – кандидат педагогических наук, докторант кафедры культурологии Восточно-Сибирской академии культуры и искусств. E-mail: belchoy@mail.ru

Tous Neumann Bela Matveevna – candidate of Pedagogical science, Doctorant of the Chair of Cultural Studies of the East Siberian State Academy of Culture and Arts. E-mail: belchoy@mail.ru

УДК 81:130.2

© М.А. Федоров

Репрезентация метафоры «время – ценная вещь» в произведениях Дж. Свифта

Исследование в двух приближениях позволяет вычлнить сходства и различия репрезентации категории времени в произведениях Дж. Свифта в сравнении с произведениями других британских авторов и рассмотреть специфику осмысления ценности времени на материале всех контекстов с метафорой «время – ценная вещь».

Ключевые слова: концептуальная метафора, Дж. Свифт, категория времени, эпоха Просвещения.

М.А. Fyodorov

«Time is a Valuable Commodity» Metaphor in Works by Jonathan Swift

The study of time in two approximations allows us to underline similarities and differences in the representation of this category in the works by Jonathan Swift in comparison with that in the works by other British authors as well as uncover the specific character of the time value perception expressed in all the contexts with the «time is a valuable commodity» metaphor.

Keywords: cognitive metaphor, Jonathan Swift, category of time, Age of Enlightenment

Дж. Свифт, сатирик и памфлетист, публицист и проповедник, в своих произведениях

2. Переверзев Ю. К празднованию Рождества // Русская Германия. – 2010. – 13 дек. – № 49. Берлин (Электронный ресурс). – URL: «<http://www.rg.-rb.de/>» HYPERLINK «<http://www.rg.-rb.de/>»/index.htm (дата обращения: 27.02.2013).

3. Friedrich Lang. Kultbuch “Weihnachten. Alles, was wir lieben: vom Adventskranz bis zum Wunschzettel”. – Köln, 2010. KOMET Verlag GmbH.

4. Зарубина Т. Адвент // WADIM – Ваш дом и мир / под ред. В. Гарбуза. – 2012. – №12. – С.12.

5. Рождество Христово и Адвент // (Электронный ресурс). – URL: www.kulturdolmetscher.de/kulturnacht.ru.html (дата обращения: 27.02.2013).

6. Рождественские традиции (Электронный ресурс). – URL: «<http://www.miro/>»101.ru/index.php/6-klass/51-novyi-zavet. (дата обращения: 27.02.2013).

7. Новый год в Германии: как его празднуют немцы (Электронный ресурс). – URL: «<http://www.de-online.ru/news/novyi-god>» (дата обращения: 27.02.2013).

8. “Böblingen Kirchengemeindeng GmbH” – “Sozialstation. Hilfe von Mensch zu Mensch/ Zu Hausebestehnsversorgtdurchunsere Nachbarschaftshilfe”). – Böblingen, 2013. – №3. – 160 s.

9. Образы Сретения (Электронный ресурс). – URL: «<http://www.miro/>» 101.ru/index.php16-klass. (дата обращения: 27.02.2013).

передал большое количество свидетельств о событиях своего времени, при необходимости

преломляя их содержание при помощи художественного вымысла. Он создал образцы сатиры, ставшие классическими, тем самым оказав влияние на таких писателей и драматургов, как Т. Шеридан, Б. Шоу и Г. Филдинг [6; 2; 1].

Изучение осмысления времени как ценности в творчестве Дж. Свифта выполнено в двух приближениях. Первое приближение осуществляется на материале корпуса текстов в один миллион знаков без пробелов (малый корпус), который позволяет рассмотреть контексты со всеми концептуальными метафорами и выявить наиболее частотные из них, характеризующие творчество автора¹. Во втором приближении поиск контекстов с метафорой «время – ценная вещь» осуществляется на корпусе, состоящем из всех произведений автора (большой корпус). Это позволя-

ет раскрыть особенности структурирования концепта² «time» в отношении ценностного представления категории времени. Закономерности языковой объективации концептов дают почву для уверенности, что соотношение концептуальных метафор в малом корпусе и большом корпусе изоморфны [3].

Малый корпус Дж. Свифта представлен следующими произведениями: *Gulliver's Travels into several remote nations of the world* [7], *The battle of the books and other short pieces* [8] и его религиозные трактаты³. Общий объем составляет 235 тыс. 998 слов (1 млн 88 тыс. 195 знаков). В таблице 1 указано количество контекстов с различными типами метафор, а также количество контекстов, в которых определен тип концептуальной метафоры не выявлен.

Таблица 1

Статистика контекстов, представляющих концептуальные метафоры в произведениях Дж. Свифта

	Вместилище ⁴	Объекты в пространстве	Объект воспр. и манип.	Движ. объект	Личность	Ценная вещь	Ресурс	Деньги	Не определено
time	97	152	38	7	14	14	11	1	169
hour	25	23	2	1	1	4	1		38
minute	5	4							13
year	31	57	2	3	1		2		177
month	14	9	1	1	1		2		41
week	8	2							22
moment	2	4	1				1		15

Репрезентация категории времени в произведениях Дж. Свифта имеет много общих черт с пониманием времени у Д. Дефо [5, с. 69-74]. Во-первых, мы наблюдаем превалирование метафоры «времена – объекты в пространстве» в контекстах с ключевым репрезентантом концепта time, в преобладающем количестве которых – 70⁵ из 152 – временные отношения выражены при помощи предлога «at». Это указывает, что локализация времени почти в половине случаев происходит относительно описываемого события. В остальных контекстах используются самые разнообразные маркеры, указывающие на события и действия, как предшествующие, так и последующие моменту речи: *by this time, after*

some time, from this time, about the time, from time to time, to the present time, in former time, since the time.

Во-вторых, в контекстах со словом «time» представлены все рассматриваемые метафоры, тогда как контексты с другими репрезентантами концепта «time» имеют две доминирующие метафоры «времена – объекты в пространстве» и «время–вместилище», а остальные метафоры представлены слабо. Это позволяет нам сделать тот же вывод, что и в случае с Д. Дефо: конкретизированные периоды времени главным образом используются в терминах локализации событий.

Еще одно сходство с Дефо можно увидеть в том, что время понимается утилитарно, и его персонификация в большей части примеров является условной. В 9 из 13 примеров время понимается как слепая безличная сила и не случайно слово *time* написано с маленькой буквы:

18 ... *this must be a work of time;*

189 *time alone will bring all to ruin*

246 *And a short time will reduce the whole, by vacancies upon death.*

Оставшиеся четыре примера может назвать аллюзией на образы других авторов, например,

«316 *That Time sits with his scythe to mow ...*»

– аллюзия на строки Шекспира:

23 *Time doth transfix the flourish set on youth,*

And delves the parallels in beauty's brow,

Feeds on the rarities of nature's truth,

And nothing stands but for his scythe to mow

Контексты с метафорой «время – вместилище» являются достаточно разнообразными, указывая как на периоды, последующие описываемому событию, одновременные или предшествующие этому событию, т.е. будущее, настоящее и прошедшее, представленные относительно момента речи. При этом предпочтений в отношении какого-либо из модусов не замечено. Отдельно можно выделить сочетание «in time», подразумевающее как бы всю последовательность времени и подверженность изменениям всего материального.

Контексты, указывающие на последующие события, включают текущий момент и распространяются до следующего события, показывая своей величиной, насколько одно событие отделено от другого: *in a little time, in two moon's time, in some time*. Периоды, одновременные моменту речи, актуализируются либо при помощи устойчивого выражения «in the mean time», либо при помощи указательных местоимений. И указание на прошедший период, как и последующий, осуществляется лексически: *in ancient times, in future times*. Примерно половину контекстов составляют повторяющиеся контексты, и можно предположить, что это были устойчивые словосочетания: *in a short time* (9 примеров), *in the meantime* (13 примеров), *in time* (16 примеров).

У Дж. Свифта контексты с метафорой «времена – объекты в пространстве» по количеству значительно превышают контексты, указывающие на движение времени, что наблюдается также у Д. Дефо, С. Ричардсона, Г. Филдинга, а также Дж. Остин и В. Скотта. Можно предположить, что акцент на статичность времени, равно как и превалирование контекстов с ключевым словом в сравнении с контекстами с другими репрезентантами, является отличительной чертой литературы XVIII и начала XIX в.

Наряду с Дефо, Свифт стал тем писателем, который способствовал проникновению в лингвокультуру метафоры «время – деньги». Всего в произведениях писателя мы нашли 7 примеров с двумя маркерами – «cost» и «worth», причем «стоимость» времени оценивается как при помощи абстрактного «time», так и конкретных периодов времени – «hour» и «month»: 27 *From which consideration, I could have added one more article to my new test, if I had thought it worth my time.*

843 *I have finished my pamphlet(8) to-day, which has cost me so much time and trouble: it will be published in three or four days, when the Parliament begins sitting*

921 *They have had some expresses, by which they count that the peace may be signed by that time... after signing, it must be ratified; that is, confirmed by the several princes at their Courts, which to Spain will cost a month...*

35 *There is likewise a ballad full of puns on the Westminster Election,(5) that cost me half an hour...*

При этом можно заметить, что контекст 843 является аллюзией на строки Дж. Драйдена:

Much time and trouble this poor play has cost (The Duke of Guise 1682).

Большой корпус, на котором осуществлено второе приближение к ценностному осмыслению времени, включает следующие произведения: *Gulliver's Travels into several remote nations of the world* [7], *The Journal To Stella* [15], *The Drapier's Letters* [11], религиозные трактаты⁶, проповеди⁷ [10], исторические и политические трактаты⁸ [12; 13; 14], поэтические произведения [16; 17]. Общий объем составляет 1 млн 030 тыс. 137 слов. Распределение маркеров этой метафоры можно расположить в виде таблицы 2:

Таблица 2

Статистика употребления маркеров метафоры «время – ценная вещь»

Свифт	Time	Hour	Minute	Year	Month	Week	Moment
spend	20	2		1	2		2
lose /loss	12	2				1	1
waste/squander	1	1					
throw away		1					
redeem	2						
gain	5						
save			1				
precious	2						
pay	1						

Соотношение маркеров метафоры «время – ценная вещь» является относительно одинаковым у Дефо и Свифта. Самым распространенным маркером исследуемой метафоры является глагол «spend», особенности использования которого состоят в том, что, видимо, вслед за Дж. Беньяном, в большей части контекстов содержится указание цели расходования времени, тогда как у Шекспира она указана только в 9 контекстах из 32.

Просветительская риторика Свифта помимо прочих средств передается через то, что половина контекстов с глаголами, выражающими значение растраты времени, употребляется в значении его сбережения, тем самым обеспечивая дидактический вектор всей прозы в целом:

148... *without any further loss of time than was absolutely necessary...*;

603 ... *resolving not to lose time, fell on with his great guns, and having beaten down their works, our foot entered, after a vigorous resistance, and took the town by storm.*

Смысловое единство «сбережение времени» представлено маркерами «gain», «save» и «recover», которые вместе представляют интересный пример осмысления времени. «Gain time» (приобретение времени) – можно рассмотреть как действие, результатом которого будут условия, позволяющие обладать большими временными ресурсами:

386 *His intention was, that he might appear to negotiate, in order to gain time to pick out, if possible, the whole secret of the transactions between Britain and France.*

Антонимом в данном случае выступает «lose»: 401 ... *for time is often gained, as well as lost, by delay, which at worst is a fault on the securer side...*

«Save time» (сбережение времени) – собственно не-утрата времени, сохранение имеющегося ресурса, хотя нельзя не отметить, что контекст, в котором использован данный маркер,

достаточно циничен: 5 *These wretched people catch at any thing to save them a minute longer from drowning.*

И, наконец, «recover time» (восстановление времени) – можно понимать как действия, направленные на то, чтобы снова обрести утраченный ресурс: 13 *In the same manner, we find our wisest Tories... have endeavoured for several years, by due compliances, to recover the time they had lost by a temporary obstinacy.* При этом отметим, что последний маркер, по имеющимся данным, является инновацией автора.

Маркер «precious» встречается у Свифта два раза и каждый раз играет роль сатирического средства. В первом случае в стихотворении «The Journal Of A Modern Lady In A Letter To A Person Of Quality» речь идет о даме, которая, с одной стороны, не знает как убить свободные минуты, а с другой – называет «драгоценным» время, проведенное за картами и светскими разговорами:

*While thus they rail, and scold, and storm,
It passes but for common form:
But, conscious that they all speak true,
And give each other but their due,
It never interrupts the game,
Or makes them sensible of shame.
The time too precious now to waste,
The supper gobbled up in haste;
Again afresh to cards they run,
As if they had but just begun.*

Во втором случае «драгоценное» время было растрачено впустую, т.к. должно было быть использовано для более «благородных» целей – завоевания симпатий политических партий, которые они ни во что не ставили:

*T. Dear Mullinix, I now lament
My precious time so long mispent,
By nature meant for nobler ends:
O, introduce me to your friends!
For whom by birth I was design'd,
Till politics debased my mind;*

*I give myself entire to you;
G---d d--n the Whigs and Tories too!*

Можем предположить, что прилагательное «precious» по отношению к единицам времени, будучи наиболее ярко представлено в произведениях Дж. Драйдена, характеризовало речь знатного сословия, бывшего предметом сатиры Свифта.

Суммируя вышесказанное, можем повторить, что специфика репрезентации времени в произведениях Дж. Свифта отражает новую парадигму осмысления данной категории, которую можно встретить также в произведениях других писателей Просвещения: Д. Дефо, С. Ричардсона и Г. Филдинга и изначально появилось у Дж. Беньяна. Эта парадигма характеризуется такими чертами, как деперсонализация и утилитарность: время воспринимается как естественный ценный ресурс, использование которого целиком и полностью зависит от человека.

Примечания

¹ Сплошная выборка контекстов с репрезентантами концепта «time» произведена при помощи авторской программы Л.А. Иванова Find Word 3.3.

² Под концептом мы понимаем семиотическую целостность, являющуюся элементом массива культуры, представленную в сознании индивида в виде единицы ментальных или психических ресурсов информационной структуры, отражающей знания и опыт человека [4, с. 55].

³ Argument Against Abolishing Christianity, Project For The Advancement Of Religion, Sentiments Of A Church Of England Man, Remarks Upon «the Rights Of The Christian Church», Preface To The Bishop Of Sarum's «introduction», Abstract Of Collins's «Discourse Of Freethinking», Some Thoughts On Freethinking, Letter To A Young Clergyman, Arguments Against Enlarging The Power Of Bishops In Letting Leases, Reasons Offered To The Archbishop Of Dublin, On The Bill For The Clergy's Residing On Their Livings, Considerations Upon Two Bills Relating To The Clergy Of Ireland, Reasons Against The Modus, Essay On The Fates Of Clergymen, Concerning That Universal Hatred Which Prevails Against The Clergy, Thoughts On Religion, Further Thoughts On Religion, Prayers For Mrs. Johnson, An Evening Prayer, Observations On Heylin's «History Of Presbyterians» [9].

⁴ В таблице в сокращенном виде представлены следующие метафоры: «время-вместилище», «время – объекты в пространстве», «время – объект восприятия и манипуляции», «время – личность», «время – ценная вещь», «время – ресурс», «время – деньги» [5, с. 13-29].

⁵ К этому числу мы не относим 29 контекстов с устоявшимся выражением «at the same time» со значением «вместе с тем», служащим не для указания на одновременность действия, а для соположения двух различающихся характеристик: «*At the same time, I*

am highly sensible what an extreme difficulty it would be upon you to alter this method, and that, in such a case, your sermons would be much less valuable than they are, for want of time to improve and correct them.».

⁶ A Letter Concerning the Sacramental Test, The Presbyterian's Plea of Merit, Narrative of Attempts for the Repeal of the Sacramental Test, Queries relating to the Sacramental Test, Advantages proposed by Repealing the Sacramental Test, Reasons for Repealing the Sacramental Test in Favour of the Catholics, Some Few Thoughts concerning the Repeal of the Test, Ten Reasons for Repealing the Test Act.

⁷ On Mutual Subjection, On the Testimony of Conscience, On the Trinity, On Brotherly Love, On the Difficulty of Knowing One's Self, On False Witness, On the Wisdom of this World, On Doing Good, On the Martyrdom of King Charles I, On the Poor Man's Contentment, On the Wretched Condition of Ireland, On Sleeping in Church.

⁸ A Letter To A Member Of Parliament, In Ireland, Upon Chosing A New Speaker There; A Proposal For The Universal Use Of Irish Manufacture, An Essay On English Bubbles. By Thomas Hope, Esq; The Swearer's Bank; A Letter To The King At Arms; The Last Speech And Dying Words Of Ebenezer Elliston; The Truth Of Some Maxims In State And Government, Examined With Reference To Ireland; The Blunders, Deficiencies, Distresses, And Misfortunes Of Quilca; A Short View Of The State Of Ireland; The Story Of The Injured Lady. Written By Herself; The Answer To The Injured Lady; An Answer To A Paper Called «a Memorial Of The Poor; Inhabitants, Tradesmen, And Labourers Of The Kingdom Of Ireland»; Answer To Several Letters From Unknown Persons; An Answer To Several Letters Sent Me From Unknown Hands; A Letter To The Archbishop Of Dublin Concerning The Weavers; Observations Occasioned By Reading A Paper Entitled «the Case Of The Woollen Manufactures Of Dublin,» Etc; The Present Miserable State Of Ireland; The Substance Of What Was Said By The Dean Of St. Patrick's To The Lord Mayor And Some Of The Aldermen; When His Lordship Came To Present The Said; Dean With His Freedom In A Gold Box; Advertisement By Dr. Swift In His Defence Against Joshua, Lord Allen; A Letter On Mr. M'culla's Project About Halfpence, And A New One Proposed; A Proposal That All The Ladies And Women Of Ireland Should Appear Constantly In Irish Manufactures; A Modest Proposal For Preventing The Children Of Poor People From Being A Burthen To Their Parents Or The Country, And For Making Them Beneficial To The Public; Answer To The Craftsman; A Vindication Of His Excellency John, Lord Carteret; A Proposal For An Act Of Parliament To Pay Off The Debt Of The Nation Without Taxing The Subject; A Case Submitted By Dean Swift To Mr. Lindsay, Counsellor At Law; An Examination Of Certain Abuses, Corruptions, And Enormities In The City Of Dublin; A Serious And Useful Scheme To Make An Hospital For Incurables; The Humble Petition Of The Footmen In And About The City Of Dublin; Advice To The Freeman Of The City Of Dublin In The Choice

Of A Member To Represent Them In Parliament; Some Considerations Humbly Offered To The Lord Mayor, The Court Of Aldermen And Common-Council Of The City Of Dublin In The Choice Of A Recorder; A Proposal For Giving Badges To The Beggars In All The Parishes Of Dublin; Considerations About Maintaining The Poor; On Barbarous Denominations In Ireland; Speech Delivered On The Lowering Of The Coin; Irish Eloquence; A Dialogue In Hibernian Style; To The Provost And Senior Fellows Of Trinity College, Dublin; To The Right Worshipful The Mayor, Aldermen, Sheriffs, And Common-Council Of The City Of Cork, To The Honourable The Society Of The Governor And Assistants In London, For The New Plantation In Ulste, Certificate To A Discarded Servant, An Exhortation Addressed To The Sub-Dean And Chapter Of St. Patrick's Cathedral, Dublin; The History Of The Four Last Years Of The Queen; An Abstract Of The History Of England: From The Invasion Of It By Julius Caesar To The Reign Of Henry The Second; Remarks On The Characters Of The Court Of Queen Anne; Remarks On Lord Clarendon's «history Of The Rebellion»; Remarks On Bishop Burnet's «history Of His Own Time»; Notes On The «freeholder».

Литература

1. Алеева Е.З. Культурологические аспекты мифа в романе Дж. Свифта «Путешествия Гулливера» // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. – Т. 152. – № 2. – С. 125-136.
2. Тбоева Э. Языковые средства сатиры Дж. Свифта (на материале романа «Путешествие Гулливера») // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2007. – Т. 17. – № 43-1. – С. 330-334.
3. Федоров М.А. Гипотеза изоморфности образной составляющей концепта // Актуальные проблемы современного образования в вузе. Вопросы теории языка и методики обучения: сб. материалов IV Междунар. науч.-практ. конф. – Коломна: МГОСГИ, 2012. – С. 55-62.
4. Федоров М.А. Аспектуальность как способ преодоления множественности определений термина «концепт» // Вестник Бурятского государственного университета (Романо-германская филология). – 2013. – №11. – С. 51-57.
5. Федоров М.А. Образная составляющая концепта ТИМЕ: диахронический аспект. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 2013. – 160 с.
6. Чекурина Н.Е. Джонатан Свифт о своем времени // Вестник Чувашского университета. 2007. – № 1. – С. 416-418.
7. Swift, Jonathan. Gulliver's Travels into several remote nations of the world. – URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/829> (дата обращения: 07.02.2014).
8. Swift, Jonathan. The battle of the books and other short pieces. – URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/623> (дата обращения: 07.02.2014).
9. Swift, Jonathan. The Prose Works of Jonathan Swift, Vol. III.: Swift's Writings on Religion and the Church. URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/12252> (дата обращения: 07.02.2014).
10. Swift, Jonathan. The Prose Works of Jonathan Swift, Vol. IV. – URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/12746> (дата обращения: 07.02.2014).
11. Swift, Jonathan. The Prose Works of Jonathan Swift, Vol. VI. – URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/12784> (дата обращения: 07.02.2014).
12. Swift, Jonathan. The Prose Works of Jonathan Swift, Vol. VII. – URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/18250> (дата обращения: 07.02.2014).
13. Swift, Jonathan. The Prose Works of Jonathan Swift, Vol. IX. – URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/13169> (дата обращения: 07.02.2014).
14. Swift, Jonathan. The Prose Works of Jonathan Swift, Vol. X. – URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/13040> (дата обращения: 07.02.2014).
15. Swift, Jonathan. The Journal to Stella – URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/4208>
16. Swift, Jonathan. The Poems of Jonathan Swift, D.D., Vol. 1. – URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/14353> (дата обращения: 07.02.2014).
17. Swift, Jonathan. The Poems of Jonathan Swift, D.D., Vol. 2. – URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/13621> (дата обращения: 07.02.2014).
18. Swift, Jonathan. The Bickerstaff-Partridge Papers. – URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/1090> (дата обращения: 07.02.2014).

Федоров Михаил Александрович – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры английской филологии Бурятского государственного университета. E-mail: fma1105@gmail.com

Fedorov Mikhail Aleksandrovich – cand. of philosophy, associate professor at the Department of English Philology, Institute of Philology and Mass Communications, Buryat State University. E-mail: fma1105@gmail.com

УДК 811.111

© М.А. Федоров, Е.С. Жигачева

Деятельностная составляющая как основной этнокультурный маркер концептов «Помощь» и «Help»

Изучаемый концепт представлен с точки зрения таких составляющих, как понятийная, образная, значимостная и телесно-знаковая, каждая из которых изучена на достаточно обширном материале. Как показало исследование, наиболее культурно-маркированной является деятельностная составляющая, что, с одной стороны, указывает на универсальный характер первых трех составляющих, а с другой – на преимущественно деятельностный характер концепта «помощь».

Ключевые слова: концепт, помощь, культурная маркированность.

М.А. Fyodorov, E.S. Zhigacheva

Non-verbal Component as the Basic Cultural Marker of the Concepts «Помощь» and «Help»

The concept under study is presented from the viewpoint of the following components: conceptual, figurative, categorical and non-verbal. Each aspect has been researched extensively. The study shows that non-verbal component is the most culturally marked of the four. Which on one hand, points at the universal nature of the first three components, and on the other hand, exhibits the priority of non-verbal representation of the concept.

Keywords : concept, help, cultural peculiarities.

Современное общество невозможно представить без взаимодействия составляющих его членов, без поддержки и оказания друг другу помощи, что указывает на значительную роль концепта «помощь» в национальной картине мира. Культура как система средств адаптации коллектива к окружающей среде¹ позволяет определить концепт как идеальное средство деятельности, отражающее особенности деятельности человека. Уникальность локальных культур является достаточным основанием для того, чтобы считать «помощь» и «help» разными концептами, а не культуророспецифичными вариантами одного универсального концепта.

С.Г. Воркачев считает необходимым описание таких составляющих, как *понятийная*, отражающая признаковую и дефиниционную структуру, выраженную во внутренней форме и семантике лексических средств репрезентации концепта; *образная*, фиксирующая когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в языковом сознании, и *значимостная*, определяемая местом, которое занимает имя концепта в лексико-грамматической системе конкретного языка [2, с. 5-6].

Язык является основным средством репрезентации концептов, однако, как справедливо отмечают З.Д. Попова и И.А. Стернин, не все концепты получают объективацию в единицах языка [9, с. 36]. Деятельностная сущность культуры позволяет утверждать, что единицы мышления, разделяемые языковым коллективом, могут быть объективированы невербально, что позволяет нам выделить *деятельностную* составляющую, объективирующую концепт в действиях.

Как вербальные, так и невербальные средства репрезентации могут обладать универсальной и этнокультурной спецификой. Поэтому сопоставительный анализ должен включать сравнение всех четырех составляющих концептов «помощь» и «help». Понятийная составляющая концепта может быть изучена на основе данных лексикографических источников. В толковом словаре русского языка Ожегова, Шведовой происхождение лексемы «помощь» объясняется следующим образом: «помощь» заимствовано из старославянского языка (исконно рус. *помочь*). Образовано с помощью суффикса *-ть-* от **pomogti (> помочь)*». На современном этапе лексема «помощь» определяется как «содействие кому-либо в чём-либо, участие в чём-либо, приносящее облегчение» [7].

Лексема «помощь» обладает следующими синонимами: «поддержка», «пособие», «пособничество», «сотрудничество», «содействие», «польза», «услуга», «вспомоществование», «вспоможение», «подмога», «подспорье», «воспособление» [3], из которых пять лексем, выделенных курсивом, являются устаревшими. Дефиниции синонимов концепта представляют собой фиксацию основных информационных компонентов и включают когнитивные признаки, характеризующие общую сущность и дифференциальные составные элементы исследуемого концепта [8, с. 123]. Сопоставление дефиниций синонимов лексемы «помощь» позволяет сделать следующие выводы:

- Общими для всех синонимов являются такие семы, как «поддержка», «облегчение чьих-либо усилий»;

• Дифференциальные составляющие позволяют ситуализировать следующие элементы значения синонимов: «материальная помощь», «помощь в хозяйстве», «дружеская помощь», «помощь в преступных деяниях».

В толковом словаре английского языка Макмиллан лексема «help» определяется как «aid, assistance in something; a source of aid, remedy, relief; the process of helping someone, or what you do to help someone» [5]. Согласно словарю синонимов английского языка, у лексемы «help» выделяются следующие синонимы: «aid», «assistance», «service», «support», «facilitation», «provision», «supply», «promotion», «encouragement» [14].

Общей составляющей всех синонимов является то, что все они определяются как акт содействия, способствующий достижению желаемого (activity, act, actions, making);

Дифференциальные составляющие для синонимов представлены в виде наличия следующих элементов значения: материальная помощь («aid», «provision»), открытие доступа («assistance», «facilitation»), душевная помощь («encouragement»).

Таким образом, при сопоставлении понятийной составляющей изучаемых концептов не выявлены серьезные различия, за исключением представленности такого смысла, как «помощь в преступных деяниях», который в английском языке представлен лексемой «abet», не относящейся к репрезентантам концепта «help». Кроме того, уменьшение лексической представленности концепта «помощь» может свидетельствовать о снижении его культурной значимости.

Для изучения образной составляющей концепта «помощь» нами было рассмотрено пять русскоязычных текстов, общий объем которых составляет 4 млн 143 тыс. 481 знак. Нами были рассмотрены книги из списка, предложенного В. Бондаренко [1], в котором представлены произведения, являющиеся выдающимися образцами литературного искусства: «Лето Господне» (И. Шмелев), «Улитка на склоне» (А. и Б. Стругацкие), «Нечистая сила» (В. Пикуль), «Зияющие высоты» (А. Зиновьев), «Чемодан» (С. Довлатов).

Для анализа данной составляющей мы рассматривали номинальные репрезентации концепта «помощь», представленные как с помощью лексической единицы «помощь», так и ее синонимов. Всего было найдено 47 контекстов, в которых исследуемый концепт структурируется при помощи метафоры «помощь – ценная вещь» (нуждаться в помощи, ожидать помощь, благодарить за помощь, требовать помощи).

Для рассмотрения образной составляющей концепта «help» мы проанализировали корпус об-

щим объемом 20 99 490 знаков, состоящий из пяти произведений, представленных в списке лучших книг мира XX века, опубликованном крупнейшим американским издательством John Wiley & Sons. Основным критерием для включения в этот список была степень их влияния на развитие американской культуры: «Великий Гэтсби» Ф. Фицджеральда, «Над пропастью во ржи» Д. Сэлинджера, «Гроздь гнева» Д. Стейнбека, «Старик и море» Э. Хемингуэя, «Свет в августе» У. Фолкнера [11].

Всего было найдено 23 контекста с номинальными репрезентантами концепта «help»: концепт представлен при помощи ключевой лексемы, хотя он может быть представлен при помощи синонимов «aid» – 3 раза, «service» – 1 раз. Единственной метафорой, структурирующей рассматриваемый концепт, является метафора «помощь – ценная вещь».

Согласно Дж. Лакоффу и М. Джонсону, метафоризации подвергаются наиболее абстрактные концепты, тем самым давая определение «чисто» ментальным конструкциям в терминах опыта [13, с. 18-20]. Подобная закономерность позволяет предположить, что образный компонент обоих концептов, включающий в себя по одной метафоре, указывает на то, что помощь в исследуемых культурах воспринимается как нечто конкретное, материальное. Более того, достаточно малое количество контекстов в таком значительном материале исследования может свидетельствовать о том, что вербальные средства не являются главными для репрезентации этих концептов, поскольку они имеют деятельностный характер.

Анализ значимостной составляющей показал, что концепт «помощь» представлен такими частями речи, как существительное и глагол. Прямого прилагательного, образованного от формы «помощь», нет; как правило, данное качество заменяется синонимичными прилагательными *полезный*, *готовый помочь*. В составе вводного слова лексема «помощь» («с помощью», «при помощи») прежде всего передает положительную аксиологическую оценку содержания высказывания говорящим – «выражает способность в чем-либо». Осложнение вводного оборота именем протагониста («с *твоей* помощью», «при *их* помощи» и пр.) управляет значением лексемы *помощь* к объектному лексико-семантическому варианту «содействие». Вербальные реализации концепта «помощь» представлены глаголами *помогать*, *вспомогать*, последняя из которых употребляется преимущественно в поэтических текстах.

В указанных художественных произведениях выделено 185 контекстов с репрезентантами концепта «помощь». Концепт представлен с помощью таких частей речи, как глагол, прилагательное,

наречие. Количественное соотношение репрезентантов выглядит следующим образом: 1) выражено глаголом (129) – 70%; 2) выражено существительным (51) – 27%; 3) выражено прилагательным/наречием (5) – 3%. Преимущественно глагольная репрезентация подтверждает высказанное ранее предположение о материальном, преимущественно деятельностном осмыслении помощи в русской культуре.

Анализ значимостной составляющей концепта «help» показал, что концепт может быть объективирован с помощью таких частей речи, как существительное, глагол, прилагательное и наречие. Количественное соотношение репрезентантов может быть представлено в виде следующего рейтинга: 1) выражено глаголом (154) – 82%; 2) выражено существительным (23) – 13%; 3) выражено прилагательным/наречием (10) – 5%. Как и в случае концепта «помощь», превалирует глагольная репрезентация, что также подтверждает предположение о его деятельностном характере.

Для определения деятельностной составляющей концепта «помощь» нами были рассмотрены 20 российских фильмов. Изначально были рассмотрены 100 лучших российских фильмов в соответствии с рейтингом, представленным Российской киноакадемией [12]. Для анализа были выбраны первые 20 фильмов, которые отражают российскую культуру и действительность. Для анализа были разработаны критерии для актов оказания помощи, позволяющие выделить универсальные и этнокультурные характеристики исследуемых концептов:

Первый критерий – материальная / нематериальная помощь – указывает, имеются ли предпочтения в потребности материальных или духовных благ.

Второй критерий – вид отношений между участниками акта оказания помощи – является очень важным при рассмотрении данной составляющей концепта, поскольку благодаря этому мы можем анализировать исходные причины оказания помощи, а также выделить ее эмоциональную сторону.

Третий критерий – степень затраченных усилий при оказании помощи – указывает, какие акты оказания помощи наиболее характерны для двух рассматриваемых культур.

Четвертый критерий – реакция на оказание помощи – показывает, насколько велика потребность в актах оказания помощи в двух культурах.

Последний критерий – мотивированность оказания помощи – акцентирует, какие причины лежат в основе каждого акта помощи; например, личная симпатия, выгода или отсутствие видимой причины.

В выбранных фильмах выделено 127 ситуаций оказания помощи, которые были проанализированы согласно указанным критериям: услуги нематериального (62 акта) и материального (65 актов) характера представлены в относительно равной степени. Помощь между близкими людьми выразилась в 56 актах оказания помощи, тогда как посторонние люди помогали окружающим соответственно 71 раз.

Значительные усилия для оказания помощи приложили герои в 51 ситуации. Тогда как в 76 помощь оказывалась либо неосознанно, либо по той причине, что это не потребовало особых усилий. В 91 случае помощь была оценена положительно, в 14 ситуациях люди вовсе не нуждались в помощи, и даже, напротив, реагировали на нее негативно, и в 22 случаях на помощь вообще никак не реагировали, поскольку она не была востребована.

Проанализировав все ситуации оказания помощи в отношении их мотивированности, мы составили рейтинг самых частых причин оказания помощи: в 62 случаях видимые причины отсутствовали, в 34 случаях мотивом была личная симпатия, в 20 случаях – долг и в 10 – выгода. Превалирование первого параметра (49,8%), особенно ярко представленного в сопоставлении с таким мотивом, как выгода (7,8%), можно рассматривать как важную характеристику русской культуры – характеристику, которую некоторые исследователи называют «широтой русской души».

В итоге мы можем сделать вывод, что помощь представляется актом содействия как материального, так и нематериального характера. Помощь оказывается как близкими, так и посторонними людьми. Как правило, многие прилагают значительные усилия для оказания помощи. Большинство людей относятся положительно к оказанию помощи, в большинстве случаев они рассчитывают на нее.

Исследование деятельностной составляющей концепта «help» проведено на материале 20 фильмов, выбранных из 100 лучших фильмов по версии Американской киноакадемии, отвечающих следующим критериям: длительность не менее одного часа, признание кинокритикой, присуждение престижных кинопремий, популярность, историческая значимость и культурное влияние [10]. Выбранные фильмы принадлежат к различным жанрам и отражают разные этапы XX века.

Ознакомление с киноматериалом позволило выделить 162 ситуации оказания помощи, анализ которых по указанным критериям привел к следующим выводам: во всех выделенных ситуациях герои чаще оказывают услуги нематериального характера (117 актов), материальная помощь ока-

зывается редко и носит бытовой характер (44 акта). Помощь между друзьями и близкими людьми выразилась в 35 актах оказания помощи, тогда как посторонние люди помогали окружающим соответственно 127 раз. Значительные усилия для оказания помощи приложили герои в 67 ситуаций, в то время как в 98 ситуациях это практически ничего не стоило. В 112 случаях помощь была оценена положительно, в 23 ситуациях люди вовсе не нуждались в помощи и даже, напротив, реагировали на нее негативно, и в 27 случаях на помощь вообще никак не реагировали, т.е. она не воспринималась адресатом как нечто необходимое.

В отношении причин оказания помощи выбранные акты оказания помощи можно распределить следующим образом: в 54 случаях мотивом послужила личная симпатия, также в 54 эпизодах – долг, без видимых причин помощь была оказана в 29 случаях и по причине выгоды – в 19 случаях. Таким образом, две основные причины оказания помощи в американских фильмах – личная симпатия и долг.

Обобщая вышесказанное, нужно сказать, что культурная специфичность главным образом выражена в деятельностном компоненте. Отличительными чертами русской культуры можно считать превалирование актов немотивированной помощи и относительно равное соотношение материальной и нематериальной помощи. Тогда как в качестве отличительных черт культуры США можно выделить превосходство случаев нематериальной помощи, основными мотивами которой являются личная симпатия и долг.

В то же время сходство объективации феномена помощи в двух культурах проявляется в таких деятельностных характеристиках, как отношения между участниками акта оказания помощи, степень затраченных усилий и реакция на оказание помощи. Кроме того, концепты «помощь» и «help» имеют мало отличий в плане вербальной объективации: во-первых, понятийная, образная и значимостная составляющие двух концептов очень близки по своему содержанию, а во-вторых, вербализация концептов, судя по всему,

играет второстепенную роль в сравнении репрезентации их в деятельности.

Примечание

¹ Данное определение основано на дефиниции культуры как способа человеческой деятельности и определения функций культуры как упорядоченного взаимодействия социальной системы с внешней средой и упорядочения самой социальной системы как целостного организма [3, с. 47; 4, с. 63].

Литература

1. Бондаренко В. Пятьдесят писателей XX века // Завтра. – 2008. – Вып. 11 (747).
2. Воркачев С.Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар, 2002. – 142 с.
3. Горбачевич К.С., Балахонова Л.И., Соловьев Н.В. Большой академический словарь русского языка. – М.: Наука, 2005.
4. Каган М.С. Философия культуры. СПб.: Петрополис, 1996. – 416 с.
5. Макмиллан М. Толковый словарь английского языка. – М., 2006.
6. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука // Мысль. – М., 1983. – С. 135.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 8000 слов и фразеологических выражений. – 4-е изд. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
8. Палеева Е.В. Концепт «деньги» в сознании носителей русского языка // Ученые записки [Электронный научный журнал Курского государственного университета]. – 2010. – № 3-1. – С. 121-126.
9. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001. – 93 с.
10. Сто лучших американских фильмов за 100 лет по версии AFI. 2012. – URL: http://mytravelindustry.ru/muvteovluxu23/100_лучших_американских_фильмов_за_100_лет_по_версии_AFI
11. Сто лучших книг XX века. 2014. URL: http://www.100bestbooks.ru/index.php?time_id=1
12. Сто лучших фильмов России (по рейтингу ROSKINO.COM). 2013. – URL: <http://roskino.com/works/100films.htm>
13. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago: The University of Chicago Press, 2003. – 276 с.
14. Online English Synonym Dictionary. 2014. – URL: <http://www.synonymy.com/>

Федоров Михаил Александрович – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры английской филологии ИФМК Бурятского государственного университета. E-mail: fma1105@gmail.com

Жигачева Елена Сергеевна – аспирант кафедры немецкого и французского языков ИФМК Бурятского государственного университета.

Fyodorov Mikhail Aleksandrovich – cand. of philosophy, associate professor at the Department of English Philology, Institute of Philology and Mass Communications, Buryat State University. E-mail: fma1105@gmail.com

Zhigacheva Elena Sergeevna – postgraduate at the Chair of German and French, Institute of Philology and Mass Communications, Buryat State University.

УДК 81-139

© Е.П. Чернобровкина

**К вопросу о методологии исследования медиатекстов:
социолингвистический аспект**

В данной статье рассматриваются качественные разновидности контент-анализа, применяемые студентами языкового факультета для изучения медиатекстов в рамках дипломных и курсовых работ. Автор представляет краткое описание контент-анализа и дает характеристику основных трудностей при выполнении контент-аналитических исследований.

Ключевые слова: контент-анализ, медиатекст, интерпретативный и рецептивный контент-анализ.

Е.Р. Chernobrovkina

**About the Methodology of Studying Mass Media Texts:
Sociolinguistic Aspect**

The article considers qualitative types of content-analysis which are employed by language students for studying mass media texts as part of their term and thesis papers. The author gives a short description of content-analysis methodology and analyzes some obstacles which students face while doing content-analytical research.

Keywords: content-analysis, mass media text, interpretive and reception based content analysis.

В социолингвистике еще не выработаны в должной мере собственные, присущие исключительно ей методы исследования языка. Однако, принимая во внимание то, что она возникла на стыке двух наук – социологии и лингвистики, социолингвисты попытались воспринять все лучшее, что характерно для методики и техники исследований в обеих науках. Методические особенности социолингвистики заключены в ее эмпирических исследованиях, и вся совокупность социолингвистических методов может быть представлена методами сбора материала, методами его обработки и оценки достоверности полученных данных. Достаточно часто материалом для исследования в рамках дипломных и курсовых работ студентов языковых факультетов становятся газетные или медиатексты, которые нередко изучаются методом контент-анализа, необходимого для сбора и обработки текстового материала.

Следует отметить, что для изучения текстов массовой информации применяется весь спектр методов текстовой обработки: от традиционных методов системного и контент-анализа до логического, эмпирического, социолингвистического и сравнительно-культурологического представления. Среди наиболее распространенных можно выделить следующие: метод контент-анализа (социолого-статистический метод анализа содержания, основанный на подсчете числа заданных единиц в определенном корпусе текстов); метод дискурсивного анализа, направленный на изучение способов производства, распространения и восприятия текстов массовой информации; группа лингвистических методов – социолингвистики, функциональной лингвистики, риторической критики и прагматики; целый ком-

плекс методов историко-культурологического и культурно-сопоставительного характера [1].

Неоценимую роль в изучении текстов массовой информации играет социологический метод контент-анализа, или анализа содержания (от английского content – содержание). Контент-анализ (метод анализа содержания) – особая методическая процедура анализа всех видов текстов (вербальных, визуальных и прочих), это анализ ядра коммуникации, того, что лежит между коммуникатором и аудиторией, между автором послания и тем, кому это послание адресовано. Контент-анализ позволяет исследователю делать заключения о социальных феноменах, непосредственно не вмешиваясь в то, что тот изучает, исследовать большой текстовый массив, выделяя в нем скрытые информационные аспекты. Данный метод основан на статистическом подсчете специально выбранных единиц текста (причем не только вербальных), тем самым предоставляя исследователю массовой коммуникации самый широкий спектр возможностей.

Общая процедура контент-анализа обычно включает следующие этапы: 1) определение конкретных целей и задач исследования текста (например, изучение политического имиджа лидера страны); 2) выделение значимых компонентов текста, берущихся за единицу подсчета в соответствии с целями и задачами исследования (например, слово, словосочетание, предложение или фрагмент текста); 3) сбор достаточно репрезентативного объема текстового материала, предназначенного для обработки; 4) статистический подсчет выбранных знаков-символов (в процентах или абсолютных числах); 5) научная оценка полученных данных в связи с задачами исследования.

Высокий методологический потенциал контент-анализа обусловлен тем, что в роли единиц подсчета может выступать практически любой компонент текста массовой информации – как вербальный (слово, словосочетание, имена политических деятелей и т.д.), так и относящийся к медиаряду (повторяющиеся образы, аудио- и видеофрагменты) [5]. Понятийная система задается программой (целями и гипотезами) исследования, нахождение же в тексте лингвистических аналогов этой понятийной системе представляет саму процедуру анализа содержания. Результаты каждого исследования с использованием контент-анализа выражаются количественно. При этом в ходе процедуры анализа содержания анализируемый текст подвергается расчленению, своеобразной вивисекции, квантификации на такие лингвистические единицы речи, которые служат в тексте индикатором определенных явлений действительности, идей, моделей поведения и т.п. и которые подлежат количественному анализу.

Такой подход позволяет исследователю иметь адекватное представление о социальной реальности, репрезентируемой средствами массовой информации. Текст при таком подходе рассматривается в качестве объективированного и опосредованного отражения социальных интересов и политических взглядов сторон, участвующих в процессе массовой коммуникации, в чем заключается главная теоретическая особенность метода. Анализ текста позволяет с определенной долей уверенности судить о поведении, политике и т.д. участниками общения. Используя метод контент-анализа для изучения текстов массовой информации, можно определить такие важные с точки зрения медиалингвистики моменты, как, например, частотные единицы тематически связанной лексики, устойчивые коллокации, наиболее распространенные способы ссылки на источник информации, приоритетные топики новостных текстов и т.д.

Дж. Гербер свел все многочисленные методики анализа к ответам на следующие вопросы: с их помощью исследователи выясняют, что в сообщениях есть (что предлагается общественному мнению, как много и с какой частотой), что из этого важно для коммуникатора (в каком контексте подается и в каком порядке), что из этого представляется коммуникатору хорошим или плохим, правильным или неправильным (в каком свете подается, с какой точки зрения, какими аргументами снабжается), что соотносится с чем и как (в

какой логической и причинной структуре существует) [2].

Усложнение исследовательских задач в сфере коммуникационных исследований, явные выгоды комбинирования количественных и качественных методов логически привели исследователей к мысли о том, что включение в традиционно количественные методы (в частности, в контент-анализ) качественных компонентов и разработка на этой основе новых модификаций этого метода, широко используемого в коммуникационных исследованиях, дадут исследователям возможность решать новые, более сложные задачи, расширить проблемное поле исследований, получать качественно новые, более глубокие и разнообразные выводы о природе изучаемых явлений.

Принимая во внимание вышесказанное, мы считаем целесообразным использование метода контент-анализа в филологических исследованиях, проведенных студентами языковых факультетов, имеющих тем не менее ряд особенностей. Так, исследования, проводимые студентами, как правило, относятся к категории качественных, в которых полученные данные анализируются не математически (статистически), а путем аналитического раскрытия их субъективного смысла [3]. Второй особенностью таких исследований является относительно небольшой массив анализируемого текстового материала, что, однако, нисколько не умаляет достоинства проведенных работ, так как понятие пилотажного исследовательского проекта, зачастую предваряющего полномасштабное исследование, прочно вошло в социолингвистику и другие эмпирические науки. Третьей особенностью подобных исследовательских проектов можно назвать их преимущественно интерпретативный характер, представляющий на сегодняшний день одну из новых разновидностей контент-анализа [2].

Далее в работе представлен обзор выполненных студентами контент-аналитических исследований газетных текстов общественно-политического характера на предмет трудностей методологии и способов их преодоления. Так, студентами четвертого курса была предпринята попытка выявить и проанализировать политический имидж Президента РФ В.В. Путина на материале информационно-аналитических статей, опубликованных на англоязычных сайтах VOAnews.com и RT.com. Основную трудность, впрочем как и многих других контент-аналитических исследований, вызвало правильное определение выборки (сплошной или случайной), необходимой для

реализации цели исследовательского проекта. В данном случае для достижения достоверности и объективности было принято решение проанализировать политический имидж В.В. Путина во время Олимпийских игр в г. Сочи, что предопределило выбор статей, вышедших в период с 7 февраля 2014 г. (открытие Игр) по 23 февраля 2014 г. (закрытие Игр). Далее из выборки были исключены статьи, в которых отсутствовало упоминание Президента РФ как основной фигуры. В результате анализа суждений о В.В. Путине как организаторе Олимпийских игр оба новостных портала оказались в целом нейтральны, ограничившись объективной характеристикой конкретных достижений В.В. Путина при проведении Игр.

Следующим видом трудности, с которым сталкиваются студенты при выполнении контент-анализа, становится определение категории анализа, представляющей собой лаконичное выражение проблемы, которая не дана нам непосредственно в тексте, а принадлежит всей совокупности текстов [4]. Так, анализируя образ г. Улан-Удэ в блогах путешественников, содержание отзывов о городе подсказало категории анализа, которыми стали, во-первых, положительные и отрицательные характеристики города, во-вторых, были определены субкатегории анализа внутри положительных и отрицательных категорий, ими стали кухня, достопримечательности, жители г. Улан-Удэ, религия (буддизм). Основным выводом авторов работы стала характеристика Улан-Удэ, с точки зрения путешественников, как красивого, колоритного и интересного города с притягательной «простой» красотой.

Наконец, трудностью для студентов-исследователей является интерпретация результатов исследования, а также умение увидеть за числовыми данными характеристики реального мира, представленные в дискурсе средств массовой информации через суждения, отдельные слова и словосочетания. Так, студентами была предпринята попытка изучить оценочные высказывания зрителей о бурятских фильмах и сопоставить их с авторским замыслом. За основу исследования были приняты комментарии зрителей, размещенные на сайтах «улановка» и «кинопоиск» и наиболее подходящие под определение «рецензии», предложенное в толковых словарях. Авторский замысел фильмов был представлен в интервью режиссеров Ж. Бадмацыренова («Буузы»), С. Лыгденова («Булаг»), Б. Дышенова («Отхончик»), Д. Туприна («Шлагбаум»). Проанализировав комментарии и интер-

вью, был сделан вывод о том, что зрительское восприятие совпадает с авторским идейным замыслом лишь в 50% случаев, что объясняется несколькими факторами, такими как жанр фильма, качество режиссерской и операторской работы, обилие и качество рекламных материалов и т.п. Интерпретация результатов исследования, как правило, во многом зависит от эрудированности автора, его исследовательского чутья, интуиции и правильно выстроенного алгоритма работы с текстами СМИ.

Следует отметить, что интерпретативный контент-анализ дает исследователям возможность проявить свою начитанность, аналитические умения и способность убедить читателя в своей правоте, так как интерпретации, по сути, не могут быть объективными. Выполняя контент-аналитические исследования, студенты учатся доказывать достоверность и надежность полученных данных, обосновывая процедуру кодирования анализируемых текстов. В перспективе нам представляется интересным и объективно необходимым привлечь внимание студентов к рецептивному контент-анализу, основанному на изучении того, как сами читатели понимают отдельные тексты. Оба подхода в исследовании текстов массовой информации открывают новые возможности для контент-анализа с применением более сложных интерпретаций анализируемых текстов.

Для достижения убедительности результатов исследования, в свою очередь, мы предлагаем следующий порядок действий при выполнении качественного контент-анализа. Этот алгоритм подчиняется общим принципам аналитического описания качественных исследований: 1) первичное прочтение текста целиком. Оно необходимо для формирования общего видения текста, прежде чем он будет рассортирован на фрагменты; 2) вторичное, более детальное вчитывание в текст, комментарии исследователя переосмысливаются, сопоставляются с контекстом ситуации и научным видением автора; 3) при последующих прочтениях формулируются коды, комментарии укрупняются, одновременно происходит сокращение текста за счет исключения ненужной информации. В дальнейшем коды уточняются, конкретизируются, соотносятся с отдельными отрывками из текста; 4) в результате аналитического описания остается организованный структурированный текст и всего несколько категорий и отрывков из текста, необходимых для дальнейшего анализа.

В заключение необходимо отметить, что при выполнении любого контент-аналитического исследования важно должным образом учитывать все этапы вышеизложенной процедуры. При этом основными условиями являются тщательность отбора текстов для анализа, чем достигается объективность и систематичность исследования, соблюдение адекватного количественного подсчета частотности употребления тех или иных элементов текста и обеспечение репрезентативности изучаемого текстового материала. Наиболее полное и строгое соответствие процедуры контент-анализа, применяемой в конкретных лингвистических исследованиях, разработанному и описанному в научной литературе – добавит теоретической и практической значимости курсовых и дипломных работ по филологии, в особенности междисциплинарных, а также повысит интерес студентов к исследовательской деятельности, делая ее более организованной, а значит – посильной и доступной.

Чернобровкина Елена Павловна – кандидат социологических наук, доцент кафедры английской филологии Бурятского государственного университета. E-mail: elena_cher2000@mail.ru

Chernobrovkina Elena Pavlovna – cand. of sociology, associate professor of the chair of English philology, BSU. E-mail: elena_cher2000@mail.ru

УДК 811.134.2+821.134.2

© И.А. Шалудько

Ирония как фактор стилистического единства новелл Сервантеса

В статье исследуется стилистическое своеобразие «Назидательных новелл» Сервантеса. Акцентируется лингвистический аспект стилистического единства 12 новелл и изучается роль авторской иронии в его создании. Анализ заголовков каждой из новелл и всего сборника в контексте их содержания позволяет выявить системную амбивалентность заложенных в них смыслов, создающую ироническую модальность текста. Этот стилистический прием в новеллах Сервантеса проявляется также на уровне образной системы.

Ключевые слова: Сервантес, новелла, стилистическая оригинальность, ирония, лингвистический анализ, амбивалентность.

I.A. Shaludko

Irony as a factor of stylistic unity of Cervantes' short novels

The article deals with the study of stylistic peculiarity of Cervantes' Exemplary novels. The author emphasizes the linguistic aspect of stylistic unity of twelve short novels and studies the role of author's irony in the creation of this unity. The analysis of the titles of each novel as well as the title of the book in the context of their content allows to see the system ambivalence of expressed meanings that create an author's irony of the text. This stylistic device in Cervantes' novels is also formed in the text imagery.

Keywords: Cervantes, short novel, stylistic originality, irony, linguistic analysis, ambivalence.

Мигель де Сервантес Сааведра очень высоко ценил знание языка (и языков), считая его первой ступенью на пути успеха на литературном поприще, ср.: Siendo él tan buen estudiante como debe de ser, y habiendo ya subido felicemente el primer escalón de las esencias, que es el de las len-

Литература

1. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). – Изд. 2-е, стеретип. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 288 с.

2. Семёнова А.В., Корсунская М.В. Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения / под ред. В.А. Мансурова. – М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2010. – 324 с., 1 CD-ROM.

3. Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. – М.: Добросвет, 1998. – 292 с.

4. Федотова Л.Н. Анализ содержания – социологический метод изучения средств массовой коммуникации. – М.: Научный мир, 2001. – 214 с.

5. Wayne, I. American and Soviet Themes and Values: A Content Analysis of Pictures in Popular Magazines. The Public Opinion Quarterly. Vol. 20. No. 1, Special Issue on Studies in Political Communication (Spring, 1956). P. 314-320.

guas, con ellas por sí mesmo subirá a la cumbre de las letras humanas [4, p. 655] – «Будучи таким хорошим студентом, каким он должен быть, и поднявшись счастливо на первую ступень знаний, а это языки, с ними он поднимется на вершину мировой литературы». Сам Сервантес,

безусловно, достиг этой вершины. И это произошло не только благодаря гениальным идеям, которые он излагал в своих произведениях, но и во многом благодаря тому мастерству, с которым он обращался с языком, на котором их сочинял. Мастерство Сервантеса-стилиста, как правило, изучают на материале его гениального творения – романа «Дон Кихот». Однако сам писатель считал предметом особой гордости титул «первого сочинителя новелл на испанском языке» (*yo soy el primero que he novelado en lengua castellana* [5, p. 79]).

К 1613 году, когда вышел в свет сборник из 12 новелл, Сервантес внес кардинальные новации в стилистику современного ему романа (см. [3]). Вполне логично предположить, что к написанию коротких прозаических текстов он подошел со всей ответственностью мастера. Объектом нашего исследования является стилистическое своеобразие «Назидательных новелл» (*Novelas ejemplares*) Сервантеса, рассматриваемое в лингвистическом аспекте.

Одна из главных проблем изучения новеллистики испанского писателя связана с вопросом единства новелл, образующих сборник, в котором, как отмечает Г. В. Степанов, частные истории смонтированы в общую картину национального бытия [2, с. 3]. При этом монтажный принцип не исключает наличия ряда мотивов, формирующих интертекстуальные связи, которые А. Рэй и Ф. Севилья называют *имплицитной рамкой* сборника [8, p. 35-60]. Однако, на наш взгляд, в новеллах Сервантеса, как и в его гениальном романе, важнейшим фактором *текстового единства* является *языковое* мастерство Сервантеса-стилиста, основанное на тонкой *иронии*, лишаящей смысловой однозначности как все рассказанные им истории, так и жанрообразующий признак (*ejemplaridad*) сборника.

Принимая во внимание особый абсурдно-комический характер заголовка его главного романа (подробнее об этом см. [3, с. 106-107]), логично предположить, что наиболее явственно авторская ирония проявляется в конденсированных формах выражения содержания, которыми являются заголовки отдельных новелл. Обратимся к их анализу.

La gitanilla («Цыганочка») – в названии новеллы, открывающей сборник, заключено внутреннее противоречие, отражающее многогранность характера персонажа, как бы обусловленное самой языковой единицей, среди значений которой фигурируют и «плутовочка» и «душечка, милочка», см. [7, IV, p. 52]. Действительно, Пресиоса – существо далеко не бесхитростное и вместе с тем она само очарование. Заметим, что

эти смыслы не передаются в переводе «Цыганочка», указывающем на этническую принадлежность и метонимически на род занятий («попрошайка», «гадалка» и т.д.).

El amante liberal («Великодушный поклонник») – это не только и не столько «великодушный (благородный) влюбленный», готовый отказаться от возлюбленной в пользу другого, как это расценивает объект любви и прочие участники событий, но и тот, кем его видит автор и внимательный читатель, т.е. «расторопный (проворный) поклонник» [7, IV, p. 396], который добивается того, что возлюбленная по собственной воле вручает ему себя.

Rinconete y Cortadillo («Ринконете и Кортадилло») – с одной стороны, это уменьшительные прозвища, образованные крестным отцом преступного мира Маниподио от имен собственных протагонистов: Pedro del Rincón (Педро дель Ринкон) и Diego Cortado (Дьего Кортадо) [5, p. 245], с другой же, – некое подобие арготизмов, т.е. знак принадлежности к преступному сообществу, в частности, к его конкретному «цеху», ср. термины языка карточных шулеров: *gaspadillo*, *verrugeta*, *colmillo* (различные шулерские приемы).

La española inglesa («Английская испанка») – название этой новеллы, являясь результатом структурной компрессии: *la española cautivada/llevada/ por los ingleses, educada a la manera inglesa* – «испанка, плененная англичанами и воспитанная на английский манер», вместе с тем представляет собой оксюморон, составленный из несовместимых имен непримиримых политических и религиозно-идеологических противников.

El licenciado Vidriera («Лицензиат Видриера») – не только титул протагониста лиценциата Видриеры (букв. «Стекланного»), но и в сокращенном виде вся сюжетная линия новеллы, герой которой, лицензиат (*licenciado*), последовательно побывал в ролях «вольнотпущенного солдата» (*licenciado*), затем «облаченного в монашеское одеяние» (*licenciado*) бродяги и даже «распоясавшегося» (*licenciado*) субъекта [7, IV, p. 401].

La fuerza de la sangre («Сила крови») – это не только «зов крови», по которому дед интуитивно потянулся к собственному внуку, но и намек на причинные события, а именно, на «взыгравшуюся кровь» юноши, что повлекло за собой «насилие (*fuerza*) над невинной девушкой». Показательно, что акт женитьбы-искупления тоже представлен как «принуждение» (*fuerza*) [7, III, p. 808].

El celoso extremeño («Ревнивый эстремадурец») – «ревнивец» из Эстремадуры ввиду крайней, патологической степени ревности (*celos extremos*), рождаемой воображением [6, p. 38], становится в высшей степени «бдительным, неусыпным» (*celoso*) и в итоге гибнет в результате усыпления бдительности и воображаемой измены.

La ilustre fregona («Высокородная посудомойка») – название этой новеллы содержит реминисценцию на эпизод из «Дон Кихота», в котором упоминается абсурдный литературный персонаж «принцесса-посудомойка», ср.: *Habiendo de ser la comedia, según le parece a Tulio, espejo de la vida humana, ejemplo de las costumbres y imagen de la verdad, las que ahora se representan son espejos de disparates, ejemplos de necedades e imágenes de lascivia. Porque, ¿qué mayor disparate puede ser en el sujeto que tratamos que salir un niño en mantillas en la primera cena del primer acto, y en al segunda salir ya hecho hombre barbado? Y, ¿qué mayor que pintarnos un viejo valiente y un mozo cobarde, un lacayo rectórico, un paje consejero, un rey ganarán y una princesa fregona?* [4, p. 481] – «Хотя должно быть комедии, по мысли Тулия, зеркалом человеческой жизни, примером обычаев и отражением правды, те, что сейчас ставятся, представляют собой зеркала сумасбродств, примеры глупостей и отражения неумеренности. Потому как есть ли большая несообразность в нашем предмете, чем появление спеленутого младенца в первой сцене первого акта, а во второй его выход уже бородатым мужем? И что может быть глупее изображения храброго старика и трусливого юноши, красноречивого слуги, пажа-советника, короля-носильщика и принцессы-посудомойки?» Но нелепый титул «знатная посудомойка» имеет также иное прочтение: «прославленная посудомойка» (*elevada sobre los demás por sus méritos*) [7, IV, p. 212], т. е. героиня, которая известна под этим прозвищем, хотя посудомойкой не является.

Las dos doncellas («Две девицы») – это две юные героини новеллы, одна из которых к началу истории, по собственному признанию, перестала быть девушкой [6, p. 155], вторая же была полна решимости расстаться с невинностью [6, p. 168].

La señora Cornelia («Сеньора Корнелия») – это имя главной героини, знатной особы и любовницы графа, у которой имеется двойник – «плутовка Корнелия» (*la pícaro Cornelia*), любовница пажа [6, p. 224-226].

El casamiento engañoso («Обманная свадьба») – это комичная история двойного обмана («обманного замужества» и «обманной женитьбы»): к подлогу прибегает как невеста-куртизанка, выдавшая себя за даму, владелицу

дома, так и ее жених, прапорщик Кампусано, похвалявшийся фальшивыми драгоценностями.

Coloquio de los perros («Беседа собак») – название этой новеллы, более точный перевод которого – «Приятная беседа собак» (ср. определение *coloquio*: “conversación o plática ... sobre materia gustosa y agradable” [7, III, p. 420] – «разговор или беседа ... о приятном, доставляющем удовольствие предмете») – это оксюморон, в котором пародируется популярный в литературе Ренессанса жанр диалога и скептически исключается наличие приятных тем в правдивых историях из «собачьей» (т. е. человеческой) жизни.

Итак, для заголовков своих новелл Сервантес намеренно выбирает многозначные, зачастую энантиосемичные лексические единицы и помещает их в синтаксические структуры и, что немаловажно, в широкий контекст, который не только не снимает двусмысленности, но и подчеркивает ее.

Теперь обратимся к общему заголовку сборника, который также не лишен интригующей неоднозначности: оригинальное название – *Novelas ejemplares* – может трактоваться не только как «Назидательные новеллы», но и как «Нравоописательные новеллы», и даже как «Образцовые новеллы». Обращаясь в прологе к своему любезному читателю, писатель обосновывает это имя своего детища следующим образом: *Heles dado nombre de ejemplares, y si bien lo miras, no hay ninguna de quien no se pueda sacar algún ejemplo provechoso; y si no fuera por no alargar este sujeto, quizá te mostrara el sabroso y honesto fruto que se podría sacar, así de todas juntas, como de cada una de por sí* [5, p. 78-79] – «Я назвал их назидательными (или образцовыми), и если хорошенько посмотришь, то нет среди них такой, из которой нельзя было бы извлечь какого-нибудь полезного примера (урока или образца); и если бы это не затянуло сюжета, я бы, пожалуй, показал тебе этот приятный (или солонватый) и достойный (или скромный) плод, который можно было бы извлечь как из всех из них вместе взятых, так и из каждой в отдельности» (пер. наш. – И.Ш.). (Заметим, что гораздо более определенно выразился о двойственном свойстве *ejemplaridad* младший современник Сервантеса комедиограф Алонсо Херонимо де Салас Барбадильо: *confirma el dueño desta obra la justa estimación que en España y fuera della se hace de su claro ingenio, singular en la invención y copioso en el lenguaje, que con lo uno y lo otro enseña y admira* [5, p. 72] – «подтверждает автор этого произведения ту справедливо высокую оценку, которую в Испании и за ее пределами получил его светлый гений с его исключительным воображением и богатейшим языком, с помощью которых он учит и изум-

ляет» (пер. наш. – *И.Ш.*.) Разумеется, неслучайно лукавый автор, экономя время и бумагу, поручает любезному читателю самостоятельно извлечь плод его писательских трудов. С этой задачей несомненно способен справиться любой внимательный читатель, тем более коллега по цеху, для которого новеллы Сервантеса – прежде всего пример для подражания.

Об авторитете Сервантеса-стилиста свидетельствует простое сопоставление гротескового портрета ведьмы Каньисарес из «Беседы собак» и изображения дуэньи Кинтаньоны (Столетней) из «Сновидения о Смерти» (*Sueño de la Muerte*) его младшего современника Франсиско де Кеведо:

Una verdad te quiero confesar, Cipión amigo: que me dio gran temor verme encerrado en aquel estrecho aposento con aquella figura delante, la cual te la pintaré como mejor supiere. Ella era larga de más de siete pies; toda era notomía de huesos, cubiertos con una piel negra, vellosa y curtida; con la barriga, que era de badana, se cubría las partes deshonestas, y aun le colgaba hasta la mitad de los muslos; las tetas semejaban dos vejigas de vaca secas y arrugadas; denegridos los labios, traspillados los dientes, la nariz corva y entablada, desencasados los ojos, la cabeza desgrefñada, la mejillas chupadas, angosta la garganta y los pechos sumidos; finalmente, toda era flaca y endemoniada [6, p. 310-311].

«Должен открыть тебе правду, друг Сипион, мне стало очень страшно, что я заперт в тесной комнате с глазу на глаз с такой образиной, которую сейчас опишу, как только могу лучше. Роста в ней было побольше семи футов; она имела вид скелета, обтянутого черной, волосатой и словно дубленой кожей; брюхо, как будто выделанное из овечьей шкуры, покрывало ее срамные части и свисало почти до колен; груди у нее были как пустые бычьи пузыри: сухие и сморщенные; губы – черные, зубы – выкрошенные, нос – приплюснутый и крючком вниз, глаза – навывкате, голова – простоволосая, щеки провалились, шея высохла, грудь глубоко запала; одним словом, вся она была тощая и дьяволоподобная.» [1, с. 291-292] (пер. Б.А. Кржевского).

Con su báculo venía una vieja o espantajo, diciendo:

–¿Quién está allá a las sepulturas? –con una cara hecha de un orejón; los ojos en dos cuévanos de vendimiar; la frente con tantas rayas y de tal color y hechura, que parecía planta de pie; la nariz en conversación con la barbilla, que casi juntándose hacían garra, y una cara de la impresión del grifo; la boca a la sombra de la nariz, de hechura de lamprea, sin diente ni muela, con sus pliegues de bolsa a lo jimio, y apuntándole ya el bozo de las calaveras en un mostacho erizado; la cabeza con temblor de

sonajas y la habla danzante; unas tocas muy largas sobre el monjil negro, esmaltando de mortaja la tumba; con un rosario muy largo colgando, y ella corva, que parecía con las muertecillas que colgaban de él que venía pescando calaverillas chicas. Yo, que vi semejante abreviación del otro mundo, dije a grandes voces, pensando que sería sorda:

–¡Ah, señora, ah, madre, ah, tía! ¿Quién sois? ¿Queréis algo? [9, p. 373-375]

«Опираясь на палку, приближалась то ли старуха, то ли пугало, вопрошая: “Кто это там у могил?” Лицо у нее было как сушеный персик; глаза погружены в две огромные корзины для сбора винограда; лоб такой исчерченный и такого цвета и формы, что напоминал подошву; нос беседовал с подбородком и вместе они составляли когтистую лапу; выражение лица как у грифона; рот в тени носа, как у миноги, без передних и коренных зубов, с огромными складками, как у обезьяны, с щеткой усов над верхней губой; голова дрожала как бубенцы и голос дребезжал; длинная монашеская тока украшала черную рясу, как саван гроб; длинные четки свисали так низко, что при ее скрюченной фигуре казалось, что костяшками четок она цепляла маленькие черепа. И я, увидев это убогое явление из иного мира, громко произнес, думая, что она, должно быть, глухая: “Ах, сеньора, ах, матушка, ах, тетушка! Кто Вы такая? Чего Вам надо?”» (пер. наш. – *И.Ш.*)

Обращает на себя внимание тот факт, что в портрете Каньисарес, в отличие от Кинтаньоны, гротеск служит изображению не фантазийного образа, а реалистического во всей своей неприглядности состояния «экстаза» и выражению иронии автора, направленной на экстатические практики.

Таким образом, авторская ирония, системно реализующаяся в амбивалентности, в игре смыслов: прямого очевидного и скрытого оценочного – образует «двойное дно» 12 новелл Сервантеса, столь разных по своим жанровым особенностям и иным литературным свойствам, становится важнейшим стилистическим фактором, объединяющим эти тексты. В этой функции ирония приобретает характер сквозного приема, распространяясь на образную структуру текстов.

Литература

1. Сервантес М. де. Назидательные новеллы / пер. с исп. Б.А. Кржевского. – М.: Худож. лит., 1982. – 319 с.
2. Степанов Г.В. Назидательные примеры Сервантеса // Сервантес М. де. Назидательные новеллы: пер. с исп. Б.А. Кржевского. – М.: Худож. лит., 1982. – С. 3-10.

3. Шалудько И.А. О стилистических особенностях романа Сервантеса «Дон Кихот» // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2012. – № 151. – С. 105-113.

4. Cervantes Saavedra M. de. El ingenioso idalgo don Quijote de la Mancha / ed. de F. Sevilla Arroyo y A. Rey Hazas. – Alcalá de Henares: CEC, 1994. – 1080 p.

5. Cervantes Saavedra M. de. Novelas ejemplares I / ed. de F. Sevilla Arroyo y A. Rey Hazas. – Madrid: Espasa Libros, 2010. – 360 p.

6. Cervantes Saavedra M. de. Novelas ejemplares II / ed. de F. Sevilla Arroyo y A. Rey Hazas. – Madrid: Espasa Libros, 2010. – 329 p.

7. Diccionario de Autoridades: Diccionario de la lengua castellana, en que se explica el verdadero sentido

de las voces, su naturaleza y calidad, con las frases o modos de hablar, los proverbios o refranes, y otras cosas convenientes al uso de la lengua. Compuesto por la Real Academia Española. T. I-VI. – Madrid: RAE, 1726-1739 // Nuevo Tesoro Lexicográfico de la Lengua Española/ Real Academia Española. Edición en DVD. – Madrid: Espasa Calpe, 2001.

8. Rey Hazas A., Sevilla Arroyo F. Introducción // Cervantes Saavedra M. de. Novelas ejemplares I / ed. de F. Sevilla Arroyo y A. Rey Hazas. – Madrid: Espasa Libros, 2010. – P. 11-60.

9. Quevedo F. de. Los sueños: Sueños y discursos. Juguetes de la niñez. Desvelos soñolientos. 3ª ed. / ed. de I. Arellano. – Madrid: Cátedra, 1999. – 652 p.

Шалудько Инна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. Тел. (812) 343 86 46. E-mail: shaludko@gmail.com

Shaludko Inna Aleksandrovna – Ph. D. in Philology, Associate Professor Department of Romance Philology, Herzen State Pedagogical University of Russia. Tel. (812) 343 86 46. E-mail: shaludko@gmail.com

УДК 811.111 – 11

© Д.Д. Эрдынеева

К вопросу об аксиологическом потенциале английских идиом со значением обмана в художественном дискурсе

В настоящей статье рассматриваются английские идиомы со значением обмана в художественном дискурсе. Выясняется, что данные идиомы, будучи воспроизводимыми фразеологическими единицами, могут использоваться в художественном дискурсе по аксиологическому “следу” прототипической ситуации, тая в себе свернутую иллюкцию. Иначе говоря, в тексте используется, скорее всего, аксиологический ресурс идиомы, то есть усвоенная, закреплённая схема связи интенционального состояния с его вербальным выражением.

Ключевые слова: аксиология, оценка, идиома, обман, иллюкция, дискурс.

D.D. Erdynееva

The Problem of Axiological Potential of English Idioms Denoting Deception in Literary Discourse

In the current paper we studied English idioms denoting deception in literary discourse. It is apparent that the considered idioms being reproductive units could be applied in literary discourse via axiological “trace” of the prototypical situation. These idioms imply reduced illocution. In other words axiological recourse of an idiom that is a conventional connection of intention with its verbal manifestation is likely used in the text.

Keywords: axiology, evaluation, idiom, deception, illocution, discourse.

Аксиология, или теория ценностей, – «философское учение о природе ценностей, их месте в реальности и о структуре ценностного мира, то есть о связи различных ценностей между собой, с социальными и культурными факторами и структурой личности» [9, с. 731].

Аксиология – это определенным образом организованная совокупность знаний о способах оценки ситуации и их частей, которая лежит в основе выбора тех или иных практических действий. По мнению А.В. Кунина, «оценка – это объективно-субъективное или субъективно-объективное отношение человека к объекту, выраженное языковыми средствами эксплицитно

или имплицитно» [6, с. 181]. В.Н. Телия определяет оценку как «мнение о ценности» [7, с. 110].

Согласно взглядам английского лингвиста Р.М. Хеара, объект может характеризоваться с помощью оценки и с помощью дескриптивных высказываний [8]. Цель описания – сделать так, чтобы слова соответствовали миру, цель оценки – сделать так, чтобы мир соответствовал словам [4]. Многие отечественные лингвисты обращались к проблеме оценки [3; 2: 1; и др.]. У оценки предикативная природа, она обычно связывается с аксиологическими предикатами «хорошо»/«плохо».

Основываясь на теории Р.М. Хеара, А.Н. Баранов также различает дескрипцию и оценку.

В классификации А.Н. Баранова между дескриптивной и общей оценкой лежит ряд промежуточных уровней, которые характеризуются постепенным убыванием дескриптивности [2]. Так, он выделяет следующие оценки:

- 1) количественные (например, «У него зарплата 5.000\$»)
- 2) прототипические (например, «Он зарабатывает больше, чем сосед»).
- 3) гомеостатические, то есть целевые (например, «Его зарплата позволяет ездить на Канары»).
- 4) общие (например, «У него хорошая зарплата»).

Оценивание осуществляется по аксиологической шкале, соответствующей оценочному признаку. Чаще всего оценки бывают смешанными.

А.М. Каплуненко отмечает, что убывание дескриптивности – «очень важный показатель формирования языковой оценки, то есть оценки, закрепленной за содержанием конкретной языковой единицы. Есть все основания полагать, что именно так происходит формирование фразеологической оценки...» [5, с. 237]. Идиомы, как и все фразеологические единицы, обладают сильным аксиологическим потенциалом при относительно «размытой» референции. М. Мак-Карти и Р. Картер пишут о важной роли идиом в оценке ситуации [10].

Использование идиомы в дискурсе как единицы иррационального смысла, ориентированной на выражение оценки, определяется тем, что говорящий/пишущий находится в таком интенциональном состоянии, что другое средство, кроме идиомы, он оценивает как неадекватное для достижения иллокутивной цели высказывания. Согласно Дж. Серлю, оценка – это выражение определенного интенционального состояния [11]. Оценка – это мера интенсивности иллокутивной силы, зависящая от количественной меры основного предиката оценки. В процессе смыслообразования идиома обнаруживает тесную связь с авторской интенцией и как, следствие, обнаруживает оценочный аспект смысла.

Представляется, что классификация А.Н. Баранова наиболее удачна для анализа аксиологической структуры идиом со значением обмана, так как в ней учитываются этнические тонкости оценивания. На наш взгляд, все виды оценки, выделенные А.Н. Барановым, участвуют в концептуализации «DECEPTION» [2]. Так, например:

К-оценки – *big words, an eighteen-carat lie* и др.

П-оценки – *play it low on smb., easy game* и др.

Г-оценки – *dig a pit for smb., mask one's batteries* и др.

О-оценки – *bad faith, play smb. false* и др.

По-видимому, английские идиомы обмана, репрезентирующие концепт «DECEPTION», определяются смешанным способом оценивания, с учетом различных параметров ситуации, являясь аксиологической «амальгамой» (термин А.Н. Баранова). В них закреплены готовые стратегии принятия решений.

Представляется, что чаще всего английские идиомы со значением обмана реализуют свой аксиологический ресурс в оценочной стратегии Г-оценка → О-оценка: *cast aspersions on smb.* (или *smth.*), *take advantage of smb.*, *make a convenience of smb.*, *throw dust in a person eyes* и мн. др.

В дискурсе английские идиомы со значением обмана, как и большинство идиом, обозначающих поведение, чаще всего обладают плавающей оценкой, то есть могут менять её в зависимости от эмпатии говорящего/слушающего. Обман как межличностное отношение может быть оценено говорящим с позиций того или иного актанта – агенса или пациенса: если говорящий на стороне агенса, он «эмпатирует» той оценке, которая принадлежит агенсу, если же на стороне пациенса (бенефицианта), то его оценка совпадает с ценностной позицией пациенса. Если эмпатия говорящего/слушающего относится к Х-у (лицу), то оценка – положительная (и это «хорошо»), если же к У-у, то отрицательно оценивается Х (агенса) [7]. Оценочные значения идиом обмана амбивалентны: они меняют свой «минус» на «плюс» и наоборот в зависимости от ценностной ориентации говорящего. Кроме того, оценочные аспекты английских идиом обмана обнаруживают морально-нравственную природу. Значения английских идиом обмана создают ценностную картину мира, специфическую для языкового коллектива англо-говорящих, где обман чаще всего оценивается отрицательно.

Эмоциональная оценка в идиомах, продуктах вторичной номинации, всегда самым непосредственным образом зависит от образности, что создает психологическое напряжение. Образы, созданные идиомами обмана, воспринимаются и эмоционально переживаются в сфере чувств-отношений и оцениваются по шкале ценностей (чаще всего в диапазоне отрицательного спектра). Так, например, идиомы *dark business, do the dirty on, play fox, stab smb. in the back* создают образы, заставляющие нас испытывать чувства осуждения, неодобрения, и оцениваются отрицательно по шкале ценностей. (*dark* и *dirty* вызывают образ чего-то «грязного»,

«тёмного» и оцениваются отрицательно). Напротив, идиомы *white lie*, *Socratic irony* воспринимаются положительно благодаря образам, передаваемым внутренней формой (*white* как белый цвет вызывает положительную реакцию реципиента, Сократов полемический приём также вызывает одобрительные эмоции).

Таким образом, пациенс переживает образ идиомы – у него появляется оценочное отношение к воспринимаемой информации. В силу этого идиома усиливает интенсивность иллокутивной цели всего высказывания, вызывая при этом прагматический эффект. Мы считаем, что чаще всего английские идиомы со значением обмана реализуют свой аксиологический ресурс в оценочной стратегии Г-оценка → О-оценка. В дискурсе идиомы обмана обладают чаще всего плавающей оценочностью.

Для анализа рассмотрим эпизод из произведения А. Кристи “Почему они не спросили Эванс?”. Происходит диалог двух молодых людей, занимающихся сыском. Герои задаются вопросами, ответы на которые помогают им обнаружить настоящего преступника. Иначе говоря, в ходе разговора детективы выявляют причинно-следственные связи, верифицируя обман преступника Лжениколсона:

“My God!” cried Bobby.

“What is it?”

“Frankie, that wasn’t Nicholson who came here just now!”

“Have you gone quite mad? Who was it then?”

“I don’t know – but it wasn’t Nicholson. All along I felt there was something wrong – but couldn’t spot it, and your saying “ears” has given me the clue. When I was watching Nicholson the other evening through the window I specially noticed his ears – the lobes are joined to his face. But this man tonight – his ears weren’t like that.”

“But what does it mean?” Frankie asked hopelessly.

“This is a very clever actor impersonating Nicholson.”

“But why – and who could it be?”

“Bassington-ffrench,” breathed Bobby. “Roger Bassington-ffrench. We spotted the right man at the beginning and then – like idiots, we went astray red herrings.”

“Bassington-ffrench?” whispered Frankie. “Bobby, you are right. It must be. He was the only person there when I taunted Nicholson about accidents.”

“Then it really is all up,” said Bobby. “I’ve still had a kind of sneaking hope that possibly Roger Bassington-ffrench might nose out trial by some miracle. But now the last hope’s gone. Moira’s a

prisoner; you and I are tired hand and foot. Nobody else has the least idea where we are. The game’s up, Frankie” (12, с. 134–135).

Контекст ситуации максимально приближен к охоте, поскольку речь идет о криминальном расследовании. Интенциональность участников почти по букве охотничья: отыскать добычу vs. уйти от охотника. Интенциональный горизонт героев (Фрэнсис Дервент и Бобби Джонс), определяемый в описываемом эпизоде интенциональным состоянием отчаяния (Frankie asked hopelessly; The game’s up, Frankie), с необходимостью задает намерение совершить определенный речевой акт, объясняющий факт попадания в западню, на которую рефлексировать участники диалога.

Так, вначале Бобби инициирует умозаключение, своего рода эвристический тезис о том, что преступник на самом деле не является доктором Николсоном: “Frankie, that wasn’t Nicholson who came here just now!”. Затем герой последовательно излагает свои соображения, которые основываются на интерпретации прошлого знания. В основе его решающего довода выступает следующий аргумент: “the lobes are joined to his face. But this man tonight – his ears weren’t like that”. Герой совершает речевые акты-дескриптивы, где “слова оказываются приспособленными к миру”. Степень уверенности персонажа в высказанном предположении возрастает по мере того как разворачивается диалог. Можно сказать, что окончательная уверенность героя достигается благодаря ответной реплике согласия героини, резюмирующей окончательный вывод: “Bobby, you are right. It must be. He was the only person there when I taunted Nicholson about accidents”. Тем самым у Бобби повышается степень приверженности истине того, что утверждается пропозицией <Этот человек не Николсон>.

В ходе диалога открывается ниша для соответствующей идиомы со значением обмана: *draw a red herring across the path* – “сбить когोल со следа, ввести в заблуждение“ на фоне попадания в западню. В рамках аргументации очевидно, что иллокутивная цель речевого акта, частью которого является идиома *go astray red herrings*, – ассертив. ФЕ отражает жанровую доминанту произведения – детектив, поэтому ее появление оправдано.

Как известно, для прагматического подхода к языковым явлениям релевантным остается мнение говорящего/интерпретатора: в каких условиях осуществляется это сообщение и т.п. [7]. Мы уже упоминали о том, что молодые детективы, будучи в неволе, путем умозаключений ра-

зоблачают обманщика Лжениколсона. По мнению героев, преступник обманул детективов так, «как если бы, преследуемый бросил селедку, чтобы сбить преследующих со своего следа посредством ложного запаха». Здесь, по-видимому, включается в действие модус фиктивности «как если бы», по В.Н. Телия [7], причем образ селедки воздействует даже на органы обоняния читателей/наблюдателей. Как уже упоминалось, прагматическая функция идиомы заключена в иллюкутивной силе идиомы, которая хорошо просматривается в процедурной записи знания: «знай, что X обманул, считай, что это “плохо”, вообрази, что X сбил со следа, испытай “чувство-отношение” неодобрения».

Представляется, что данная идиома, будучи воспроизводимой фразеологической единицей, используется в тексте по аксиологическому «следу» прототипической ситуации, тая в себе свернутую иллюкуцию. Иначе говоря, в тексте используется, скорее всего, аксиологический ресурс идиомы, то есть усвоенная, закреплённая схема связи интенционального состояния с его вербальным выражением. Идиома *draw a red herring across the path*, трансформированная в дискурсе как *go astray red herrings* – «идти по ложному следу, быть сбитым со следа», манифестирует ее высокую знаковую ценность.

В данном фрагменте дискурса уместно развернуть прототипический сценарий ситуации обмана, где обманывающий и обманываемые – это соответственно преследуемый преступник и преследующие его охотники. Опытный преступник гораздо опытнее (*This is a very clever actor impersonating Nicholson*), чем его молодые преследователи (*like idiots*). На тропе преследования убегающий протаскивает копченую селедку по собственному следу, тем самым сбивая свой запах. При этом выясняется, что один из преследователей почувствовал что-то неладное (*All along I felt there was something wrong – but couldn't spot it*), однако не смог верифицировать обман. Идиома репрезентирует развязку непрототипического сценария I (попытка обманывающего S1 потерпела фиаско, так как обманываемый S2 верифицировал обман S1. Идиомы этого типа обнаруживают перлокутивный эффект).

Как представляется, тема запаха является фокусной в дискурсе. В частности, на это указывает глагол «nose out» – «пронюхать, чуют». Можно отметить также, что в ходе диалога героями часто употребляются глаголы перцепции (*felt; was watching; noticed; nose out*). Видимо, их употребление предопределено той ролью (детективов), на которую претендуют молодые лю-

ди. Очевидно то, что для профессиональной речи как охотников, равно как и детективов характерно употребление подобной лексики.

Идиома воспроизводится в тексте как наиболее адекватное средство для описания ситуации обмана, эксплицируя при этом негативную оценку, поскольку для обыденного сознания быть обманутым – это “плохо”, поэтому идиома маркирована отрицательно (таким образом определяется общая оценка). Фразеологическая единица помимо общей оценки реализует также гомеостатическую оценку (и результат достигнут: герои обмануты) как отражение перлокутивного эффекта. Мы вправе говорить о том, что вышеозначенная идиома реализует свой аксиологический ресурс в оценочной стратегии Г-оценка → О-оценка.

Примечателен тот факт, что обман ассоциируется не только с охотой, но и с театральная игрой: “*This is a very clever actor impersonating Nicholson*”. По-видимому, это связано с тем, что обман осуществлялся посредством имитации поведения настоящего Николсона благодаря талантливой игре преступника.

Итак, анализ показал, что иногда английские идиомы со значением обмана, будучи воспроизводимыми фразеологическими единицами, могут использоваться в художественном дискурсе по аксиологическому “следу” прототипической ситуации, тая в себе свернутую иллюкуцию. Иначе говоря, в тексте используется, скорее всего, аксиологический ресурс идиомы, то есть усвоенная, закреплённая схема связи интенционального состояния с его вербальным выражением.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Баранов А.Н. Аксиологические стратегии в структуре языка (паремиология и лексика) // Вопросы языкознания. – 1989. – №3. – С. 74-90.
3. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М.: Наука, 1985. – 228 с.
4. Ивин А.А. Теория аргументации: учеб. пособие. – М.: Гардарики, 2000. – 416 с.
5. Каплуненко А.М. Историко-функциональный аспект идиоматики (на материале фразеологии английского языка): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / МГЛУ. – М., 1992. – 351 с.
6. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учебник для ин-тов и фак-тов иностр. яз. – Дубна: Феникс, 1996. – 381 с.
7. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

8. Хеар Р.Н. Описание и оценка // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. 16. – С. 183-195.

9. ФЭС – Философский энциклопедический словарь / под ред. Л.Ф. Ильичева. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.

10. McCarthy M., Carter R. Language as Discourse: Perspective for Language Teaching. – London: Longman Group Ltd., 1994. – 230 p.

11. Searle J.R. Intentionality. An Essay in the Philosophy of Mind. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – 278 p.

12. Christie 3 – Christie A. Why didn't they ask Evans? – Moscow, 1991. – 175 p.

Эрдынеева Дарима Дашадоржиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии ИФМК Бурятского государственного университета. E-mail: erdari@mail.ru

Erdyneeva Darima Dashadorjievna – candidate of philology, associate professor at the Department of English Philology, Institute of Philology and Mass Communications, Buryat State University. E-mail: erdari@mail.ru

УДК 81:1

© Н.А. Янькова

Ассоциативный потенциал лексем-репрезентантов константы INNERMOST (СОКРОБЕННОЕ)

В статье обобщаются результаты проведенного комплексного экспериментального исследования среди филологов, носителей английского языка, с целью определить ассоциативный потенциал лексем, репрезентирующих константу INNERMOST в современном английском языке.

Ключевые слова: комплексное экспериментальное исследование, ассоциативный эксперимент, семантическая константа, внутренний мир человека, семиосфера.

Н.А. Yankova

Associative potential of the lexical units representing the semantic universal INNERMOST

The article summarizes the results of complex experimental study among the native speakers of English aiming at specifying the associative potential of the lexical units representing the semantic universal INNERMOST.

Keywords: complex experimental study, associative experiment, semantic universal, human inner world, semiosphere.

В семиосфере внутреннего мира человека [1; 3; 4] константа INNERMOST представляет собой устойчивый, глубоко личностный смысл, переживание, предопределенное механизмами психики и взаимодействием человека с окружающим миром. Недоступное эмпирическому наблюдению, сокровенное тем не менее обладает знаковой природой и присутствует в Я-сознании и сознании Другого. Это неотчуждаемая принадлежность индивида, нечто уже пережитое или только желаемое, но чрезвычайно значимое, особенно близкое, дорогое, важное [2].

С целью выявления вербализованных смыслов и получения более полного представления о константе INNERMOST проведено комплексное экспериментальное исследование среди носителей современного английского языка.

В эксперименте участвовало 27 испытуемых: 11 мужчин и 16 женщин в возрасте от 22 до 72 лет, с филологическим образованием, для которых английский является родным языком. Период проведения эксперимента: ноябрь 2009 года. Опросный лист опубликован на сайте The Linguist list (Eastern Michigan University) URL: //

linguistlist.org/ в разделе *Read linguist/ queries / issue number 20.3996*. URL: // linguistlist.org/issues/indices/Qs2009r.html.

Респондентам предлагалось назвать наиболее точное, по их мнению, слово, используемое для описания глубоко личных, тайных мыслей и чувств, скрывааемых от других людей (*What word do you consider the most precise to describe the deepest and most secret private feelings and thoughts that you are unlikely to express or show to other people*).

Были получены лексемы: *innermost* (7); *intimate* (5); *private* (4); *secret* (2); *hidden* (1); *in my heart of hearts* (1); *hidden feelings* (1); *hidden thoughts* (1); *inner* (1); *inner feelings* (1) *unsaid* (1); *love* (1); *privacy* (1); *fear* (1).

Реакции (всего 135) на слово-стимул, ключевую лексему *innermost* мы разделили на следующие ассоциаты, связанные:

- чувствами и эмоциями человека: *feelings* (14), *love* (4), *emotions* (3), *lust* (1), *affection* (1), *secretive passion* (1), *sadness* (1), *tenderness* (1); *sentiments* (1), *emotional* (1), *touching* (1);

- ментальными процессами: *thoughts* (9), *conscience* (2), *conscious* (2), *knowledge* (1), *beliefs* (1), *hopes* (1), *introspection* (1), *buried in mind* (1), *true nature of mind* (1);

- внутренним «Я»: *private* (8); *personal* (3), *soul* (2), *self* (2), *me* (1), *being* (1), *inner speech* (1), *from the heart* (1), *deep in my heart* (1), *spiritual* (1), *comfort* (1), *balance* (1), *peace* (1);

- близкими, родными людьми: *partner* (2); *home* (1); *care* (1); *familiar* (1);

- локализацией: *deep* (7), *deepest* (2), *core* (2), *interior* (2), *central* (2), *inside* (1); *gut* (1); *deeper than other stuff* (1);

- желаниями: *desires* (5), *dreams* (6), *wishes* (2), *drives* (1);

- степенью открытости: *secret* (10), *intimate* (5), *hidden* (4), *privacy* (1), *confidence* (1), *protected* (1), *share* (1).

Индивидуальные ассоциаты: *circle* (1), *world* (1), *dark* (1), *quiet* (1).

Полученные качественные ассоциаты, формирующие ассоциативное поле константы INNERMOST, сгруппированы нами в соответствии с выделенными уровнями следующим образом:

Ядро: *innermost feelings* (14); *something deep / deepest* (13); *innermost secret* (10); *innermost thoughts* (9), *something private* (8).

Ближняя периферия: *innermost desires / wishes* (7); *innermost dreams* (6); *something intimate* (5).

Дальняя периферия: *something hidden* (4); *innermost love* (4); *innermost emotions* (4); *something personal* (3).

Крайняя периферия: *innermost soul* (2); *something spiritual* (2); *confidence / share* (2); *innermost core* (2).

Для получения более эффективного результата применены также приемы рецептивного эксперимента. Так, респондентам предложено дать своё определение лексеме *innermost*, что позволило выявить реальное содержание исследуемого смысла в английском сознании. В ходе когнитивной интерпретации установлено, что INNERMOST в сознании носителей английского языка предстаёт как:

- то, что не говорят другим: *the subject is not able to confess her innermost truth upon anyone*; не делят с другими: *which you do not normally share with other people*; то, что другим недоступно: *what no one else has access to / thoughts we cherish privately but generally don't share with others*;

- то, что невозможно постичь эмпирическим путём, ибо оно невидимо: *the hardest to see*; охраняется от посторонних: *tend to be the most guarded*; принадлежит только нам: *some-*

thing you wish to keep to yourself; приносит муки радости или горя: *something that tortures either in a good or in a bad way*; хранится ближе всего к сердцу: *deepest, closest to my / one's heart*;

- нечто неопределённое, что подчеркивает отнесённость данной константы к абсолютам невидимого внутреннего мира человека, её высшую степень абстрактности: *something that we keep deep inside in our heart and /or in our mind*;

- глубоко личные, интимные чувства, мысли, идеи, эмоции: *one's deepest feelings / very private and intimate / secret, private feeling / hidden thoughts / intimate thoughts, ideas /the deepest thoughts*;

- часть личной жизни человека, противопоставляемая общественной: *the part of someone's personality and experience that is furthest from one's public image*;

- то, что можно доверить только некоторым: *can only be communicated to a number of friends /I might or might not express to others*;

- тайные желания, стремления, мечты: *innermost desire, aspirations, dream we cherish privately but generally don't share with others / most intimate secret*;

- внутренняя сущность человека: *at the core of a person or thing / the essence of one's being*;

- тайное наслаждение тем, что является дорогим и важным: *inwardly savoring something precious and valuable*;

- внутренний голос человека: *what I say to myself / a feeling or thought that stems from one's interior language*;

- то, что может иметь серьёзные негативные последствия для субъекта *feelings that could lead to severe social repercussions*;

- воспоминания: *innermost memories*;

- источник вопросов и размышлений о человеческом существовании: *it's where pondering and great / serious questions of human existence come from if people open to such day-dreaming moments any now and then*.

Когнитивная обработка результатов проведённого эксперимента позволила выявить дополнительные признаки исследуемой константы, не зафиксированные в словарных дефинициях:

- онтологические: INNERMOST представляет собой сущность человека, его первооснову;

- амбивалентные: INNERMOST вызывает у переживающего субъекта сложную гамму противоречивых чувств, которые оказываются маркированными как положительно, так и отрицательно, что может, в частности, проявляться в общественном неприятии или в личных причинах, заставляющих скрывать его от посторонних;

- гедонические: INNERMOST в английском языковом сознании – это тайное наслаждение чем-то особенно дорогим и значимым;

- признаки внутреннего голоса человека.

В целом анализ полученных данных позволяет сделать следующее заключение. Ассоциативный потенциал языковых знаков, репрезентирующих константу INNERMOST, шире семантического. В сознании носителей английского языка исследуемый феномен понимается как мысли, чувства, эмоции, тайны, желания, мечты, воспоминания, глубоко личные и часто неопределенные, противоречивые, составляющие внутреннюю сущность человека, скрывающиеся и доверяемые немногим.

Янькова Нина Анатольевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка Бурятского государственного университета. Тел.: (3012) 45-71-58. E-mail: ninayankova@mail.ru

Yankova Nina Anatolievna – candidate of philology, senior teacher of English language chair at Buryat State University. E-mail: ninayankova@mail.ru

УДК 81:1

© Н.А. Янькова

Внутренний мир человека: смежные концепты Innermost и Private

В статье рассматриваются концепты внутреннего мира человека Innermost и Private как смежные концептуальные сущности, выявляются признаки, объективирующие переживание сокровенного, глубоко личного в сознании человека и репрезентирующие константу Innermost в современном английском языке.

Ключевые слова: концепт, дефиниционный анализ, семантическая константа, внутренний мир человека, семиосфера.

N.A. Yankova

Human inner world: adjacent concepts Innermost and Private

The article views the human inner world concepts Innermost and Private as adjacent conceptual entities, revealing the signs of inmost and deeply private experiences in the human mind and representing the universal Innermost in the modern English language.

Keywords: concept, definitional analysis, semantic universal, human inner world, semiosphere.

В едином континууме семиосферы английского языка концепты, находящиеся в тесном соприкосновении, образуют иерархическую систему. Характер их смежности зависит от образования или неких целостностей по фактору семантической близости [1].

В семиосфере внутреннего мира человека константа Innermost существует как некая семантическая постоянная, объективирующая скрытое переживание самого важного, глубоко личного в сознании человека. Это смысл, прямо или косвенно, явно или не явно, но облигаторно присутствующий в формирующих ее семантически взаимосвязанных концептах: базовом – Innermost, смежных – Intimate, Secret, Private, Personal, Deep, True, Important [2]. Обращение к материалам словарей-тезаурусов и словарей си-

Литература

1. Внутренний мир человека: семантические константы: коллективная монография / Ю.М. Малинович, М.В. Малинович, Г.А. Агеева [и др.]. – Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2007. – 476 с.

2. Малинович М.В., Янькова Н.А. Семантические константы: «сокровенное» в современном английском языке // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Романо-германская филология. – 2011. – Вып. 11. – С. 76-81.

3. Малинович Ю.М. Семиосфера внутреннего мира человека // Внутренний мир человека: семантические константы. – Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2007. – С. 11-59.

4. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.

out of public view or knowledge: *one's private feelings* [17, p. 1145]:

She never spoke about her past or private life [12, p. 1141];

I have an official diary and private diary [12, p. 1141].

3. Уединённость – without the presence of others; alone; solitary; secluded [13, 2006]. Чаще всего человек переживает своё сокровенное в уединении, замыкаясь в себе, отстраняясь от остального мира. Однако это состояние может предполагать и неполное одиночество, когда индивид хочет отстраниться от тех, кого оценивает как чужих, и побыть наедине с теми, кого считает близкими:

It was the only reasonably private place they could find to talk [4].

4. Сдержанность – reserved, uncommunicative [11, p. 759]. Наличие данного признака позволяет подтвердить связь константы Innermost с ключевыми характеристиками английского самосознания, системой ценностей и норм поведения, которые лежат в основе национальной традиции, предписывающей умалчивать о своём глубоко личном, что обуславливает существование признака невыраженности – not expressed:

He hardly ever betrayed his private thoughts [5];

He was deep in his private thoughts [12, p. 1141];

Privately, Ben felt close to despair [12, p. 1141].

Выражение *private person* используется для характеристики замкнутого в себе, скрытного человека: very quiet by nature and doesn't share his or her thoughts or feelings with other people:

They were very private people with almost no friends [12, p. 1141].

Синонимическая группа концепта Private представлена словами: *own, special, particular, reserved, secret, confidential, personal, individual, secret, hidden, intimate, undisclosed, unspoken, innermost, unvoiced, secluded, concealed* [10, p. 278].

Преодолевая некие условные границы, субъекты извне способны проникать в сокровенное как в частное пространство другого человека. Для этого чужое сокровенное выясняют, узнают, им интересуются, любопытствуют, его допытываются и т. п. Анализ фактологического материала показывает: посягательство на сокровенное извне номинируется в английском языке такими предикатами как:

Pry into – try to find out about someone else's private affairs [14, p. 542]:

<...> *prying into his personal life* [18, 2007];

It was with this object, that of making the offering of himself a worthy one, that he continually searched for new and exquisite experiences. He made lovers come before him and confess their secrets; he pried into the inmost mysteries of innocence and shame, noting how passion and reluctance strive together for the mastery [8, p. 86]. Желание новых, острых впечатлений может побуждать людей проникать в чужой мир сокровенного и удовлетворять тем самым своё нездоровое любопытство.

Scrutinize – give careful and thorough examination [14, p. 610]:

The eyes of most people converge upon the object at which they look, but his remained parallel. It gave them a singular expression, as though he were scrutinizing the inmost thought of the person with whom he talked [9, p. 93].

Plumb – examine closely in order to discover or understand [17, p. 1107]:

Advanced age had by now somewhat mellowed my mother, with the result that I enjoyed my visits to the palace, for when the subject was other than myself she could be stimulating and amusing company. But she never abandoned her attempts to plumb my innermost emotions, always asking, "What do you feel about X, Y, or Z?" never "What do you think?" [3].

Dredge up – bring to notice, especially with considerable effort and from an obscure, remote, or unlikely source [17, p. 434]:

LSD was used by some psychotherapists to dredge up patients' innermost thoughts [4]. Сокровенные мысли человека можно узнать и против воли человека. Для этого его вводят в состояние наркотического опьянения.

Spy – inspect or examine; or search or look for closely or carefully [17, p. 1379]:

I felt almost guilty of having spied too curiously into that tender heart, and I was not going to speak of its secrets – hidden, Miss Matty believed, from all the world [7, p. 60]. В некоторых случаях проникновение в сокровенное может вызывать у человека чувство вины, и тогда он, вероятно, будет хранить его в тайне.

Drag something out (of somebody) – make somebody reveal or give information unwillingly [15, p. 268]:

What would I not give to be present when Lady Clarinda introduces you to Mrs. Beauty! Think of the situation. A woman with a hideous secret hidden in her inmost soul: and another woman who knows of it – another woman who is bent, by fair means or foul, on dragging that secret into the light of day. What a struggle! What a plot for a novel! I am in a fever when I think of it [6, p. 278]. В других случа-

ях, наоборот, человек получает удовольствие от возможности узнать тайное во внутреннем мире другого и сделать это предметом публичного достояния. Сокровенное одного, таким образом, становится корыстной целью другого. В приведенном выше фрагменте говорящий, предвидя ситуацию раскрытия сокровенной тайны (a hideous secret hidden in her inmost soul), готов отдать всё, чтобы присутствовать при этом (What would I not give to be present when Lady Clarinda introduces you to Mrs. Beaully) и использовать момент разоблачения (dragging that secret into the light of day) в качестве сюжета для рассказа.

Worm out – obtain information from someone who is not willing to provide it [11, p. 1121]:

That close sly being used – to worm out the secrets of men's innermost hearts; and his impassive mask never showed a sign of emotion [4].

Общей целью стратегий, реализуемых данными предикатами, является проникновение в чужой внутренний мир, получение информации о ком-либо без его участия или вообще против его воли.

Литература

1. Плотникова С.Н. Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах). – Иркутск, 2000. – 244 с.
2. Янькова, Н.А. Семантические константы: Innermost в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2011. – 185 с.
3. BYU – BNC: Brigham Young University – British National Corpus. [Electronic resource]. – URL: //corpus.byu.edu/bnc/
4. COCA – Corpus of Contemporary American

English. [Electronic resource]. – URL: //www.americancorpus.org/

5. COHA – Corpus of Historical American English. [Electronic resource]. – URL: //corpus.byu.edu/coha/

6. Collins W. The Law and the Lady. – Charleston: Biblio Bazaar LLC, 1999. – 444 p.

7. Gaskell E. Cranford. – London: Penguin popular classic, 1994. – 228 p.

8. Machen A. The Hill of Dreams. – Charleston: Biblio Bazaar LLC, 2008. – 184 p.

9. Maugham W.S. The Magician. – Fairfield: 1st World Publishing, 2001. – 280 p.

10. BDSA – A Basic Dictionary of Synonyms and Antonyms [Text] / L. Urdang. – New Delhi; Bombay: Vision Books, 1983. – 400 p.

11. CCDT – Collins Concise Dictionary and Thesaurus. – New York: Harper Collins Publishers, 2003. – 1200 p.

12. CELD – Collins Cobuild English Language Dictionary. – London; Glasgow: William Collins Sons and Co Ltd, 1991. – 1704 p.

13. EWED – Encarta World English Dictionary [Electronic resource]. URL: //encarta.msn.com/encnet/features/dictionary/dictionaryhome.aspx/ (дата обращения: 28. 11. 2013).

14. LDAE – Longman Dictionary of American English. – London: Longman Inc, 1983. – 5792 p.

15. OALD – Oxford Advanced Learner's Encyclopedic Dictionary. – Oxford: Oxford University Press, 1994. – 1081 p.

16. ODEL – The Oxford Dictionary of the English Language / Дж.М. Хокинс. – М.: Астрель, 2001. – 832 с.

17. RHDEL – The Random House Dictionary of the English Language / J. Stein. – New York: Random House, 1974. – 2059 p.

Янькова Нина Анатольевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка Бурятского государственного университета. Тел.: (3012) 45-71-58. E-mail: ninayankova@mail.ru

Yankova Nina Anatolievna – candidate of philology, senior teacher of English language chair at Buryat State University. E-mail: ninayankova@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Бабушкина Е.А.</i> Перцептивно-аудиторский анализ просодии американского варианта английского языка...	3
<i>Доржиева Г.С.</i> Места памяти и культурная непрерывность (на примере топонимии Бурятии)	6
<i>Емельянова О.Е.</i> Функционально-семантическое поле как средство структуризации категории Blood	11
<i>Завьялова В.Л.</i> Активные процессы в фонетике английского языка в аспекте контактной вариантологии ..	16
<i>Мониева Н.И.</i> Особенности типа организации текста и синтактика высказывания в жанре делового предложения	21
<i>Муманова Т.В.</i> Интонационное оформление речи как маркер социальной принадлежности говорящего ...	24
<i>Намдакова А.А.</i> Интонация английского специального вопроса в условиях бурятско-русского двуязычия ..	29
<i>Озонава Л.Г.</i> Языковые способы описания эмоционального состояния в художественных произведениях старофранцузского периода (XII–XIV вв.)	36
<i>Озонава Л.Г.</i> Семантико-синтаксические особенности конструкций с абстрактным именем в позиции <i>источника</i> эмоционального состояния (на материале французского языка)	39
<i>Попова К.А., Столярова И.Н.</i> Прецедентное имя «Шерлок Холмс» в российской и британской культурах	41
<i>Санжеева Л.Ц., Абидаева Е.М.</i> Средства выражения категории времени в английских лирических произведениях первой половины XX в.	47
<i>Тоуз Нойманн Б.М.</i> Религиозные традиции празднования Нового года в Германии	52
<i>Федоров М.А.</i> Репрезентация метафоры «время – ценная вещь» в произведениях Дж. Свифта	58
<i>Федоров М.А., Жигачева Е.С.</i> Деятельностная составляющая как основной этнокультурный маркер концептов «Помощь» и «Help»	64
<i>Чернобровкина Е.П.</i> К вопросу о методологии исследования медиатекстов: социолингвистический аспект	68
<i>Шалудько И.А.</i> Ирония как фактор стилистического единства новелл Сервантеса	71
<i>Эрдынеева Д.Д.</i> К вопросу об аксиологическом потенциале английских идиом со значением обмана в художественном дискурсе	75
<i>Янькова Н.А.</i> Ассоциативный потенциал лексем-репрезентантов константы INNERMOST (СОКРОБЕННОЕ)	79
<i>Янькова Н.А.</i> Внутренний мир человека: смежные концепты Innermost и Private	81

CONTENT

<i>Babushkina E.A.</i> Perceptual-auditory analysis of American English speech prosody	3
<i>Dorzhiyeva G.S.</i> Places of Memory and Cultural Continuity (on the Example of Toponymy of Buryatia)	6
<i>Emelyanova O.E.</i> Functional – Semantic Field as a Mean of Structure of the Category Blood	11
<i>Zavyalova V.L.</i> Active Processes in English Phonetics in the Aspect of World Englishes Paradigm	16
<i>Monieva N.I.</i> Peculiarities of text organization and syntax of utterance in genre of business proposal	21
<i>Mumanova T.V.</i> Speech intonation as a marker of social identity of the speaker	24
<i>Namdakova A.A.</i> Intonation of English special question in the context of Buryat-Russian bilingualism	29
<i>Ozonova L.G.</i> Language Ways to Describe the Emotional State in the Artistic Works of the Old French Period (XII–XIV Centuries)	36
<i>Ozonova L.G.</i> Semantic and Syntactic Features Abstract Designs with the Name of the Source Position in the Emotional State (in the French Language)	39
<i>Popova K.A., Stolyarova I.N.</i> Culture-specific Perception of Sherlock Holmes in Russia and Great Britain	41
<i>Sanzheeva L.T., Abidaeva E.M.</i> Means of Expressing the Time Category in English Lyrical Poetry of the First Half of the XX Century	47
<i>Tous Neumann B.M.</i> Religious Traditions of Christmas in Germany	52
<i>Fyodorov M.A.</i> “Time is a Valuable Commodity” Metaphor in Works by Jonathan Swift	58
<i>Fyodorov M.A., Zhigacheva E.S.</i> Non-verbal Component as the Basic Cultural Marker of the Concepts «Помощь» and «Help»	64
<i>Chernobrovkina E.P.</i> About the Methodology of Studying Mass Media Texts: Sociolinguistic Aspect	68
<i>Shaludko I.A.</i> Irony as a factor of stylistic unity of Cervantes' short novels	71
<i>Erdynееva D.D.</i> The Problem of Axiological Potential of English Idioms Denoting Deception in Literary Discourse	75
<i>Yankova N.A.</i> Associative potential of the lexical units representing the semantic universal INNERMOST	79
<i>Yankova N.A.</i> Human inner world: adjacent concepts Innermost and Private	81

ВЕСТНИК БУРЯТСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА

Вестник БГУ включен в подписной каталог Роспечати за № 18534 и Перечень изданий Российской Федерации, где должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

На основании постановления заседания Ученого совета БГУ за № 10 от 28 мая 2009 г. в «Вестнике БГУ» в 2014 г. публикуются статьи по следующим направлениям:

1. Педагогика (январь)

гл. ред. Дагбаева Нина Жамсуевна – тел. 21-04-11; 44-23-95

эл. адрес: vestnik_pedagog@bsu.ru

2. Экономика. Право (февраль)

гл. ред. Атанов Николай Иванович – тел. 21-37-44

эл. адрес: vestnik_econom@bsu.ru

3. Химия, физика (март)

гл. ред. Хахинов Вячеслав Викторович – тел. 43-42-58

эл. адрес: khakhinov@mail.ru

4. Биология, география (март)

гл. ред. Доржиев Цыдып Заятуевич – тел. 21-03-48

эл. адрес: vestnik_biolog@bsu.ru

5. Психология, социальная работа (апрель)

гл. ред. Базарова Татьяна Содномовна – тел. 21-26-49

эл. адрес: decspf@mail.ru

6. Философия, социология, политология, культурология (апрель)

гл. ред. Осинский Иван Иосифович – тел. 21-05-62

эл. адрес: intellige2007@rambler.ru

7. История (май)

гл. ред. Митупов Константин Батомункич – тел. 21-64-47

эл. адрес: vestnik_history@bsu.ru

8. Востоковедение (май)

гл. ред. Бураев Дмитрий Игнатьевич – тел. 44-25-22

эл. адрес: gailia@mail.ru

9. Математика, информатика (июнь)

гл. ред. Булдаев Александр Сергеевич – тел. 21-97-57

эл. адрес: vestnik_bsu_math@rambler.ru

10. Филология (сентябрь)

гл. ред. Имixelова Светлана Степановна – тел. 21-05-91

эл. адрес: 223015@mail.ru; map1955@mail.ru

11. Романо-германская филология (сентябрь)

гл. ред. Ковалева Лариса Петровна – тел. 21-17-98

эл. адрес: klp@bsu.ru, khida@mail.ru

12. Медицина, фармация (октябрь)

гл. ред. Хитрихеев Владимир Евгеньевич – тел. 44-82-55

эл. адрес: vestnik_medicine@bsu.ru

13. Физкультура и спорт (октябрь)

гл. ред. Гаськов Алексей Владимирович – тел. 21-69-89

эл. адрес: gaskov@bsu.ru

14. Философия, социология, политология, культурология (ноябрь)

гл. ред. Осинский Иван Иосифович – тел. 21-05-62

эл. адрес: intellige2007@rambler.ru

15. Теория и методика обучения (декабрь)

гл. ред. Очиров Михаил Надмитович – тел. 21-97-57

эл. адрес: vestnik_method@bsu.ru

Требования к оформлению статей, представляемых в «Вестник БГУ»

Отбор и редактирование публикуемых статей производятся редакционной коллегией из ведущих ученых и приглашенных специалистов.

В «Вестник БГУ» следует направлять статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны и значимостью. Каждая статья имеет УДК, а также письменный развернутый отзыв (рецензию) научного руководителя или научного консультанта, заверенный печатью.

Автор статьи обязан заключить лицензионный договор о предоставлении неисключительных прав на использование созданного им произведения (статьи) ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет». Образец лицензионного договора представлен на сайте БГУ.

Общие требования	Тексты представляются в электронном и печатном виде. Файл со статьей может быть на дискете или отправлен электронным письмом. На последней странице – подпись автора(ов) статьи. Название статьи и аннотация даются и на английском языке. После аннотации дать ключевые слова на русском и английском языках.
Электронная копия	Текстовый редактор Microsoft Word (версии 6.0, 7.0, 97). В имени файла указывается фамилия автора.
Параметры страницы	Формат А4. Поля: правое – 15 мм, левое – 25 мм, верхнее, нижнее – 20 мм.
Форматирование основного текста	С нумерацией страниц. Абзацный отступ – 5 мм. Интервал – полуторный.
Гарнитура шрифта	Times New Roman. Обычный размер кегля – 14 пт. Список литературы и аннотация – 12 пт.
Объем статьи (ориентировочно)	Кратких сообщений – до 3 с., статей на соискание ученой степени кандидата наук – 7–12 с., на соискание ученой степени доктора наук – 8–16 с.
Сведения об авторах	Указываются фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, звание, должность и место работы, адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы, e-mail (на русском и английском языках)

- Список литературы – все работы необходимо пронумеровать, в тексте ссылки на литературу оформлять в квадратных скобках.

- Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются. Все статьи проходят проверку в системе «Антиплагиат. ВУЗ».

- Решение о публикации статьи принимается редакцией «Вестника БГУ». Корректурa авторам не высылае́тся, присланные материалы не возвращаются.

- Статьи принимаются в течение учебного года.

- Допустима публикация статей на английском языке, сведения об авторах, название и аннотацию которых необходимо перевести на русский язык.

- Формат журнала 60x84 1/8.

- Статья должна содержать минимум таблиц, формул, рисунков и графиков. Их присутствие допускается только в тех случаях, если описать процесс в текстовой форме невозможно или нецелесообразно. Желательно использование только вертикальных таблиц и рисунков. Все объекты должны быть черно-белыми без оттенков. Все формулы должны быть созданы с использованием компонента Microsoft Equation или в виде четких картинок. Символы можно вставлять с помощью операции в Word (Вставка – Символ). Диаграммы располагаются в тексте с использованием программы Microsoft Excel (Вставка – Объект – Создание – Диаграмма Microsoft Excel). Рисунки и графики должны иметь четкое изображение и быть выдержаны в черно-белой гамме, лучше применять штриховку (Формат автофигуры – Цвета и линии – Цвет – Способы заливки – Узор). Схемы создаются с помощью панели инструментов Рисование. Фотографии и рисунки в формате *.tif или *.jpg должны иметь разрешение не менее 300 dpi. Диаграммы, формулы, рисунки, графики должны прилагаться отдельными файлами, чтобы издательство имело возможность ввести в них правки.

Стоимость обработки 1 с. (формата А4) для преподавателей БГУ составляет 200 р., для остальных – 400 р. Для аспирантов – бесплатно.

Адрес: 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а, Издательство БГУ.

Факс (301-2)-21-05-88

Оплата производится при получении счета от бухгалтерии БГУ.